

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 2(10)/2006

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Беседа с **В.М. Суходревым**

Я.М. Цвиллинг

Переводческие «сюрпризы».
(Непредсказуемое в устном переводе)

Б.Н. Климзо

Справочная база технического
переводчика

Н.Г. Шахова

Параллельные миры

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 2(10)/2006

выходит 4 раза в год

Издатель:
ООО «Р.Валент»

Главный редактор:
З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

И.И. Убин

М.Я. Цвиллинг

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Адрес редакции:

105062, Москва,

ул. Покровка, д. 38з

105062, Москва,

Подсосенский пер., д. 23

Тел./факс: 916-67-03

e-mail: rvalent@on-line.ru

www.rvalent.ru

ISBN 5-93439-197-6

Номер подписан в печать 30.06.06

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Заказ № 1504

Отпечатано в ОАО «ИТС»

Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материала — только

с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент» 2006

В номере:

В.В. Зубанова. О переводе поэзии	3
Беседа с В.М. Суходревым	3
И.В. Зубанова. Гелий, от слова «солнечный», или Воспоминания о переводческой молодости рядом с Г.В. Черновым	14
Памяти Сергея Филипповича Гончаренко	25
С.Ф. Гончаренко. Перевод поэзии: кое-что из доказанного и забываемого	27
В.К. Ланчиков. Шпинат по-английски	30
М.Я. Цвиллинг. Переводческие «сюрпризы». Непредсказуемое в устном переводе	35
Т.П. Некрасова. Юридические термины в кино	42
А.Р. Станиславский. Адаптация: произвол или практическая необходимость	44
Б.Н. Климзо. Справочная база технического переводчика	48
В.А. Иовенко. О ситуационном переводе, ситуационном произволе и корпоративной этике	53
Н.Г. Шахова. Параллельные миры	55
И.Ю. Ионова. О пользе обратной связи с заказчиком перевода	58
Э.М. Пройдаков, Л.А. Теплицкий. Наш словарь и наши проблемы	60
П.Р. Палажченко. В эпизодах...	63
М.А. Загот. Кинофестиваль	70
А.И. Никольская. Русский дзен	76
Б.Н. Климзо «Ремесло технического переводчика»	78
Казнить ли панду? О книге Линн Трасс «Казнить нельзя помиловать»	80
Л.А. Теплицкий. О переводе	88

В мае 2004 г. Сергей Филиппович Гончаренко выступал на заседании Клуба переводчиков по теме «Поэтический перевод». Это стихотворение Сергей Филиппович обещал символически подарить журналу «Мосты».

Ars Convertendi
(Искусство перевода)

С.Ф.Гончаренко

Левобережье на правой,
отвесный берег у реки.
Стань, *переводчик*, переправой
для поэтической строки.
Мостов тут нет. Паромов – тоже.
И брода явно не найти.
Легко уйти на дно... но всё же
трепещет *призраком* пути
тропа луны – как озаренье:
мол, *вот* моста живая плоть!
По ней пройдёт стихотворенье,
как по воде прошёл Господь.
О, нарушители границы,
переведённые стихи!
Зря с *подлинником* вам сравниться
мечают мнимые грехи.
Не *вы* ли подвиг совершили,
прошествовавши по воде,
не беспокоясь о настиле,
и уж тем паче – о ладье?
Не важно, пальма ли, ольха ли
теперь вас приняли в свой лес.
Важней, чтоб *вы* не сплеховали,
когда речной вас путал бес.
В упор не видя водяного,
вы перешли пучину вброд,
и вот – любое ваше слово –
источник, а не *перевод*.

04.02. 1999

На вопросы редакции отвечает Виктор Михайлович Суходрев

— Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком?

С 1939 по 1945 год, всю войну, с шести до двенадцати лет, я жил в Лондоне с мамой, которая работала в советском торгпредстве. В 1951 году, окончив десятилетку, я поступил в ВИИЯ. Почему именно военный институт? В какой-то степени это случайно. Но переводчиком я хотел быть всегда. Это однозначно.

В годы войны проходили многочисленные встречи лидеров союзных держав — Сталина, Черчилля, Рузвельта, Молотова и др. Каждую неделю или чуть реже арендовался какой-нибудь кинозал, и вся советская колония собиралась смотреть советские кинофильмы. А перед сеансом всегда крутили кинохронику. И в том числе показывали встречи наших высоких представителей. Кроме того, каждую субботу мы с мамой непременно ходили в английские кинотеатры, где демонстрировалось много музыкальных фильмов, фильмов про любовь, которые мама буквально обожала, было также много фильмов и на военную тематику, которые так любил я, — и там, перед фильмами, тоже показывали кинохронику. И я с интересом смотрел на молодого человека, который всё время находился рядом, меня всегда интересовал the man in the middle. Одним из них был О.А. Трояновский.

И вот, когда я переболел тем, чем болели тогда все мальчишки, то есть уже перестал мечтать быть лётчиком, я захотел стать переводчиком. Мне удалось побывать переводчиком уже в те детские годы — и в четвёртом и даже в третьем классе я переводил присланной из Москвы директрисе своей школы. Она преподавала математику и английский язык не знала. Во время войны мы, советские, были очень популярны в Англии, нас приглашали на различные церемонии, где передавали купленные на пожертвования англичан или на деньги за собранный английскими детьми металлолом различные дары, например, рентгеновские аппараты, походные аппараты по переливанию крови и пр., — всё это действительно было очень нужно для госпиталей Советской Армии. Такие церемонии проходили в кинотеатрах или концертных залах, и меня всегда выделяли в качестве «штатного оратора».

Школа у нас была большая, не меньше ста учеников. В то время в Англии была большая советская колония, потому что было два посольства. Одно — при английском дворе, а второе — посольство, с отдельным штатом и своим послом, при находящихся в Англии правительствах в изгнании — Польши, Чехословакии, Франции (Де Голль), Норвегии, Дании... Был и огромный военный аппарат. В общем, народу было много, но все, в основном, «варились в своём котле», и возможностей учить английский язык было немного. То есть, живя в Англии, дети учили язык в рамках советской программы. Было всего два-три знавших язык человека, которые стояли как бы особняком.

Лицо профессии

Мама же сняла квартиру достаточно далеко от торгпредства, и, лишённый каждодневного общения с советскими сверстниками, я вынужден был общаться лишь с английскими детьми. Это меня, по-видимому, и создало.

Когда мы вернулись в 1945 году в Москву, я поступил в школу, где иностранный язык был английский, и после первого же урока мне сказали, что делать мне на этих уроках нечего, и все пять лет — с пятого по десятый класс — я эти уроки пропускал. Граматики я не знал, хотя читал, писал и говорил совершенно правильно, но почему я так пишу и говорю, я объяснить не мог. В том числе и на вступительных экзаменах в ВИИЯ. Конечно, хотелось поступить в МГИМО, но уже тогда я знал, что туда очень трудно поступать. Там требовались знакомства, попросту говоря — блат. Может быть, я и поступил бы. Язык я знал очень хорошо, хотя медалистом не был. С математикой не очень дружил. Но когда пришёл к нам в школу полковник и стал агитировать за поступление в военный инъяз, меня это заинтересовало, я подал туда документы и поступил. То был 1951 год — первый год, когда в этот военный институт стали принимать со школьной скамьи, раньше же брали только офицеров из армии. Мои учителями были Александр Швейцер, В.Н. Комиссаров. ВИИЯ я закончил в 1956 году.

— Вы хотели стать переводчиком вообще, письменным или устным, всё равно, или всё же вы хотели сразу быть этим «человеком посередине», мечтали стать «генералом»?

— У меня сразу была мечта, если стать переводчиком, то — лучшим. Несмотря на то, что я немало в своей жизни занимался письменным переводом, особенно при Хрущёве, который очень любил обмениваться личными посланиями с американскими, английскими, да и с другими лидерами (причем это были обычно многостраничные послания: свои, которые мы переводили с русского на английский, и чужие, которые мы переводили с английского на русский), меня всегда привлекала именно работа переводчика где-то там наверху.

Я окончил ВИИЯ в последний год его существования. В то время в армии проходили значительные сокращения — на 1 млн 200 тыс. но, конечно, сокращались не главные силы, боевые части. А, казалось бы второстепенное, так, сократили военный институт иностранных языков — полностью. Не помню, через сколько лет, поняли, что совершили ошибку, ведь одними гражданскими инъязовцами не обойдешься никак, потому что нужны и специалисты с военными знаниями, хотя бы начальными. В те годы укреплялись наши связи, в том числе чисто коммерческие, продажа и помощь военной техникой многим странам. Будучи на пятом курсе, мы студенты-англичане, уже переводили документы, к примеру, по Египту.

Обучались мы языку в закрытом пространстве, да и сам институт был полузакрытым. Из наших выпускников многие уходили и в КГБ, и в Главное разведывательное управление Генштаба, некоторые могли потом оказаться и на нелегальной работе за границей, поэтому никаких контактов с носителями языка быть не могло. Единственными носителями языка были несколько преподавателей испанцев — дети, вывезенные в своё время в Советский Союз из франкистской Испании. Но они уже были советскими гражданами, проверенными.

Конечно, нельзя обучаться языку в замкнутом пространстве, но другого выхода тогда не было.

— А кто были вашими первыми учителями?

— Так это прежде всего и были те самые английские дети. Кстати говоря, немногочисленные, так как большинство детей было эвакуировано подальше от бомбёжек. Кроме того, за мной присматривала и кормила семья Холловэй. Главой этой семьи был английский почтальон, высокообразованный человек, бывший инженер, которому врачи запретили работать в закрытых помещениях из-за проблем с лёгкими, так как во время Первой мировой войны, во Франции, он попал под газовую атаку. Он мог работать только на открытом воздухе — например, полицейским или почтальоном. Он выбрал более мирную профессию. В Англии это ещё и почётная профессия. Зачастую мы ходили вместе, когда он разносил почту. Он многое рассказывал мне, а я

многому учился у него — мой старший друг был мастером на все руки, практически профессиональным фотографом (сам и снимал, и проявлял, и печатал снимки у себя на специально оборудованном чердачке). Вот такими были мои первые учителя.

— Есть переводчики, которые считают, что теория существует отдельно от практики, а как считаете вы?

— Должен признаться, что у меня своё мнение по этому поводу, возможно, в силу тех обстоятельств, в которых я овладел языком (не выучил, нет, действительно овладел!) или он овладел мною, не знаю. У меня не было другого выхода тогда, я должен был общаться, говорить с англичанами — я же не немой. Я вынужден был, хотя само это слово несёт оттенок усилий, а усилий я не прилагал никаких, it grew on, т.е. язык впитывался мною каждый день, каждый час — и когда я играл с детьми, и когда я шёл обедать с семьёй Холловэй. Своих детей у них не было, и они относились ко мне, как к собственному ребёнку. Мама убегала утром рано на работу, едва успевая меня накормить, а приходила домой очень поздно.

Мы приехали в Англию в 1939 году, в августе, а через месяц началась война. Работы в торгпредстве было очень много. Ни одной советской семьи поблизости не было. Так и получилось, что с утра до вечера почти полтора года я не говорил по-русски ни одного слова до того момента, когда я пошёл в школу (почти с восьми лет, так как день рождения у меня в декабре). С русскими же детьми я общался лишь по ночам, потому что начались еженощные бомбардировки Лондона и всех сотрудников торгпредства вместе с детьми обязали проводить ночи в бомбоубежище в саду советского торгпредства.

Таким образом, изучение языка для меня началось на практике.

Когда я поступил в институт, подал заявление на французское отделение, понимая, что мне на первом курсе с английским опять же делать нечего: ведь то, с чего начинается изучение языка — фонетика, грамматика, набор лексики и пр. — мне не требуется. Так что полный курс языка я проходил именно на французском отделении. А когда сдавали экзамены, я сам по себе сдавал и английский. Поэтому у меня всё по-английски: и фонетика, и лексика, и всё, что требовалось, начиная с первого курса. — сдано. Теоретические предметы у нас преподавали Бархударов, Швейцер, Кузнецов и многие другие — они были офицерами.

На третьем курсе, когда пошли теоретические предметы — теоретическая фонетика, теоретическая грамматика, я подал заявление о переходе на английский отделение, потому что понял, что военный институт — достаточно бюрократическая организация и, если я закончу французское отделение, меня и распределят на работу с этим языком, а как бы я ни учил французский, я никогда не буду знать его так, как английский. Хотя английский язык очень помогал мне при изучении французского. Одни и те же слова, одни и те же корни. К примеру, нам дают новую лексику, а я эти слова уже знаю, только произносить их надо по-другому и немного по-другому писать. И даже грамматическая структура — времена глагола и пр. — в чём-то совпадают. Это было очень большое подспорье. Поэтому французский мне давался гораздо легче, чем моим однокурсникам.

Перейдя в английскую группу, я, конечно, с разрешения кафедры вместо занятий, к примеру, по английской лексике, продолжал ходить теперь уже во французскую группу. Я мог варьировать свои занятия языками подобным образом, но сдавал всё необходимое, без всяких поблажек.

Поэтому, отвечая на ваш вопрос, должен признаться, что для меня практика всегда стояла на первом месте. Наверное, подспудно я не мог не впитывать то, что преподавалось в плане научных основ перевода, в плане теоретического анализа, — но сказать, что это меня увлекало, я не могу. Когда я говорю об этом сейчас, не подумайте, я ничуть не умаляю значения теории перевода, но, по-видимому, у меня силою обстоятельств был какой-то свой путь.

Кроме этого, я считаю, очень многое мне дало изучение в институте русского, именно русского языка. У нас была замечательная преподавательница русского языка Сильва Львовна

Лицо профессии

Шапиро, которая блистательно владела теорией и практикой языка. Её уроки родного языка были для нас страшнее любого неродного. Она заставляла нас выполнять сложнейшие задания, безжалостно гоняла по работам академика Виноградова, который писал так сложно, что мы его буквально ненавидели. Но эти уроки русского дали мне как переводчику несомненно много.

А что касается теоретических предметов, связанных с иностранным языком, мне трудно сказать, что именно они мне дали. Следует напомнить, что я учился на педагогическом факультете. Хотя в институте был переводческий факультет, но туда принимали только офицеров. А целый курс школяров набрали на педагогический. Поэтому теоретические предметы я должен был учить так или иначе. Мы проходили и педагогику, и психологию. Но что дало мне как переводчику знание того, что такое дифтонг, трифтонг, я не знаю. Возможно, это вошло в пассивный запас, в фоновую систему знаний. Я, конечно, понимал, что всё это нужно.

Если вспоминать о тех, кто тогда преподавал в военном институте, то, конечно, это А.Д. Швейцер. Но с ним у меня связаны и другие воспоминания. До сих пор в лингафонном кабинете военного университета (так называется ныне ВИИЯ) существуют магнитофонные записи, которые мы в форме диалога делали со Швейцером. Носителей языка не было. Был Швейцер с его американским акцентом и я со своим английским.

— Можно ли сказать, что ваша переводческая судьба совпала с представлением о профессии из той, детской мечты?

— Ну, конечно. Несомненно. Я не только видел, как проходили встречи на высшем уровне, но и стал тем самым человеком посередине, как мечталось когда-то после просмотров фильмов и кинохроники в воюющей Англии.

— Как, по вашему мнению, должен поступать переводчик, если лидер допускает досадную оговорку или ошибку с точки зрения, как сейчас говорят, политкорректности?

— Такие ситуации, конечно, бывали, например, когда я работал с Хрущёвым, человеком импульсивным, который за словом в карман никогда не лез, хотя совершенная неправда то, что он чуть ли не матерился в адрес своих собеседников. Не было этого. Но чрезмерная резкость в переговорах была ему присуща. Хотя и такой опытный переговорщик, как Громыко, в переговорах мог допустить достаточно резкие высказывания.

Но переводчик должен осознавать, что иногда резкость эта — не целенаправленная. Порой это происходит из-за разницы в языке. Например, по-русски вполне можно сказать: «Садитесь!» (будет достаточно соответствующей интонации в голосе), однако по-английски сказать: Sit down! абсолютно нельзя, это будет сродни приглашению на допрос. Be seated, please! Take a seat! Have a seat! Это форма языка. Это законы языка. В английском много случаев, когда говорят «пожалуйста, будьте любезны и пр.», абсолютно не желая на самом деле быть любезными. Так устроен язык. Поэтому требуется соответствующий перевод. Где-то необходимо смягчение, соответствующее строю языка, культуре данной нации. Разница может быть даже между американским английским и британским английским. В первом — мысль выражена более прямолинейно, в последнем — более изящно. Переводчик должен это чувствовать и переводить так, как сказал бы это представитель той или иной страны.

Я уж не говорю о случаях, когда твой начальник, человек, которого ты переводишь, может оговориться. Если ты твёрдо убеждён, что это оговорка, то просто нужно спокойно и правильно перевести. И всё.

К примеру, однажды, выступая на пресс-конференции в Швеции, такой грамотный человек, как Косыгин, на вопрос об уровне жизни в этой стране, ответил: «Я считаю, что в Чехословакии очень высокий уровень жизни!» — а происходило это после 68 года, после событий в Чехословакии, и, по-видимому, это засело в голове у Косыгина. И на второй вопрос о Швеции, Косыгин отвечает, также называя Швецию Чехословакией. Я же, будучи твёрдо уверенным в том, что это

оговорка, перевожу правильно. Однако в зале были иностранцы, знающие русский язык, и они стали кричать, что Косыгин говорит про Чехословакию. Тогда сидящий рядом Замятин — он был тогда заведомо печатником МИДа — нагнулся к Косыгину и сказал ему про оговорку. Косыгин усмехнулся и сказал в зал: «Слушайте переводчика. Переводчик правильно сказал. Хотя, если уж на то пошло, в Чехословакии тоже очень высокий уровень жизни». Так что, вот вам, пожалуйста, оговорки. Это тоже своего рода целая наука, — не останавливая плавного течения переговоров, конференции, говорить то, что имеет в виду выступающий, если ты твёрдо в этом уверен.

— Случалось ли вам допускать досадные ошибки? Или, может быть, самый поучительный случай в вашей практике?

— Конечно, какие-то случаи бывали, но, по-видимому, судьбоносных не было.

Я вспоминаю один случай. Это было в 1960 году, когда Хрущёв был в Нью-Йорке, в ООН. У нас тогда испортились отношения с США после полёта У-2. Один очень известный американский теледееатель Дэвид Саскайнд пригласил Хрущёва на свою вечернюю передачу, которая называлась "Open end", т.е. «Без конца». Надо сказать, что тогда американское телевидение работало не как сейчас 24 часа в сутки, а лишь до определённого времени, до часа, до двух ночи, и это была последняя передача на канале CBS. Поэтому ток-шоу могло длиться столько, сколько хватит духу у собеседников.

Итак, передача шла уже час, и два, пошла на третий, Хрущёв был многословен, ведущий же пытался вставлять реплики, где-то даже перебивая Никиту Сергеевича, чтобы это было больше диалогом, а не монологом Хрущёва. Хрущёв начал доказывать что-то, что показалось Дэвиду Саскайнду прописной истиной, и он сказал: "Don't you think you are baying at the Moon", т.е. вы доказываете очевидные истины, ломитесь в открытую дверь. Шёл уже третий час интервью, был прямой эфир, и я, по-видимому, от напряжения перевёл это напрямую: «Вы лаете на луну». Ну, конечно, следовало подобрать эквивалент помягче. И тут Хрущёв взорвался: «Ах, лаять? Что я вам тут, собака?» и пр.

Впрочем, Хрущёв взорвался бы так или иначе. Дело в том, что в то время Америка находилась с нами на пожарах, и в знак протеста против выступления Хрущёва по телевидению все представители американского бизнеса, которые обычно дают свою рекламу, сняли её, и рекламные паузы были заполнены ярой пропагандой антисоветской организации "Captive Nations Week". Каждый год эта организация устраивала в Америке «Неделю поработённых стран», а вы понимаете, какие, по их мнению, это были страны: Восточная Европа, Прибалтика. В соседней студии находилась наша пресс-группа (Ильичёв, зять Хрущёва Аджубей и другие журналисты), и они во время перерыва на рекламу, которую мы с Хрущёвым не видели, рассказали ему, что именно показывают американцы во время пауз в ток-шоу, поэтому советский лидер был взбешён не на шутку.

Признаю, надо было смягчить высказывание телеведущего, однако, как бы я в тот момент ни перевёл (лаять на луну, доказывать прописные истины, ломиться в открытую дверь), Хрущёв взорвался бы всё равно. Конечно, когда ты диктуешь стенографистке и можешь себя отредактировать — это одно, а в прямом эфире — слово не воробей, вылетит не поймаешь. И этим отличается в первую очередь устный перевод от письменного. Полной невозможностью вернуть что-либо назад.

— А какой самый трудный случай в вашей практике? Может быть, какой-либо специальный перевод?

— Дело в том, что специальное было постоянно. Например, такой вопрос, как длящиеся в течение ряда лет, особенно в 70-е годы, уже при Брежнев, нескончаемые переговоры об ограничении стратегических вооружений и противоракетной обороне. Разбираться надо было и в типах ракет, и в терминологии, например, ракеты с разделяющимися головными частями индивидуаль-

ного наведения, и в том, что такое настильная траектория, и т.д. Как мне это удавалось? Я всегда настаивал на том, что переводчик, который идёт на такие переговоры, должен прочитать все бумаги, все справки, которые МИД, Министерство обороны, КГБ и другие специально готовили для ведущего переговоры и в которых тема детально описана, потому что переводчик должен понимать всё, о чём будут говорить на переговорах: какие есть ракеты — ракеты наземного базирования, воздушного базирования, морского базирования, какие есть подводные лодки, что такое моноблок, ракета с одной боеголовкой, относительная дальность полётов, и т.д. и т.п. Если посадить переводить человека, не знающего тему, то он «поплывёт» немедленно.

Переводя подобные переговоры, переводчик не должен допускать ошибок. Ведь и сейчас нередко слышишь, как по телевидению говорят: «радиус полёта ракет», а этого не может быть. У ракеты может быть только «дальность полёта», потому что ракета летит в одну сторону, из точки А в точку Б, и не возвращается. Радиус может быть только у самолёта. Это лишь один из примеров.

— А как же вы готовились к таким переговорам? Были ли какие-нибудь словари? И какие словари у вас обычно под рукой?

— Словарей специализированных не было. Были отдельные глоссарии. Я, в частности, изучал американские материалы на эту тему — у них и писали и объясняли более открыто. Приходилось самому разбираться в терминах. Например, по-английски *depressed trajectory* — настильная траектория ракеты. Это параллельные термины, существующие в каждом языке, а не переводные. Я не участвовал в многомесячных переговорах наших экспертов, которые проходили в Женеве или в Вене, где вырабатывались соглашения, но периодически, когда переговоры заходили в тупик и когда надо было разрубить какой-то узел, пробить этот тупик, организовывались встречи на высоком уровне. Например, приезжал Киссинджер, и тогда я участвовал в переговорах. Но в это время возвращались из Женевы мои коллеги, дипломаты, у которых можно было многое спросить, уже существовали документы, с которыми я мог ознакомиться заранее, и американцы со своей стороны тоже передавали документы. Все были заинтересованы в правильном переводе. Я всё это читал — надо было становиться специалистом, надо было точно понимать что к чему. Наверное, именно эти переговоры и были самыми сложными. Эта область сложна тем, что приходилось ещё разбираться и в чисто технических вопросах.

Что касается словарей вообще, особенно при письменном переводе, я без них не живу. В моё время уже появились американские словари: *Rodale's Word Finder*, *Synonym Finder*, *Adjective Finder*, *Word Finder* гораздо шире, чем словарь синонимов. Вот, где можно найти единственно точное слово! Я всегда себя сам редактировал. Когда я переводил, готовил речь, например Громыко, элементарный русско-английский словарь всегда лежал рядом. Когда я диктовал машинистке, то мог открыть словарь и посмотреть какое-то слово, что на этом этапе происходило крайне редко. Но вот когда затем я редактировал написанное, тут уж непременно использовались словари. Мне хотелось найти самые точные слова. И в стилистическом плане в том числе. Словари русского языка, Ожегова в первую очередь, тоже всегда были под рукой. Однажды в одной из поездок с Громыко, когда мы переводили его речь в загородной советской резиденции под Нью-Йорком, я пристроился в коридоре и диктовал машинистке, иногда заглядывая в словарь, лежащий рядом. Увидев, что я использую словарь, один из дипломатов воскликнул: «О, даже Суходрев пользуется словарём!». На что я ему ответил, что не пользуется словарём только плохой переводчик.

— А что касается книг вообще? Много ли вы читаете?

— Я в молодые годы очень много читал. Классику в первую очередь. Кто из молодёжи сейчас читает «Войну и мир»? Говоря о героях романа, скорее всего, будут иметь в виду фильм и называть фамилии главных героев фильма. К сожалению, это касается не только американской молодёжи, но и нашей. Диккенса я прочитал почти всего. «Сагу о Форсайтах» Голсуорси.

Но, знаете, очень большую роль сыграли в освоении мной языка детективы. Мы уехали из Англии, когда мне было 12 лет, и мама закупила очень много книг, в том числе детективов, и постепенно выдавала мне эти книги. Я их читал запоем. Это trash, в принципе, я не говорю о классике типа Агапы Кристи, но какое богатство с точки зрения повседневного разговорного языка, языка разных социальных слоёв. Я мог через месяц забыть всю фабулу, но словечки, выражения, обороты я помнил. Конечно, литература ставит язык. От неё категорически нельзя отказываться.

— Вы прекрасно понимаете, что, если говорить без ложной скромности, переводчики вашего уровня — единичный, штучный товар, их можно пересчитать по пальцам. А кто еще входит, по вашему мнению, в их число, и как готовятся переводчики такого уровня?

— Конечно, не я один. Потому что каждодневно велись переговоры в Женеве, в Вене, делегации с той и другой стороны возглавлял дипломат, обязательно входили в её состав военные, научно-технические специалисты в данной конкретной области, и пр., но они не обладали иностранным языком, и главы делегаций по большей части также не знали языка, но всегда присутствовала группа переводчиков, которые влезали в данную тему очень глубоко. Несмотря на то, что я участвовал в подобных переговорах периодически, только лишь когда на арене переговоров появлялись «орудия главного калибра», такие, как Брежнев, тем не менее приходилось постоянно следить за новшествами, все время появлявшимися в этой сфере. Например, если человеку, совершенно не знакомому с этой тематикой, дать по-русски прочесть сами тексты первого договора 1972 года об ограничении стратегических наступательных вооружений или договора об ограничении системы противоракетной обороны, то он ничего не поймёт. А для меня это открытая книга, мне ясна каждая формулировка.

— А пользовались ли вы какими-нибудь записями, скорописью при переводе таких сложных тем? Была ли это ваша собственная система записей или разработанная кем-то?

— Несомненно, я пользовался записями, несмотря на то, что у меня хорошая память. У каждого переводчика своя личная система записи. Конечно, существует знаменитая Женевская школа перевода, там преподают скоропись. У меня даже есть учебник Селескович, которую мне подарила сама автор. Существует целая система записей при последовательном переводе, которая появилась ещё в Лиге Наций. (Синхронного перевода тогда не было, и было только два рабочих языка — английский и французский. Сейчас в ООН их уже шесть.) В те годы, выступая в Лиге Наций, делегат мог говорить 15, 20, 30 минут без перерыва. Потом говорил переводчик — 15, 20, 30 минут, тоже без перерыва. И всё это на основе своих собственных записей. Поэтому существовал целый теоретический и практический курс, как записывать выступление, как сохранить канву и нюансы этого выступления. Это ни в коем случае не была стенография, это были пометки, которые переводчик фиксировал на бумаге и которые позволяли ему сохранить и вытащить из памяти мысли докладчика. На основе двух строчек записи переводчик мог говорить очень долго.

Здесь я опять должен сказать об особенностях работы переводчика моей специализации — политического государственного переводчика, о важнейшей особенности его работы, о которой нигде, в том числе и у вас в журнале, почти не пишется, нет науки об этом, эта область переводческой деятельности не изучается, а мне кажется должна изучаться.

Выше вы задали вопрос, как готовят переводчиков такой специализации. Это очень сложное направление работы переводчиков. Следует иметь в виду, что работа таких переводчиков не только не заканчивается в тот момент, когда заканчивается официальная часть переговоров, а я бы сказал, что она только начинается.

Главные действующие лица преспокойно могут уйти и пить виски с содовой, а переводчик удаляется с диктофоном или со стенографисткой и начинается сложнейшая работа, потому что ни одно слово из сказанного на таком уровне не должно пропасть, оно должно остаться на

бумаге, в качестве документа для изучения сегодня, и через час, и через год, и через десять лет. А кто это может сделать? Только переводчик. Тем более, что масса вещей происходит, согласно нашей профессиональной формулировке: «Беседа происходила с глазу на глаз в присутствии лишь переводчиков». Когда, например, в 1961 году в течение двух дней шли переговоры Кеннеди и Хрущёва, все сопровождающие находились в соседних комнатах. И только два переводчика — с американской стороны Саша Акаловский (русский по происхождению, его родители были эмигрантами первой волны) и с нашей — я. Кто же должен был записывать всё, что происходило на этих переговорах. Кто расскажет о них. Хрущёв? Но он, конечно же, не мог всё запомнить. Только переводчик. Я вернулся в Москву и сутки сидел, не вылезая из комнаты, расшифровывал свои записи, у меня менялись только стенографистки. Кстати говоря, живое общение помогает, хотя стенографистки, даже очень высокой квалификации, почти никогда не вникают в суть дела. После двух дней напряжённой работы политических деятелей появилось 120 страниц машинописного текста. Вот что такое работа государственного переводчика.

Мы не будем говорить о синхронных переводчиках, это совсем другая статья. А что касается *conference interpreter*, то при подготовке в Женевской школе такого переводчика учат скорописи, системе значков и пр., но самое главное, ему рекомендуют: если ты переводишь сначала одного оратора, а через час другого, то первого ты должен напрочь выкинуть из головы. У последовательного переводчика, может быть, так оно и есть, а переводчик государственного уровня должен, наоборот, сохранить в голове всё, что происходило, и, основываясь на своих знаках и закорючках, положить всё это на бумагу. Плюс, ещё раз подчёркиваю, доскональное знание темы.

Выше я только одну тему затронул, тему переговоров о сокращении вооружений, она очень сложна технически, терминологически. Но ведь существуют и не менее сложные темы. Например, вопросы ближневосточного урегулирования. Переводчик должен понимать глубинные основы конфликта, все хитросплетения, вникать в суть, очень бережно переводить. В таких переговорах каждая сторона обычно имеет своего переводчика, который переводит на чужой язык, хорошо зная свою позицию.

В ООН, например, переводчик-синхронист должен переводить с двух иностранных языков на свой родной язык, а в случае перевода на политических переговорах переводчик переводит со своего на чужой язык.

Но позже, когда переводчик излагает на бумаге всё, что происходило на переговорах, он должен отразить не только свою, но и чужую позицию. Основываясь на самых разных источниках, переводчик должен уяснить позицию собеседника и зафиксировать это в письменном виде. Он всегда должен быть в курсе того, что произошло когда-то по тематике данных переговоров. Ведь они для того и ведутся, чтобы сближать позиции двух сторон, что-то дополнять, вносить что-то новое, что может служить подвижкой к согласию, и переводчик должен это ощутить. Вот оно, то самое, ради чего всё это происходит...

В основном, переговоры — это повторение известных позиций. Но где-то вдруг происходит некая подвижка. И этот нюанс нужно поймать. Потому что именно он может вызвать ответную реакцию и подвижку другой стороны. Так было, когда мы долго-долго спорили с американцами насчет положения в Западном Берлине. Наша позиция с давних пор, ещё с хрущёвских времён, заключалась в том, что западные державы: США, Англия, Франция — должны уйти из Берлина полностью, чтобы там не было никакого военного присутствия. Мы это повторяли раз за разом, а Громыко умел делать это очень хорошо, но ничего не происходило, когда вдруг на переговорах возникло новое слово: сворачивать, т.е. не прекратить своё присутствие, а сворачивать. И это было сказано Громыко в Белом Доме при Никсоне. На переговорах присутствовал Киссинджер. Слово, бережно переведённое переводчиком, не как *put an end*, а как *curtail*. Лишь одно слово. Никсон не обратил на это внимания, а Киссинджер попросил перевести последнюю фразу ещё раз и спросил Громыко (тем более, Громыко знал язык), так ли переведено. Громыко

подтвердил. У Киссинджера просто загорелись глаза, потому что он увидел важную подвижку с нашей стороны. Вот что такое нюансы в переводе в ходе политических переговоров. Потому что, если только речь не идёт о безоговорочной капитуляции, переговоры основываются именно на таких нюансах. И переводчик должен это уловить.

— Ваши пожелания молодым?

— Расширять кругозор. И в это я вкладываю всё то, о чём мы сегодня так много говорили. Знание тематики. А если коротко говорить, переводчик должен быть разносторонним дилетантом. Он не может быть профессиональным инженером, ракетчиком, ближневосточником, китаеведом, американистом, но во всех этих и многих других областях науки, техники, искусства он должен быть разносторонним дилетантом. Когда я читал лекции в Дипакадемии, в МГИМО, у меня всегда была отдельная глава о необходимости знания библейских легенд. И я подчёркивал, что их должен знать любой человек, который считает себя культурным, интеллигентным, а переводчик в особенности. Ну как же можно ходить, к примеру, по Эрмитажу, смотреть на бесчисленные произведения искусства, в которых так или иначе запечатлены библейские сюжеты, не зная, что за этим стоит. Кто такой блудный сын, и кто такая Саломея, и почему отрублена голова у Иоанна Крестителя, — как же это можно переводить, особенно если ты — гид-переводчик? В те времена на меня чуть ли не в партокм жаловались, что я призываю изучать Библию.

Многое изменилось сегодня. Изменилось отношение и к изучению языка. Вот, например, я часто смотрю наш телеканал на английском языке "Russia Today", он стал круглосуточным: новости, интервью и др. Многие ведущие — явно носители языка, но есть и блестящие говорящие русские. Чувствуется, что это люди, которые не просто окончили языковой вуз здесь, у них была возможность учиться за границей, слышать живую речь, общаться с англичанами, американцами. И это сейчас доступно — конечно, были бы деньги. А в моё время мы были штучным товаром. Ведь учиться в иностранном учебном заведении нам, советским, тогда было запрещено.

Почему Трояновский был великим переводчиком? Его отец был послом в Вашингтоне, и он слышал живую речь, учился в колледже. Ну а я? Тоже сказали шесть лет, проведённые в Лондоне.

— Не было ли у вас когда-либо ощущения, что к переводчикам относятся как к обслуживающему персоналу? Мы в своих интервью порой задаём этот вопрос, хотя ответ давно ясен — если это личность и профессионал, умный и глубоко эрудированный человек, то ничего, кроме глубочайшего уважения, по отношению к нему окружающие, даже если это руководители высшего звена, лидеры стран, не испытывают.

— В американском государственном департаменте, на дверях русской секции отдела лингвистического обеспечения висит общеизвестное петровское изречение «Толмачи и прочая сволочь». Впрочем, надо сказать, что во времена Петра это слово не было ругательством, а имело, скорее, смысл «обслуга». Но всё же это люди, стоявшие в самом низу социальной лестницы. У нас, я должен сказать, это не так. Даже в сталинские времена на банкетах переводчика сажали рядом со Сталиным и подавали еду одинаково со всеми. Другое дело, что если он практически не успевал. Работая, например с Громыко, я и на себе испытывал это неоднократно. Закашничалась официальная часть переговоров, время ланча, и все садились за стол, — одни мужчины, естественно, деловой ланч. А мне приходилось отодвигать приборы, брать свой блокнот и работать. В лучшем случае, успеваешь что-то перехватить, когда оба собеседующих что-то жуют... И это нормально. Это работа.

Ещё пример. Если переводчик, как это было и со мною, поступал на работу в бюро переводов МИДа — подразделение, которое занималось чисто переводческой деятельностью, он становился полноправным сотрудником министерства иностранных дел, у переводчика были те же должности, начиная с референта: старший референт, атташе, третий секретарь, второй секретарь,

Лицо профессии

первый секретарь и т.д. Он рос по службе, мог перейти на чисто дипломатическую работу. Заведующие отделами любили брать переводчиков, потому что такие специалисты обладали гораздо большими трудовыми навыками, чем те, кто начинал с младших должностей и, приняв после окончания института, по сути перекладывал бумажки, в то время как переводчики присутствовали на важных и важнейших переговорах, где действительно решались проблемы. С этим багажом переводчик и приходил в отдел. Он был выше по уровню знаний и умений, чем пришедшие с институтской скамьи. Я, например, в 1956 году поступил в бюро переводов, а в 1966 году перешёл в оперативный отдел, во Второй Европейский отдел, уже будучи советником. Я уже познакомился с Хрущёвым и с Громыко. Но и потом, уже будучи советником отдела, а затем и заместителем заведующего отделом, я всё равно исполнял в дополнение к своим служебным обязанностям роль переводчика на важнейших переговорах.

Такое отношение к переводчику у нас в стране. А в Госдепе, к примеру, не так. Если переводчик, успешно сдавший экзамены, принимают в лингвистическое подразделение, он заключает контракт и по этому контракту уже не имеет права перейти на другую должность, в том числе не может стать дипломатом. Он продлевает контракт, вплоть до выхода на пенсию.

— Вы находитесь в прекрасной физической форме, вы замечательно ведёте беседу, которая длится уже не один час, у вас прекрасная память — всё то, чем и молодые иногда не могут похвастаться. Что это? Это профессия так помогает, развивает?

— Наверное, это и физиология, и генетика, и природа — куда деваться, но, несомненно, профессия переводчика учит сохранять сосредоточенность в течение многих часов и даже дней. И это абсолютно точно.

Необходимо развивать память, несмотря на то, что у переводчика обязательно существуют собственные блокнотные записи. Они действительно личные, потому что, как бы ни учили в той же Женевской школе закономерностям скорописи, у каждого переводчика свои записи, и если он даст свой блокнот другому, тот вряд ли разберёт эти каракули — никакая машина, никакой криптограф не расшифрует их. Что касается скорописи, то научиться можно закономерностям, умению пользоваться синтаксическими и математическими значками (один такой значок может вытиснить из памяти целое предложение). Я, например, при записи пользуюсь листами большого формата, только пишущей ручкой — мне требуется, чтобы рука бегала, летала. Расшифровывая, я могу по одному своему листу продиктовать две машиннописные страницы, настолько эта запись ёмкая.

Профессия переводчика учит формулировать. Кроме того, каждому, кто работает в области лингвистики, ясно, что есть огромная разница между устной и письменной речью. Помню, как-то Хрущёв, полагая, что требуется особая точность записи, дал указание пригласить стенографистку на какие-то особо важные встречи. Стенографистка, слушая речь, изображала слово за словом значками, но так как она абсолютно не разбиралась в теме (речь, к примеру, могла идти о ракетах и др. видах вооружения), то после расшифровки записей, которые мне приносили на редакцию, — оставалось только вписать руками: лучше б я сел и сам по своему блокноту всё проликовал.

Если прослушать магнитофонную запись того, что говорили собеседники и что переводили переводчики, то вроде бы всё нормально, всё правильно. Но только с точки зрения устной речи — положишь это на бумагу, и читать будет невозможно. А когда мы диктуем свои записи, мы диктуем для тех, кто не присутствовал на этой беседе, но кто будет читать. Идёт редактирование. Могут быть незавершённые предложения, инверсия, недоговорённости. При расшифровке это всё устраняется, правильно расставляются подлежащие, сказуемые, согласовываются сложноподчинённые предложения и т.д. Конечно, какие-то разговорные выражения, идиоматика должны быть сохранены, но всё равно это уже текст, предназначенный для чтения. Поэтому я гораздо больше времени тратил на редактирование вроде бы готовой стенограммы, чем когда диктовал машинистке по собственному блокноту.

Позже уже появились диктофоны с удобными для переводчика кнопками, позволяющими перемотать назад или вперёд на слово, на фразу, но всё равно я любил расшифровывать записи, диктуя машинистке, потому что живое присутствие человека, к которому ты как бы обращаешься, даже если он абсолютно ничего из того, что ты говоришь, не понимает, психологически дисциплинирует, заставляет точнее формулировать фразы.

Профессия переводчика — особая профессия. Удивительно, но даже Хрущёв, при всей его неотёсанности, необразованности, как-то по-деревенски, по-крестьянски, душой, понимал, что без переводчика он ничто, и поэтому с уважением относился к людям этой профессии. Я никогда, ни разу не слышал от него дурного слова в свой адрес.

— Как, по-вашему, требуется ли особая подготовка переводчикам государственного уровня — тем, кто, минуя многие другие стадии, сразу становится «генералом»?

— Если в моё время связи, контакты с иностранцами были ограничены министерствами иностранных дел, внешней торговли, отделами внешних сношений, то сегодня существует огромное количество гигантских компаний, таких как Газпром, а также металлургических и пр. и пр., и все эти компании самостоятельно ведут переговоры и принимают важнейшие решения, которые влекут, как следствие, огромные миллионные денежные потоки. Переводчик на такого рода переговорах играет такую же роль, что и мы, узкий круг государственных переводчиков. Вполне возможно, что многие, в том числе экономические, проблемы возникают из-за профессиональных ошибок этих переводчиков. Поэтому переводчикам такого статуса требуется особая подготовка.

— Мы не раз беседовали с переводчиками, но многое сегодня прозвучало впервые. Сегодня впервые переводчик рассказал о том, что его мечта стать государственным переводчиком сложилась в детстве. Сегодня впервые вы сформулировали тезис о необходимости воспитания переводчика государственного уровня. Несмотря на то, что в наших учебных пособиях и переводческом журнале работа переводчика анализировалась со всех сторон, об этом еще не было сказано ни слова. Но где взять методику для такой подготовки? В чём разгадка профессиональных секретов?

— Проблема существует. Её нужно решать. Сегодня я начал об этом разговор, но есть и другие государственные переводчики, которые могут эту тему продолжить. Вполне можно спросить Павла Палажченко, у него научный склад ума.

— Огромное спасибо, Виктор Михайлович, за сегодняшнюю беседу.

25 мая 2006 г.

Гелий, от слова «солнечный», или Воспоминания о переводческой молодости рядом с Г.В. Черновым (Окончание)

И. В. Зубанова

Бельгия

В начале осени 1993 года в Школу переводчиков пришло приглашение прислать двух участников для учебной поездки в Бельгию под эгидой программы ТАСИС (программы технического содействия странам СНГ, осуществляемой и финансируемой Европейской Комиссией в Брюсселе). Предыстория этого приглашения, как нам потом объяснили, была следующая. За несколько месяцев до того в Россию приезжал некий важный европейский деятель, чтобы рассказать, как они там у себя в Европе преобразуют Европейское Сообщество (European Community) в Европейский Союз (European Union). Это были годы той работы, которая привела к подписанию Маастрихтского договора, провозгласившего создание Евросоюза. К этому деятельно приставили переводчицу, имя которой история не сохранила, но которая безбожно путала не только Community и Union, но и их обоих вместе с Советом Европы (Council of Europe), то есть, в некотором смысле, с названием конкурирующей организации. Когда переводчице указали на недопустимость такой некомпетентности, она не нашла ничего лучше, как заявить: «А чего вы хотите? У нас в этом вообще никто не разбирается!» Услышав это, европейский деятель подумал: «А ведь она права! Как можно ожидать, что в России во всех тонкостях европейского строительства разберутся переводчики, если в самой Европе в них путаются даже юристы и политики?» И ещё он подумал: «А вот и прекрасная тема для проекта технического содействия России. Ведь Европейская Комиссия выделяет немалые деньги под проекты ТАСИС, а идей не

хватает. К тому же это можно сделать по модели Train the Trainers (то есть «научить тех, кто научит других»). Так возник проект ТАСИС по обучению преподавателей перевода российских вузов. Министерство высшего образования России с готовностью ухватилось за эту идею — плохо ли, стажировки в Бельгии? Дело было за малым: в те годы в российских вузах почти нигде перевод номинально не преподавался, кроме нескольких институтов иностранных языков, да ещё Института военных переводчиков. Не беда, поедут ведущие преподаватели языковых кафедр филологических факультетов: всегда можно сказать, что они готовы ввести у себя переводческую специализацию. А ещё в группы на стажировку можно включить некоторое количество министерских чиновников, заодно и пригласить за преподавателями.

На наше счастье, о подготовке этой программы у себя в Брюсселе прослышала переводчица Энн Майлс, и она добилась, чтобы в список участвующих в программе российских вузов включили и крохотную ММПШ. Были сформированы три группы по 15 человек, каждая из которых должна была провести три недели в Бельгии: сначала неделю в небольшом городе Брюгге, где располагается Колледж Европы, магистерского уровня учебное заведение для специалистов по европейской интеграции и европейскому праву, потом неделю в Брюсселе непосредственно в гостях у разных подразделений Европейской Комиссии, и последнюю неделю снова в Брюгге. ММПШ попала в третью группу, где было выделено два места. Поехал Гелий Васильевич Чернов как президент школы, а на второе место он пригласил меня.

По ряду причин оформление моей визы затянулось, и я присоединилась к группе уже в Брюсселе. Гелий Васильевич встретил меня радостно и как гостеприимный хозяин города (он бывал в нем и раньше) повёл показывать местные достопримечательности. Выходные в Брюсселе закончились, начались занятия, и я, наконец, познакомилась со всеми членами группы. В ней были представители МГУ им. Ломоносова, а также преподаватели филологических факультетов и педагогических институтов из Калининграда, Воронежа, Ленинграда (или уже Петербурга?), и несколько человек от министерства. Каждое утро нас приводили в одно из учреждений Евросоюза, в том числе в здание Европейской Комиссии, а также в помещения её переводческой службы, и рассказывали об организации работы или об одном из направлений единой европейской политики: в области гармонизации права, совершенствования механизмов общего рынка, или сельского хозяйства, или образования... Сотрудники письменной переводческой службы рассказали нам о трудностях работы с почти десятком официальных языков (тогда они ещё не знали, что когда-то их будет едва ли не тридцать!), о перспективах использования автоматического перевода «дежурных» резолюций и протоколов заседаний, о компьютерных системах, позволяющих осуществлять контекстуальный поиск по запросу в пределах базы данных, содержащей тексты всех документов Сообщества. Сейчас многое из этого кажется само собой разумеющимся, а тогда это было в диковинку. Удиви-

ло, впрочем, что письменные переводчики на своём рабочем месте имели не полноценные персональные компьютеры, а лишь терминалы, подключённые к одному общему компьютеру, из-за чего они жаловались, что система медленно реагирует даже на простой набор текста с клавиатуры, а использовать электронные словари или глоссарии просто невозможно. Я уверена, что с тех пор уровень технической оснащённости переводчиков ЕК возрос многократно, но в 1993 году это было так. Узнали мы также, что переводческая служба Еврокомиссии (письменная) находится, мягко говоря, не в лучших отношениях с переводческой службой Европарламента (синхронной): даже упоминание о соперниках из смежного ведомства могло спровоцировать неадекватную реакцию. Поэтому Гелий Васильевич отправился «в гости» на рабочее место Энн Майлс в Европарламент тайком от наших гостеприимных хозяев.

В один из дней нас привезли в Институт переводчиков в пригороде Брюсселя. Было очень интересно познакомиться с тем, как наши бельгийские коллеги обучают молодое поколение переводчиков. Институт государственный, его финансирование и зарплата сотрудников зависят от количества набранных слушателей, поэтому на первый курс берут почти всех желающих, продемонстрировавших владение двумя европейскими языками, а в Бельгии такие молодые люди не редкость. На первом курсе у всех студентов единая программа обучения, без разделения на устных и письменных переводчиков; группы очень большие (на популярных языковых комбинациях — 30–40 человек), и большая часть занятий проходит в лекционной форме. Зато в конце первого курса студентов ожидает очень строгий экзамен, по результатам которого они попадают в группы устной или письменной специализации, а многие и вовсе отсеиваются. После этого учёба начинается всерьёз. Мы попали на занятие по устному переводу на втором курсе, где преподавательница прочитала студентам двадцатиминутную «лекцию» на английском языке, а они должны были записать то, что она говорила, используя систему переводческой скорописи, которой их учат. После этого был объявлен

Лицо профессии

десятиминутный перерыв, вернувшись с которого каждый из студентов должен был, опираясь на запись, начитать текст своего перевода лекции на плёнку (занятия проходили в лингафонном классе). Самое поразительное заключалось в том, что в качестве опоры студенты должны были использовать не свои записи, а записи соседа: преподавательница велела им обмениваться тетрадями! Как нам объяснили, это условие, которое объявляется студентам заранее, заставляет их более ответственно относиться к качеству и чёткости использования скорописи. А преподавательница получила огромное «домашнее задание»: ей предстояло прослушать и оценить несколько десятков кассет с записями перевода студентов. Продемонстрировали нам также и учебную конференцию (mock conference), где в качестве выступающих с докладами на разных языках были преподаватели института, а студенты-синхронисты работали в кабинках.

Ежедневные занятия нашей стажёрской группы по вопросам европейского строительства продолжались недолго, с середины дня мы были свободны. Впрочем, у многих членов группы изучение функционирования механизмов Евросоюза совсем не вызывало интереса, и они искали возможность пропустить занятия. Или принимались жаловаться друг другу на то, что среди тех, кто читал нам лекции, почти нет англичан (а откуда было им взяться, при очень сложном на тот момент этапе отношений Англии с Евросоюзом?), и что поэтому приходится слушать, как на английском языке говорят всякие там немцы и французы, и только себе произношение портить. Содержание лекций, а также переводческие проблемы занимали их очень мало.

Закончилась неделя в Брюсселе, и мы перебрались в Брюгге. Другие члены группы покинули этот чудный город всего неделю назад, а я попала туда впервые. Первым делом Гелий Васильевич потащил меня куда-то в центр города (кто не знает: чтобы пересечь историческую часть Брюгге из конца в конец, нужно не больше получаса), не говоря, что он мне хочет показать. Привёл он меня на очаровательный «блошинный рынок» на берегу одного из каналов, который, оказывается, работает всего несколько часов один раз в

неделю, так что непременно надо успеть — но не рассматривать весь этот увлекательный антикварный хлам, а застать на месте определённую торговку шоколадными конфетами собственного производства, которые во всём городе не имеют себе равных. Конфеты действительно оказались замечательные, свежайшие: продавались они вразвес в бумажных кулёчках, так что дальше можно было уже никуда не спешить, а просто брести куда глаза глядят, любоваться абсолютно сказочным городом и эти кулёчки потихоньку опустошать.

Гелий Васильевич умел получать удовольствие от красивых и занятных вещей, но особенно радовался возможности поделиться ими с другим человеком. Он водил меня по городу, показывая его прелести и приглашая вместе с ним восхититься какой-нибудь небывало мощной каменной стеной, узкой улочкой, где едва могли разехаться два велосипедиста, живописным мостиком над каналом. Мы зашли в собор: ну, как мне нравится вот эта белая мраморная скульптурная группа в приделе? Нравится? Ещё бы — это же Микеланджело — да-да, самый настоящий! Эту статую Мадонны с младенцем купил у самого скульптора и привёз в родной город какой-то брюггский купец, так с тех пор и стоит. А витрины кондитерских, где выставлены россыпи шоколада в виде отдельных конфет или целых шоколадных скульптур, обязательно трёх разных цветов: чёрный шоколад, молочный и белый? А магазинчики гобеленов и брабантских кружев, перед входом в которые

сидят живописные бабушки в национальных костюмах и прямо на улице плетут кружева, привлекая туристов?

Размеренный ход лекционных дней в Колледже Европы был нарушен объявлением руководства о том, что завтра занятий не будет. Завтра — исторический для города день: в Брюгге, являющийся столицей провинции Западная Фландрия, с официальным визитом прибывает его величество король Бельгии Альберт II. Так положено по церемониалу, что вновь взошедший на престол монарх не спеша, по одной, объезжает все провинции своего королевства, принимает изъявления народной преданности и присутствует на торжественном обеде, который в его честь дают отцы главного города провинции. Кстати, королевский визит в Брюгге совпадёт с ежегодным праздником в честь ветеранов всех войн.

С утра весь город высыпал на улицы, украшенные флагами и транспарантами. Судя по всему, не работали никакие учреждения, школы и конторы. Всех немногочисленных детей, имевшихся в наличии в городе Брюгге, выставили вдоль улиц махать флажками. Главные торжества должны были состояться на центральной площади города — исторической Рыночной площади; там накануне возвели трибуны. Пробыть туда невозможно, парод занял места с раннего утра. Но толпе известно, каким маршрутом будет двигаться по городу королевский кортеж, а также то, что по окончании официального мероприятия на Рыночной площади король вместе с руководством города и ветеранами пройдёт по короткой улочке мимо Дворца Правосудия на соседнюю Ратушную площадь и проследует на обед в ратушу. Ратушная площадь пуста и обнесена легкими металлическими ограждениями, за ними пока свободно.

Наша группа в полном составе переминается с ноги на ногу около железного заборчика: хочешь не хочешь, но сегодня весь город только здесь, закрыт колледж, даже магазины не работают. Толпа постепенно прибывает, уже заняты все места вдоль ограждения, напихивают сзади. Рядом с нами расположилось бельгийское семейство: бабушка, мама и ребёнок лет трёх в сидячей коляске. У них огромный букет цветов, судя по всему, они пытаются научить ребёнка, что цветы надо будет вручить королю.

За домами, на Рыночной площади, слышна музыка, неразличимые голоса в динамиках — там идёт что-то вроде митинга. Наконец по толпе проходит радостное гудение: в дальнем конце площади появляется процессия. Неожиданно для нас, она движется не поперёк через площадь, а разделяется на две половины и начинает обтекать площадь одновременно с двух сторон, вдоль самого заборчика, за которым толпа: король с одной стороны, а королева с другой пожимают руки народу и улыбаются в ответ на нестройное *Vive le roi! Vive la reine!* Свита, охрана, журналисты следуют за ними по пятам, и только ветераны войн, все в орденах, многие на инвалидных колясках, направляются прямо ко входу в ратушу.

Король, импозантный мужчина средних лет, в сопровождении свиты неспешным шагом, но без остановок движется в нашу сторону. Вот он уже поравнялся с семейством с букетом цветов. Букет слишком тяжёл для ребёнка, ему помогают мама и бабушка, процессия на секунду замешкалась... И вдруг раздаётся громкий голос одной из дам из нашей группы (по-английски): «Ваше величество! Мы — делегация российских преподавателей перевода английского языка! Прибыли в Вашу страну изучать вопросы развития Евро-союза и укреплять дружбу между народами! Для нас большая честь приветствовать Вас вместе с Вашим народом. Разрешите вручить Вам этот скромный сувенир — матрёшку!» Король, надо отдать ему должное, не растерялся, хотя и несколько оторопел. Он благо-склонно выслушал всё, что ему сообщила российская делегатка, сказал: «О, да!» — и даже принял матрёшку, которая тут же исчезла в руках расторопной охраны. Охранники, оглядываясь по сторонам, выстроились вокруг короля полукругом; журналисты шёлкали камерами как сумасшедшие. Король пожал руки всем членам нашей группы и наконец проследовал дальше. Активная дама была странно довольна собой. Я посмотрела на Гелия Васильевича и увидела, что он едва сдерживается, чтобы не лопнуть от смеха. С трудом выбравшись из толпы, мы поспешили уйти как можно дальше от этого места и вдоволь посмеяться. Об этом эпизоде написали все местные газеты, нас показало телевидение. На следующий день руководитель

нашей стажировки говорил, разводя руками: «Я вот лично живу в своей стране пятый десяток лет, но вот так чтобы с королем за руку здороваться — как-то не приходилось. А вы всего несколько дней здесь пробыли, и уже...»

Наша стажировка неумолимо приближалась к концу, оставалось всего несколько дней, когда дамы нашей группы начали перешёптываться о неожиданно возникшем затруднении. За время пребывания в Бельгии багаж у каждой из них разросся до невероятных размеров. Во время своих отлучек с занятий самые целеустремлённые из них ухитрились найти где-то на окраине Брюгге арабско-турецкий вещевой рынок, и теперь все купленные на нём свитера и джинсы не влезают в чемоданы. А ведь ещё надо везти с собой немалое количество учебной литературы, распечаток прочитанных лекций и прочих документов, не говоря уже о бельгийском шоколаде. Очевидно, слухи об этом дошли до организаторов стажировки, а может быть, с такими же проблемами сталкивались и предыдущие российские группы, прошедшие стажировку до нас. Так или иначе, в предпоследний день в аудиторию, где мы занимались, вошёл заместитель президента колледжа и сказал: «Нам сообщили, что участники группы испытывают трудности с упаковкой и перевозкой багажа. Возможно, дело в том, что наши гости всегда увозят из Брюгге большое количество эээ... gobelенов и кружев, которыми так славится наш город. Мы хотели бы предложить вам отправить все ваши книги и бумаги по межвузовской почте: оплату пересылки колледж берет на себя». Наши дамы с восторгом согласились.

Под впечатлением от этого эпизода вечером в своей комнате я написала лимерик:

Russian dons went to Belgium to see
If their country should join the EC.
After just a few days
They had trunks full of... lace:
That's what's called Market Forces, you see.*

* В технически несовершенном переводе получается примерно следующее:

Группу профессоров из России
О ЕС разузнать пригласили.
Возвращаясь, они
Котфы кружев везли:
Вот вам действие Рыночной Силы!

Поэт из меня никакой, но этой «эпиграммой» я осталась довольна. Переписала начисто на листочек, и утром на общем завтраке в общежитии колледжа тихонечко подсунула Гелию Васильевичу. Он прочёл, просиял, вскочил, едва не пролив кофе, схватил меня за руку и, как всегда без объяснений, потащил по коридорам, пока мы не оказались в какой-то конторс или учебной части, где за компьютером сидела секретарша. Попросив у неё разрешения, Гелий Васильевич усадил за компьютер меня, заставил набрать стишок на клавиатуре и распечатать несколько десятков экземпляров. Вечером, во время прощального фуршета, эти листочки с анонимным лимериком мы тайком подложили на стол рядом с тарелками и вилками. Через несколько минут все — и члены российской группы, и организаторы, — читали его, либо давясь от смеха, либо краснея от возмущения. Наше инкогнито продержалось не более четверти часа (подозреваю, что нас выдала секретарша). Реакцию всех присутствующих на это разоблачение можете представить сами. Достаточно сказать, что некоторые члены делегации до самой Москвы не разговаривали с «заношевыми москвичами». Зато у нас было полное моральное право посмеиваться, глядя, как пытаются погрузиться в автобус до аэропорта наши дамы, у каждой из которых на две руки приходилось по два чемодана и по набитой битком клетчатой сумке, известной в народе как «друг челнока».

«Американа»

Идея составить словарь, посвященный Соединённым Штатам Америки, зародилась давно. Некоторое время в Институте США и Канады РАН велась работа над справочным пособием по российско-американским отношениям. Но замысел словаря, который бы отражал все аспекты жизни Соединённых Штатов, появился именно у Гелия Васильевича Чернова, который знал и любил Америку, и даже начал вместе со своими бывшими учениками по Курсам переводчиков ООН собирать для него некоторые материалы во время второй из своих длительных командировок в США, когда он работал в переводческой службе ООН в Нью-Йорке в 1976—1982 годах.

Общая концепция словаря, сложившаяся постепенно, в итоге была сформулирована так: это должна быть не «книга о словах», как обычный языковой словарь; не «книга о вещах», как словарь энциклопедический; а «книга о понятиях», т.е. о том, с чем ассоциируется у носителя американской культуры то или иное имя, географическое название, торговая марка, реалия и т.п., то есть это должен быть лингвострановедческий словарь. В таком словаре «white hats» это не просто «шляпы белого цвета», а «положительные герои (в вестерне)», «наши ребята»; а Dubuque — не просто городок Дубьюк в штате Айова, имеющий 57 тысяч жителей, завод по производству сельскохозяйственной техники и мясоконсервный комбинат, но и символ американской глубинки, с присущими ей ограниченностью и консерватизмом взглядов. Иными словами, это была попытка создать словарь, из которого неамериканец и даже не специалист по американистике, а рядовой читатель, студент, переводчик, мог бы узнать, в каком смысле и с какой целью американцы упоминают названия и имена тех или иных людей, мест, вещей, учреждений своей страны, чем они им памятли.

Коллектив авторов словаря тоже складывался поэтапно. Вошли в него известные американисты профессор Э.А. Иванян из Института США и Канады и профессор В.Н. Беляков, многие десятки лет читающий лекции по страноведению в Иньязе, большой знаток истории и жизни коренных жителей США — индейцев А.Н. Натаров, и некоторые другие учёные и переводчики, уже имевшие в той или иной форме наработку по тематике словаря в виде текстов, записей или выписок на карточках. Часть соавторов (в том числе М.В. Васянин, сын Гелия Васильевича Сергей, да и я, среди прочих) подключилась к работе над словарём по приглашению Г.В. Чернова только с созданием команды. Всю координационную работу в качестве главного редактора, а также немалую часть собственно словарного материала взял на себя сам Гелий Васильевич. Он же распределял между соавторами тематику: кому-то поручалось готовить статьи по географии, кому-то по истории, законодательству, политическим деятелям, искусству,

литературе, военному делу, спорту, товарным знакам и т.п., обычно в зависимости от круга интересов и познаний каждого. Примерный словник также определил Гелий Васильевич, но соавторы могли предложить и свои статьи, если считали это необходимым. Мне достались биографии американских писателей, персонажи литературы, кино и поп-культуры, а также история американского изобразительного искусства с именами крупнейших художников, названиями школ и движений и т.п.

С самого начала было определено, что каждая словарная статья должна включать, наряду с английским заглавным словом (словосочетанием, именем), его русский перевод, транскрипцию с учётом особенностей американского произношения и комментарий на русском языке, в котором содержалась бы вся необходимая пояснительная информация, включая перекрёстные ссылки на другие статьи словаря. Самой сложной частью этой программы было взятое на себя авторами словаря обязательство снабдить каждое заглавное слово, имя и название не просто объяснением или описанием, но именно переводческим эквивалентом, то есть словом или выражением сопоставимой с оригиналом длины и той же части речи. Здесь сказался переводческий опыт главного редактора, который прекрасно понимал, что описание и комментарий, при всем удобстве для специалиста и при возможности с их помощью глубже и точнее раскрыть смысл стоящего за заглавным словом понятия, нередко неприемлемы для переводчика, особенно устного. Мы с удивлением обнаружили, что авторы других пособий и справочников по американистике часто не утруждали себя подысканием именно переводческих соответствий, ограничиваясь описаниями и объяснениями. Найти в каждом случае удачный эквивалент оказалось делом весьма нелёгким, ведь речь шла главным образом о реалиях, то есть вещах по определению не имеющих точных аналогов в других культурах. Отдельные сложности вызывались хорошо известным неудобством передачи английских звуков в именах собственных русскими буквами и противоречием между традиционной формой некоторых имён и принципами транскрипции (например, что

Лицо профессии

делать, если река в Нью-Йорке по всем правилам должна называться по имени своего первооткрывателя — Хадсон, а все знают её как Гудзон?). Со времени выхода словаря в свет в адрес авторов «Американы» прозвучало и звучит немало критики относительно отдельных эквивалентов и формулировок, но никто не отрицал, что сама попытка снабдить каждое заглавное слово в лингвострановедческом словаре переводом была предпринята впервые.

В течение 1992–1993 гг. каждый из соавторов работал самостоятельно, по своим материалам или в библиотеках, и время от времени передавал готовые статьи на дискетах Г.В. Чернову. Ирина Львовна Чернова, жена Гелия Васильевича, в течение нескольких месяцев вводила в компьютер те материалы, которые авторы представили на бумажных носителях. С самого начала возникла непреодолимая на тот момент техническая сложность: один из ведущих соавторов, М. Васянин, автор более чем трети материалов словаря, работал на компьютере «Макинтош», а у всех прочих были компьютеры PC. Программы, позволяющие конвертировать материал с «Макинтоша» в Word, были нам недоступны: их не было тогда в продаже, они имелись только в издательствах и редакциях. В итоге всем соавторам словаря пришлось набирать свои тексты, а впоследствии и редактировать словарь в системе MS DOS. Сейчас в это даже трудно поверить: все мы провели несколько месяцев, а то и лет, работая с весьма сложными по структуре двужычными текстами, написанными подслеповатым белым шрифтом по пронзительно синему фону, без возможности, даже на этапе редактирования, использовать разные рисунки и размеры шрифтов, курсивы, выделения, поиск по тексту, сличение вариантов и все другие инструменты, которые предоставляет пользователю любой современный текстовый редактор.

Материалы словаря тематическими ручейками со всех сторон стекались к Г.В. Чернову; он сводил их вместе на своём компьютере, располагая в алфавитном порядке (к счастью, программа-алфавитизатор в его распоряжении имелась, хотя она иногда давала необъяснимые сбои), удалял вручную

лишние знаки, которые автоматически возникали при переложении материала с «Макинтоша». Каждая статья была подписана инициалами автора, что позволило вычислить долю участия каждого из соавторов в общей работе; впоследствии подписи были удалены. Гелий Васильевич увлечённо овладевал все новыми приемами работы с компьютером. Помню, с каким восторгом он показывал всем, кто появлялся в доме, как работает компьютерная мультимедийная энциклопедия Encarta, и искренне огорчался, что по соображениям времени и стоимости нет никакой возможности снабдить «Американы» иллюстрациями.

Начался этап редактирования. Редакторами словаря стали В.П. Астахов, О.А. Тарханова, И.Л. Чернова и я. Каждый раздел словаря (обычно «буква», т.е. все статьи на букву А, потом статьи на букву В, и так далее) проходил по очереди через каждого из четырёх редакторов. В каком-то смысле, легче было работать тем, кто пользовался не компьютером, а бумажными распечатками (В.П. Астахов): можно было вести редакторскую правку обычным образом, чернилами на полях странички; зато потом Гелию Васильевичу приходилось самому вносить все изменения в текст на компьютере. Сложнее было тем из редакторов, кто работал на компьютере: мы не могли исправлять сам текст статей, потому что главный редактор должен был сначала одобрить предложенные исправления, а он соглашался далеко не со всеми предложениями (разумеется, разногласия возникали не по поводу опечаток, запятых или лишних пробелов, а в связи со смысловыми или стилистическими поправками). Поэтому приходилось прокручивая в одном окне на экране исходный текст, одновременно в другом окне писать «комментарий» в таком роде: «Статья COVERED BRIDGE 2-я ст. сверху «конструкция» вставить пропущ. букву ----- 10-я ст. «инженер И.Таун <*Town, Ithiel>» проверить, есть ли статья на Т ----- 3-я ст. снизу «крыша предохраняла от погоды»: м.б. «от НЕпогоды»?». Этот самый крытый мост, крыша которого предохраняла путешественников «от погоды», стал на время символом всех «ляпов», смешных опечаток и небрежностей перевода,

которые мы выявляли в текстах словарных статей. Эта ошибка, найденная в его собственной статье, так развеселила Гелия Васильевича, что, понав в 1996 году в США, я первым делом нашла в продаже открытку с изображением такого моста и послала ему. Если я не ошибаюсь, эта открытка до сих пор стоит на книжной полке в его кабинете.

Каждый из четырёх редакторов прорабатывал материал словаря раздел за разделом, сдавал его Г.В. Чернову, а тот решал, какие из предложенных поправок принять, а какие отклонить. Принятые поправки вносились в текст, а отклонённые становились предметом дальнейшего обсуждения и споров. Сначала эти обсуждения были телефонными, но постепенно выяснилось, что это неудобно и очень долго; так сложилась традиция регулярных приездов редакторов в дом Черновых для работы над словарём. Обычно приезжали не все вместе, а по очереди, чтобы эффективнее использовать время, но бывали и совпадения, когда я оказывалась у них одновременно с Валерием Павловичем Астаховым или с Ольгой Александровной Тархановой: и, разумеется, неизменно рядом была Ирина Львовна Чернова. Ирина Львовна, гостеприимная хозяйка, всегда кормила всех обедом или ужином, не обходилось и без чая или кофе, иной раз прямо над разложенными на столе распечатками с правкой. Ольга Александровна ввела в обычай не являться в дом с пустыми руками, а приносить что-то к чаю — короче, сложился своего рода постоянно действующий клуб. Он работал почти без выходных, каждый день, в течение без малого трёх лет. Словарь, ещё не ставший книгой, занимал всё большие места в доме Черновых. Из кабинета, где книги и бумаги давно не помещались на полках, а оккупировали все горизонтальные поверхности столов, стульев и подоконников и даже стояли и лежали штабелями на полу, бумаги постепенно распространились и в гостиную, где стопки распечаток на разные буквы и разной степени выправленности постепенно заняли все столы, столики, сидения и полы. Больше всех от этого пострадал любимый пес Черновых, спаниель Снупи: несколько лет ему не позволяли заходить в большую комнату квартиры, закрывая

дверной проём раздвигающейся деревянной решёткой, какой в Америке перекрывают выход с площадки второго этажа дома на лестницу, чтобы с неё не упали маленькие дети.

Споры были жаркие, переубедить в чём-то Гелия Васильевича было делом нелёгким: обычно он сдавался, только если противоположного мнения придерживались двое или трое других редакторов. Речь могла идти как о содержании словаря, так и о переводе формулировок или стиле изложения комментариев. Постепенно складывались списки самых разнообразных вещей, по которым удавалось достичь консенсуса: от единственно правильного написания названий Манхэттена, Миссисипи или Цинциннати («э» или «е»? сколько там «с», «п» и «н»? столько же, сколько в английском, или по-другому?) до единообразного применения всяческих скобок, звёздочек, кавычек и аббревиатур. Несмотря на то, что каждый кусок прочитывался по многу раз (самим автором статьи, четырьмя редакторами и Гелием Васильевичем после каждого редактора), было ясно, что не удаётся избавиться от всех опечаток: как принято говорить, «глаз замыливался» и редакторы пропускали порой самые бессмысленные ошибки. Попытка привлечь к работе профессиональных корректоров из издательства «Русский язык» окончилась неудачей: посмотрев образцы материала, корректоры сказали, что за работу такой сложности никто добровольно не возьмётся. На самом последнем этапе удалось найти молодого человека, который согласился проверить, всем ли перекрёстным ссылкам в тексте словаря действительно соответствуют отдельные статьи — оказалось, что отнюдь не всем... Уже когда словарь был издан, мы с изумлением обнаружили, что в нём отсутствуют статьи про Ситибанк и писателя Стейнбека, хотя они совершенно точно были составлены и сданы вместе с десятками других, успешно попавших в нужное место (за Стейнбека ручаюсь — сама писала!). Каждый раз, столкнувшись с чем-то подобным, хотелось либо всё бросить, либо срочно начать проверять всё сначала.

Лицо профессии

Короче говоря, проведя несколько лет в непрерывной работе над словарём, к концу 1995 года мы меньше всего верили в одно: в то, что «Американа» хоть когда-нибудь выйдет в свет. Но в доме Черновых стал появляться издатель В.В. Ружо, владелец издательства «Полиграмма» из Смоленска. Мы ещё сверяли последние буквы, а он уже привёз пробные отпечатки первых нескольких листов словаря в масштабе книжной страницы, и проект стал постепенно обретать черты реальности. Наконец, преодолев (или почти преодолев) финансовые трудности, в сентябре 1996 года издательство «Полиграмма» сумело выпустить наш словарь. Мы любовались им, не веря в то, что нам удалось родить такое «дитя», и повторяли про себя и вслух казавшиеся невероятными цифры: 1200 страниц, 20 000 статей, пять страниц сплошным текстом одной библиографии! Мой десятилетний сын, увидев массивную книгу с мелким шрифтом, сказал с уважением, граничившим с ужасом: «Мама, неужели ты все это прочитала?»

Вскоре нам пришлось оценить ещё одну цифру, имеющую отношение к словарю «Американа»: 3,5 кг веса. Издательство «Полиграмма» не перенесло финансового потрясения, связанного с выпуском такого дорогого в производстве и неликвидного издания и было вынуждено закрыться. Гонорар авторскому коллективу выдали экземплярами словаря пропорционально доле участия. За мои 2,4% авторства и 1/4 редактирования мне досталось 78 экземпляров, которыми я могла распорядиться по своему усмотрению, и несколько месяцев подряд я носила из дома на работу по одному, а то и по два экземпляра словаря, раздавая друзьям или продавая по сходной цене коллегам и студентам. Хуже пришлось основным соавторам: многие сотни, а то и тысячи томов невозможно было разместить дома, пришлось нанимать складские помещения, а потом постепенно продавать тираж через книжные магазины, да так, чтобы не сбить цены, конкурируя друг с другом.

Читатели и критики встретили словарь с большим энтузиазмом, появились многочисленные рецензии, газета «Книжное обозрение» опубликовала целую статью. «Американа» была названа «лучшей книгой 1997 года»

по итогам конкурса Ассоциации книгоиздателей России, получила премию ЮНЕСКО за тот же год. Фонд Сороса приобрел 2000 экземпляров «Американы» для библиотек Российской Федерации. Разумеется, внимательные читатели нашли десятки проскочивших незамеченными опечаток, а опытные переводчики принялись предлагать другие варианты русских эквивалентов заглавным словам статей. Нашлись и критики, которые — нередко совершенно справедливо — указывали на то, что в словаре недостаточно подробно раскрыты отдельные темы (спорт, музыка и т.п.). Но все соглашались в том, что, при всех недостатках, «Американа» стала единственным в своём роде справочным пособием, полезным как для специалистов, так и для самой широкой читающей публики. Даже спустя много лет, когда в свет стали выходить лингвострановедческие словари, посвящённые другим странам (Франции, Австралии и пр.), критики сравнивали их с «Американой» как со своего рода эталоном. Это было очень радостное время для всей команды, делавшей словарь.

Последние годы

С окончанием работы команда «Американы» постепенно распалась, хотя всем не хотелось терять друг друга из вида. Все занялось собственной работой, кто-то переехал за границу. В.П. Астахов вскоре умер. Я провела 1997—1998 учебный год в США, где всё время ловила себя на том, что невольно смотрю на жизнь Соединённых Штатов сквозь призму нашего словаря, который после стольких лет редактирования помнила едва ли не наизусть. Наблюдая за происходящим вокруг меня, я всё время отмечала: это есть у нас в словаре, и это тоже упомянуто, а вот это мы, пожалуй, упустили... Огромное количество страноведческой информации, которую я невольно усвоила, работая над материалами «Американы», позволяло мне лучше ориентироваться в жизни в США, видеть то, что я без этого бы не заметила.

Гелий Васильевич Чернов, закончив «Американу», вскоре занялся работой над новым словарём «Американский вариант». Этот двуязычный языковой словарь был основан отчасти на многократно переизданном Крат-

ком англо-русском и русско-английском словаре Чернова и Бениоха, знакомом многим тысячам людей, овладевающих основами языка, а отчасти был совсем новой разработкой. Во-первых, как следует из самого названия, английский язык в нем представлен именно своим американским вариантом, а во-вторых, этот словарь ориентирован не столько на пассивного пользователя языка, сколько на переводчика, пусть даже начинающего. Словарь, хоть и небольшой по объему, получился очень интересным. Иногда, когда мне хочется по какому-то языковому вопросу посоветоваться с Гелием Васильевичем, я заглядываю в него — и всегда нахожу что-нибудь ценное. Работал над «Американским вариантом» Гелий Васильевич вместе с Ириной Львовичей несколько лет, полностью закончил работу в 2000 году, но увидеть готовый словарь так и не успел. Сигнальный экземпляр издатель принёс уже на поминки.

Педагогическая деятельность Г.В.Чернова в последние годы его жизни протекала не только в Инъязе, переименованном к тому времени в Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), но и в относительно молодом высшем учебном заведении под названием Институт иностранных языков г. Москвы. Организационно этот институт не имел прямого отношения к традиционному Инъязу, хотя некоторая часть преподавательского состава либо совмещала работу в этих двух (или более, чем в двух) учебных заведениях, либо полностью перешла в новый Институт. Гелий Васильевич возглавил там переводческий факультет, который он практически создал с нуля. Рядом с ним, как всегда, трудился Александр Артемович Тамазов. Старшекурсники переводческого факультета ИИЯ изучали даже и синхронный перевод, самый, пожалуй, трудный для овладения, в особенности молодыми и неопытными людьми. К тому времени я уже сама преподавала синхрон и в МГЛУ на том самом последнем отделении, которое когда-то возглавлял Чернов, и в ММПШ, откуда он ушел, и в Институте иностранных языков. Я старалась — и до сих пор стараюсь — делать это так, как меня когда-то научил Гелий Васильевич. От него же перешли ко мне и

некоторые секреты проведения вступительных собеседований с поступающими на учебу синхронистами, которыми я пользуюсь по сей день. В 1997 году в МГЛУ я защитила магистерскую диссертацию по методике преподавания синхронного перевода. Официальным научным руководителем у меня был профессор Швейцер, а профессор Чернов лишь оппонентом на защите, но после защиты я подарила Гелию Васильевичу экземпляр своей работы с надписью «Моему настоящему научному руководителю». Я ни в коем случае не хотела бы задеть этим светлую память А.Д. Швейцера, прекрасного учёного и в прошлом известного переводчика-синхрониста, но факт остаётся фактом: если и не в научном плане, то в практическом я с гордостью считаю себя ученицей именно Чернова.

Активно развивалась и моя карьера практикующего синхрониста. Преподавательские обязанности не дают мне возможности заключать долгосрочные переводческие контракты (пропущенные из-за командировок или конференций учебные часы приходится отлаживать студентам «натурой» — часами, причём желательно до конца семестра), но из предлагаемых мне краткосрочных работ я стараюсь выбирать самые интересные либо по тематике, либо по степени ответственности, либо по месту проведения. И вот в конце 2000 года мой бывший ученик — начинающий переводчик предложил поехать вместе с ним поработать на технической конференции в Китае. Хотя тематика была, честно сказать, не слишком увлекательная, я не смогла устоять перед искушением съездить на несколько дней в эту далёкую страну. Вернувшись за пару недель до Нового года, я отдала в проявку отснятые в ходе поездки фотоплёнки и стала разбирать привезённые друзьям и знакомым сувениры. Среди них были и китайские сувениры для Черновых, к которым я иногда по старой памяти заезжала. Я никак не могла решить, съездить ли мне к ним ещё до нового года с подарками и рассказами, или же дожидаться ещё и отпечатанных фотографий. В итоге я решила не ждать и отправилась 25 декабря.

Черновы были рады меня видеть. Гелий Васильевич сразу приладил на холодильник в кухне китайский свиток с горным пейза-

жем и принялся рассказывать о своей недавно завершённой работе над словарём «Американский вариант» и о том, чем он занят сейчас. Голландское издательство «Бенджаминс» выразило желание опубликовать его давнишнюю монографию «Основы синхронного перевода» на английском языке и, возможно, с добавлениями и доработками. Гелий Васильевич сам взялся за перевод своей книги и вчера его сделал, оставалось редактирование. Он показывал мне картонную папку с черновиками — распечатанными листами английского текста. Чай был выпит, китайские впечатления пересказаны, и я засобиралась домой. Я уже стояла совершенно одетая в их крошечной прихожей, когда Ирину Львовну отвлёк телефонный звонок, и на минуту мы с Гелием Васильевичем остались одни. Он как-то очень грустно посмотрел на меня и сказал: «Ирочка, не забывайте нас, приезжайте». Я обещала. На следующий день днём мне позвонила Ирина Львовна и сообщила, что утром 26 декабря Гелий Васильевич скоропостижно скончался.

На похоронах Г.В. Чернова собрались его родные, коллеги, друзья, ученики. Прилетел из Америки сын Сергей, который работает в Вашингтоне в службе устного перевода МВФ. В эти трагические дни я впервые обратила внимание на то, как пронзительно стал похож на отца Сергей. Он предложил мне помочь ему закончить редактирование английского перевода книги отца, и я с удовольствием согласилась. Как всегда на похоронах, все по очереди подходили к гробу, клали цветы, говорили о том, как много десятков лет они были знакомы с покойным, вспоминали о далёких

временах. Кто-то из присутствующих сказал: «Гелий Васильевич умер, он не перешёл с нами в новый век. Дело его жизни осталось в прошлом. Теперь это дело должно продолжать новое поколение переводчиков, которые пойдут дальше своего учителя». Я стояла в стороне и плакала, и совсем не собиралась говорить надгробных речей. Но когда стало ясно, что кругом нет никого, кто работал с ним в последние годы, я всё-таки вышла и стала говорить о том, что я-то как раз знала Гелия Васильевича именно в последние десять лет его жизни, и что это совсем не был человек, у которого всё было в прошлом. За эти годы на моих глазах он возглавлял три переводческие школы, две из которых сам создал; написал два словаря, готовил к публикации новый вариант своей книги. Он много работал практическим переводчиком-синхронистом, а этим мало кто может похвастаться в таком возрасте. Он весь был устремлён в будущее, и жизнь его оборвалась на взлёте.

Я, как и раньше, несколько раз в год бываю в гостях у Ирины Львовны Черновой. В доме многое остаётся по-прежнему. На месте стоят книги, а перед ними на полках открытки и фотографии. Правда, фотографий становится всё больше: подрастают внуки, дети дочери Елены в Москве и сына Сергея в Вашингтоне. По-прежнему висит на холодильнике китайский свиток с пейзажем, при виде которого у меня каждый раз сжимается сердце. На спинку рабочего кресла Гелия Васильевича как всегда наброшен его стёганный жилет. Я лишь совсем недавно нашла в себе силы присесть в это кресло. Нет уже спящего Снупи, он не надолго пережил хозяйна. Но, несмотря на все грустные воспоминания, я очень люблю бывать в этом доме, и не только потому, что я с большой нежностью отношусь к мудрой и доброй Ирине Львовне. В доме жив дух его хозяина, человека, умевшего радоваться новому, до последнего дня с любопытством и интересом всматривавшегося в мир вокруг себя, человека увлечённого, активного, светлого. Недаром имя Гелий значит «солнечный».

Гончаренко Сергей Филиппович
(1945–2006 гг.)

9 мая 2006 года ушёл из жизни проректор по научной работе Московского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, профессор Сергей Филиппович Гончаренко.

Блестящий переводчик испанской и латиноамериканской поэзии, замечательный русский поэт — его перу принадлежит несколько книг утончённых стихов, признанный учёный в области переводоведения и испанистики, Сергей Филиппович Гончаренко пользовался заслуженным уважением и авторитетом не только среди отечественных переводчиков, испанистов, преподавателей теории и практики перевода, но и среди своих многочисленных зарубежных коллег в Испании и странах Латинской Америки.

Всю жизнь Сергей Филиппович оставался верен своей родной alma mater: студент и выпускник московского инъязы имени Мориса Тореза, затем его аспирант, преподаватель, заведующий кафедрой перевода испанского языка и долгие годы проректор по науке МГЛУ. Признанием его разносторонних талантов явилось то, что проректором ведущего лингвистического вуза страны Сергей Филиппович стал, когда ему ещё не было и 40 лет.

Непостижимо, как удавалось ему совмещать поэтическое, переводческое и научное творчество с многотрудными обязанностями проректора университета, председателя докторского диссертационного совета, ответственного редактора «Тетрадей переводчика» (именно Сергей Филиппович сумел возродить этот научный журнал из небытия 90-х годов), научного руководителя аспирантов и дипломников.

Интеллигентным, доброжелательным, обаятельным и всесторонне одарённым человеком, готовым откликнуться на любую просьбу – таким останется в нашей памяти Сергей Филиппович Гончаренко. Ему только что исполнилось 60. Так мало, чтобы уйти навсегда.

*В.А. Иовенко,
профессор МГЛУ*

Русская и испанская поэзия, Инъяз, друзья и родные понесли невосполнимую потерю. У Сергея Филипповича есть цикл стихотворений о Дон Кихоте, посвящённых его друзьям. Он и сам был Дон Кихот. Обладавший сильным, искренним поэтическим даром, пониманием людей, сочувствием к ним и готовностью помочь, он всегда приходил на помощь, даже если обращались к нему с неординарной просьбой. Он умел видеть то, что ещё только маячило вдалеке неясными очертаниями. У него было чутьё на истину, и хотя он умел отличить зерно от плевел, но и к плевелам он, как Дон Кихот, относился с терпением и добродушием. Невозможно представить, что нет его больше в его кабинете, заваленном книгами, папками, бумагами. Пустоту ощущаю, как, наверное, раненый ощущает пустоту ампутированной руки. Как не вовремя он ушёл, скоро уж выйдет моя книга, которую он ждал, и появлению которой так много способствовал. Всё надо делать своевременно, ни с чем нельзя тянуть. Даю слово, Сергей Филиппович, мы создадим центр исследований Елизаветинского времени, как Вы предложили назвать центр Нового шекспироведения, оправдаем Ваши надежды.

Мир Вашему праху.

*Марина Литвинова,
профессор МГЛУ*

Назло всему
не отвергать надежды.
Всему наперекор
дерзать и смеять.
... Но все победы,
сколько ни одержим,
сведёт на нет
предательская смерть.
Порочный круг.
Округлая арена.
Где здесь быку
спасти себя суметь!
Сражён тореро.
Но ему на смену
пришёл другой.
И бык почуял –
смерть.
Добро ещё, когда
на поле боя!
А то трубят
в разгар триумфа
медь –
и твой триумф,
добытый всей
судьбою,
так, мимоходом,
отменяет смерть.
Как тут не взбунтоваться,
если даже
простой надежды
не дано иметь,
и каждый миг
предательски продан
и может выдать
запросто на смерть!

Для нищих духом –
утешенье верой.
Но если вере
не покорен дух?
Когда живёшь
и дышишь полной мерой,
то жизнь и впрямь –
смертельнойшей недуг.
Ах, Дон-Кихот!
Учитель благородства!
Нам снипосили,
идальго,
благодать
великого девиза донкихотства –
вступая в битву,
шансов не считать.
Не о победе
думать перед боем –
о том, что дело
правое вершишь.
И зло крушишь
мечом, копьём, собою –
пускай потом
хоть гробовая тишь!
И если этой доле
причаститься,
то, смерть поправ,
переживёт века
твоей судьбы
хоть малая частица,
а может быть –
и целая строка!

Сергей Гончаренко

Перевод поэзии: кое-что из доказанного и забываемого

С.Ф. Гончаренко

Поэтический перевод в России некоторым образом перенёс в минувшем столетии те же испытания, что и лингвистическая теория перевода на этапе её укоренения: доводы всё те же: а) это не ремесло, а искусство; б) а в искусстве не может быть алгоритмов, ибо оно и есть искусство их преодоления.

«Всё это было бы смешно, когда бы ...». Уверен, что ныне нет нужды повторять строки и страницы классической «отповеди клеветникам лингвистической теории перевода», запечатлённые в бессмертном «Слове о переводе» В.Н. Комиссарова (1973).

Цель нижеизлагаемых замечаний донельзя скромна: обратить внимание будущих переводчиков испаноязычной поэзии, кои, полагаю, родятся в XXI столетии достойное множество, всего лишь на две закономерности их профессионального искусства, доказанные потом и кровью предшественников.

1. Фольклорный романсеро, классический (Возрождение) и современный «романс»

Испанские стиховеды с завидным упорством полагают, что испанский «романс» — это классический силлабический восьмисложник. Правда, они согласны в том, что «восьмисложник» этот несколько странный: в нём может быть и семь, и девять, и даже десять слогов — всё зависит от типа клаузулы.

Доверившись мнению испанских версологов и их германских почитателей, которые первыми в XVIII столетии взялись за перевод

испанского «романсеро», российские авторитеты стали переводить испанский романс русским четырёхстопным хореем:

Худо, худо, ах, французы,
в Ронцевале было вам!
Карл Великий там лишился
лучших рыцарей своих...

(Н.Карамзин, 1789)

Дон Диег сидел печальный,
Век никто так не страдал.
Грустно думал днём и ночью,
Что его поруган дом...

(П.Катенин, 1822)

Мрачен, грустен Дон-Диего...
Что сравнить с его печалью?
День и ночь он помышляет
О бесчестии своём.

(В.Жуковский, 1831)

Проезжал владыка Мавров
Смутный сердцем по Гранаде,
От высоких врат Эльвиры
Вплоть до самой Биварамблы.

(Н.Берг, 1854)

На собор, собор вселенский
В Рим святой отец сзывает,
И король наш дон Фернандо,
Слову папы повинуюсь...

(В.Левик, 1970)

Нелегко вообразить, но факты утверждают: без малого 200 лет лучшие поэтические умы Отечества полагали, что испанский национальный дух воплощал героиню фольклорного действия в «семантическом ореоле» (М. Гаспаров) незатейливой детской считалки, с гениальным драматизмом воспроизведённым в «Тятя, тятя, наши сети ...».

Наследие

На деле, естественно, стих испанского романсеро, вопреки германским авторитетам типа Бертуха (1780) и Гердера (1805), да и сверстным нам уже испанским стиховедам, к четырёхстопному хорей отношения почти что не имеет.

Речь идёт о трёхиктном восьмисложнике с метрической схемой XXXXXU — (○)(○) при том, что две из позиций X — ударны [1. С.65]. Хорей составляет в нём не более 38%, дактиль — 24%, дольники — 38%.

Так что «Проезжал владыка мавров...» следовало бы перевести, к примеру, следующим образом:

Когда повелитель мавров
У врат городских в Гранаде —
От Эльвиры до Виваррамблы
Прогуливался в прохладе...

(Р. Моран, 1970)

Попутно заметим, что Р. Моран воспроизводит и рифму в чётных строках романса, без которой «романсеро» подобен орлу без перьев. Малоудивительно, что надменно-«просвещённые» немцы XVIII столетия рифму в «плебейском» испанском романсе не разглядели, но вот чтобы 200 лет спустя многие российские «испанофины» её не замечали — более чем странно.

2. Испанский сонет

Предутраченный Маркизом де Сантьягой, нащупанный Хуаном де Босканом и воцарённый Гарсиласо де ла Вега, этот пыточно-вещностный жанр («геенна из четырнадцати строк», Лопе де Вега), казалось бы, не должен вызывать в переводчике угрызительных сомнений. Русский сонет — всегда пятистопный ямб с классической рифмовкой в катренах и терцетах. Забудем на время о В. Шекспире или о том (тех), кто за него на самом деле писал. Мы ведём речь о классическом испанском сонете.

Испанские стиховеды в большинстве своём дружно полагают, что в данном жанре речь идёт о бесцезурном силлабическом одиннадцатисложнике с константным ударением на последнем икте.

При ближайшем же рассмотрении глазом, не затуманенным французской версологией, всё представляется несколько иначе.

Испанский ямбический одиннадцатисложник — один из наиболее распространённых размеров испанского стиха.

Метрическая схема: XXXU—UXU—(○)(○).

Boscán, las armas y el furor de Marte,
que con su propia sangre el africano
suelo regando, hacen que el romano
imperio reverdezca en esta parte,
han reducido a la memoria del arte,
y el antiguo valor italiano,
por cuya fuerza, y valerosa mano
Africa se aterró de parte a parte...

(G. de la Vega)

Усреднённый профиль ударности слогов этого размера представлен в следующей таблице:

№ слога	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
% ударности	21	39	25	51	0,5	74	4	52	0,5	100	0

При этом, однако, «безупречные» ямбические стиховые ряды составили в обследованном материале¹ около 50%. Наиболее распространённые «отклонения» от ямбической каленции в зачине стиха сводятся к следующему:

— Дактилический зачин UU4... (около 14% строк) —

Ni hora me des de queja ni de ruego...

(M. de Unamuno)

Подобный ритмический рисунок встречается и в русском ямбе «Зять палача и сам в душе палач» (А.С. Пушкин); однако в русском стихе в таком случае первый слог непременно занимается односложным словом, «... например, — пишет В. Жирмунский, — возможно “бой барабанный, крики, скрежет”, но не возможно “Крики победы, смертный скрежет”». Между тем, в испанском стихе первое ударение чаще всего приходится как раз на двусложное слово:

— Анапестовый зачин UU3UU (около 15,5%) —

Qué me aparta de todo devaneo.

(M. de Unamuno)

¹ Сонеты Х. Боскана, Гарсиласо де ла Вега, Луиса де Гонгоры, М. де Унамуно, Р. Вальс-Инклана, Ф.Г. Лорки — всего около 3000 строк.

Подобный ритмический «сбой» в русских ямбах не употребляется:

– Хореический зачин IUUUU (около 5% строк) –

Diós le dió el Evangelio del Quijote...

(M. de Unamuno)

Такой ритмический ход в русском ямбе также не встречается.

Из вышеизложенного следует, что доминантным метроритмическим «эквивалентом» испанского ямбического одиннадцатисложника может быть признан русский пятистопный ямб. Впрочем, это не исключает (в случае особых коммуникативных обстоятельств) четырёхстопный дактиль (% ударения 14% в стихе оригинала):

Что за упругая кровь по излучкам
лётся, точа ледяную плотину?
Хлынуло в сжатые губы лавиной
небо, смывая оплот акведука.

Певчие струи, и смута, и мука
ветра, всверлившего свист соловьиный
в пену, кипящую первопричиной
кровосмешения света и звука.

Ширится полночи грузная крона,
пряча в листьях, воронёной и влажной,
звёздную тяжесть ночного плода.

Бриз, низвергающийся с небосклона,
чёрную ветку качнул – и протяжно
звоном ответила ветру звезда.

(Висенте Алейсандре. Перевод – С.Г.)

Исповедь переводчика

С.Ф. Гончаренко

Какие странные слова!
Какие странные значки!
Жуки ли, божьи ли коровки?
Я устанавливаю робко
меж ними смысловую связь,
подозревая и боясь,
что уличу себя в невежестве,
что на меня дохнула свежестью
не мысль – графическая вязь.
Но вот,
но вот: слова проваливаются
сквозь плоскость белого листа.

Вероятно, имеют право на жизнь и такие метроритмические опыты, которые продемонстрировал в свое время В. Резниченко, переводя сонеты Л. де Гонгоры таким образом:

Ныне, пока волос твоих волна
Блещет, как золото, лелея блики,
Ныне, пока твой образ ясноликий
Ярче, чем белых лилий белизна...

Но при этом, однако, приходится помнить, что в испанских оригиналах подобная ритмическая схема свойственна только 14 % стихотворных строк и что, во-вторых, она никак не противопоставляет их в испанском стихе ямбическому ритму, а лишь актуализирует и, следовательно, подчёркивает его. Увы, в русской версии мы имеем обратную картину.

Вот лишь два из труднообозримого множества практических советов, которые российские переводчики минувшего столетия могли бы передать своим преемникам. Давайте, коллеги, пополнять эту копилку. Как знать, быть может, она когда-нибудь кому-нибудь и пригодится.

Теперь их можно трогать пальцами,
они теперь трёхмерны... Да,
они трёхмерны, как молекулы!
Я ощущаю существо
стиха... Он жив. А перевод
сейчас прочту в словарном зеркале.
И у меня довольный вид,
шепчу себе я: "Приготовься!"
И я ещё не знаю вовсе,
что всё мне только
предстоит.

13.02.1965

Шпинат по-английски

В.К. Ланчиков

Когда мы с Мишель Берди закончили статью для прошлого номера «Мостов», я, как обычно, показал её кое-кому из коллег, чтобы узнать их мнение. Один обратил внимание на то, как я перевёл цитату из статьи Д.Ремника:

— Мы так никогда не переведём, — и Пивер кривится, как ребёнок, который нечаянно попробовал брюссельскую капусту.

«А стоит ли оставлять здесь “брюссельскую капусту”?»

Я понимал, что именно смутило моего коллегу. Полизал, потому что, переводя, я сам задавал себе тот же вопрос. Да, в оригинале “Brussels sprouts”. Но американскому автору важно не предметное значение этой лексической единицы, а те ассоциации, которые связали у читателя с упомянутым овощем.

Какие ассоциации — видно по отрывку из статьи, опубликованной три года назад в газете «Таймс» (12 декабря 2003 г.):

Брюссельская капуста — это блюдо, которое непослушные дети не хотят кушать на обед. Гадкие карликовые кочанчики со зловещими масонскими крестиками вместо черенка — никуда от них не денешься: на обед, на ужин, даже на завтрак сердитые родители брякают перед тобой тарелку с остывшими, быстро теряющими упругость комочками. Чего удивляться, что даже в зрелом возрасте бывших непослушных детей чуть ли не мутит от одного вида брюссельской капусты.

Подобные воспоминания навевают брюссельская капуста и американской журналистке («Вашингтон Пост», 3 ноября 1999 г.):

Помните эти водянистые, горьковатые, скверно пахнущие шарики, которые вы в детстве катали по всей тарелке? В картофельное пюре, как горошины, не спрячешь: слишком крупные. Разве что украдкой скормить собаке под столом.

Словом, для большинства англичан и американцев “Brussels sprouts” — это нечто полезное, питательное (недаром родители так настойчиво пичкают ею малышей), но страшно невкусное.

Если опросить детей, выросших в России, какое блюдо соответствует этому описанию, едва ли в ответ раздастся дружное: «Брюссельская капуста!» А значит вопрос, стоит ли оставлять в переводе цитаты «брюссельскую капусту» — вопрос не праздный. Мой вдумчивый коллега имел все основания насторожиться, увидев, что в статье, где осуждаются буквалистические замашки двух американских переводчиков, я прибегаю к способу перевода, так напоминающему осуждаемый.

Однако я пошёл на сохранение образа вполне сознательно. Прежде чем объяснить своё решение, приведу другой пример.

Недавно я предложил студентам для перевода выловленную в Интернете статью американского лексикографа Эрин Маккин, которая начинается так:

Lots of people (and by “lots” I mean roughly 99% of everyone I’ve ever spoken to) believe that the dictionary is a Who’s Who of words. That it’s like Ivy League college admission. That only really good words, the ones that have eaten all their spinach and who play the oboe and who get high scores on the SAT, make it into the dictionary.

Возможно, стоит пояснить, что у американцев шпинат имеет примерно ту же репутацию, что и брюссельская капуста. В 1928 году в журнале «Нью-Йоркер» была напечатана карикатура на сюжет, подсказанный извест-

ным юмористом Элуином Уайтом. Мать: «Это брокколи, солнышко» — Сын: «А я говорю — шпинат, и ну его к чёрту». Последняя фраза — “I say it's spinach, and I say the hell with it” — стала крылатой.

Тут уж, если кто-то из студентов оставлял при переводе «шпинат», я сам советовал применить приём, который А.Д. Швейцер назвал «замена функциональным аналогом» (в более поздних работах он использовал термин «интергипонимические замены»): пусть «слова-паиньки» в переводе «кушают манную кашку» или «пьют рыбий жир».

Казалось бы, случай такой же, что и в статье Ремника: и тут и там главным оказывается не предметное значение, а набор ассоциаций. Но есть и отличие. Студенты переводили весь текст, я — лишь цитату из статьи. Цитата же требует более осторожного обращения. Тут имеешь дело не с законченным словесным произведением, а с его фрагментом. Н.М. Любимов, вспоминая годы учёбы, писал:

Перевод отдельных фраз мне редко когда удавался. Фраза живёт в контексте. Вырванная из него, с обрубленными сучьями и ветвями, она засыхает, как дерево. Уже приобретя опыт, я пытался, вчитываясь в произведение, к которому мне предстояло подобрать русский стилизованный ключ, переводить фразы из разных глав и частей. И не было случая, чтобы потом, дойдя до какой-либо из этих фраз, я не переводил её заново, чтобы я не отказывался от заготовки. Вырванная из контекста, фраза требует иного звучания.¹

Сказанное относится не только к стилистическим, но и к смысловым оттенкам цитируемой фразы. Поэтому при переводе цитаты иногда поневоле стараешься быть чуть буквальныйнее, чем обычно — тем более работая с публицистическим текстом, тем более, когда цитата приведена в полемических целях. (Если бы я переводил статью Ремника целиком, то скорее всего передал бы “Brussels sprouts” как «рыбий жир».)

Возможно, кому-то (как моему коллеге, который, выслушав эти доводы, всё же не согласился) покажется, что я переосторожничал. Что ж, здесь я лишь пытаюсь обосновать своё решение. Но случись мне не писать, а

редактировать статью, где в переводе этого отрывка автор-переводчик решил на замену функциональным аналогом, я бы разве что поделился с ним своими сомнениями, но исправлять бы не стал.

Так вот о брюссельской капусте. Строго говоря, её уже не назовёшь «реалией»: в России она известна достаточно хорошо. Точнее, известно предметное значение этого сочетания. Но кроме предметного значения слова обладают ещё и *со-значением*, коннотацией, и бывают случаи, когда это самое *со-значение* заслоняет собой предметное — как в цитате из статьи Ремника. Следовательно, его и надлежит отразить в переводе — любым способом, вплоть до замены лексической единицы на слово с другим денотатом.

Переводчики понимали это давным-давно. Взяв, например, разные переводы одной фразы Гамлета. В сцене с актёрами, вспоминая пьесу, которая недолго продержалась на сцене, Гамлет замечает:

The play, I remember, pleas'd not the million, 'twas caviary to the general.

Выражение “caviar to the general” со временем стало фразеологизмом, означающим нечто настолько тонкое и изысканное, что может быть оценено лишь немногими. Правда, как отмечает У.Сафайр, в современной речи (по крайней мере, в США) это выражение подчас употребляется в несколько ином значении:

Этот оборот впервые употреблён в «Гамлете» <...> Слово “general” означало не какого-то полководца-генерала, а “general public”, широкую публику, которая смотрела на икру как на липкую массу рыбьих яичек с дурным запахом и не ценила её тонкий вкус. Сегодня это выражение употребляется в другом смысле: деликатес, ценный «генералами». (*The International Herald Tribune*, Oct. 6, 1985)

Но переводчикам «Гамлета», разумеется, необходимо передать исконное значение оборота. И не столько значение, сколько *со-значение*.

В знаменитом переводе Н.А.Полевого интересующая нас фраза вообще опущена. А.И. Кронеберг перевёл её так:

• Я помню, пьеса не понравилась толпе; это был апельсин для известного рода животных.

¹ Н.М. Любимов, «Неуязвимый цвет: Книга воспоминаний». Т.1 — М.: Языки славянской культуры, 2000, стр. 277.

Анализ практики

Переводчик обыграл фразеологизм «разбираться в чём-то как свинья в апельсинах». Прибегали в этом случае к фразеологизмам и другие переводчики:

- Пьеса, помнится, не понравилась большинству. Она была бисером для свиней. (Пер. К.Р.)
- Пьеса не понравилась. Для большой публики это было, что называется, не в коня корм. (Пер. Б.Л. Пастернака)

Бывали и попытки сохранить шекспировский образ:

- Пьеса, я помню, не понравилась толпе; для большинства это была икра. (Пер. М.Л. Лозинского)
- Эта пьеса не понравилась; для большинства это было вроде икры. (Пер. А.Д. Радловой)

О том, как воспринимается такое решение, говорит то обстоятельство, что иногда при перензании перевода Лозинского бдительные корректоры, видимо, смущённые невразумительностью образа, поправляют: «Для большинства это была игра».

Другой способ выявления коннотации. В романе М.Твена "Adventures of Huckleberry Finn" жулик, выдающий себя за наследника французского престола, открыв слушателям тайну своего происхождения, восклицает:

"Yes, gentlemen, you see before you, in blue jeans and misery, the wanderin', exiled, trampled-on and sufferin' rightful King of France."

В переводе Н.Л. Дарузес:

— Да, джентльмены, вы видите перед собой законного короля Франции, в синей холстине и нищете, изгнанника, страдающего и презираемого всеми!

Во времена Марка Твена "blue jeans" считались одеждой если не бедняков, то, по крайней мере, людей скромного достатка, и сегодня, когда этот род одежды вызывает ассоциации едва ли не противоположные (тем более в России), трудно ожидать, что читатели войдут в бедственное положение человека, которому приходится носить джинсы. Другое дело — указание на материал, из которого изготавливался столь высоко чтимый сегодня предмет одежды. (Использование в переводе генерализации создаёт эффект остранения, о котором так много писали представители «формальной школы».)

Можно возразить, что, приписав Н.Л. Дарузес какую-то особую изобретательность, я выдал нужду за добродетель: как же ещё могла поступить переводчица, если в то время, когда она переводила роман Твена, слово «джинсы» в русский язык ещё не вошло? (По данным «Словаря современного русского литературного языка», первая письменная фиксация этого слова относится к 1971 году). Но значит ли это, что если бы роман Твена переводился сегодня, переводчик при помощи прямого словарного соответствия мог бы добиться того эффекта, на который рассчитывал автор?

Тут уместно вспомнить сходную трудность, которая подстерегает англоязычных переводчиков пушкинской «Капитанской дочки». М.М. Морозов описывал её так:

Когда к крепости приближается Пугачёв, капитан Миронов говорит: «Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Что имеет в виду капитан Миронов? Как понять это место? Переводчик должен знать, что Пугачёв не обижал людей из простого народа. Упомянутая же нами переводчица окончательно запуталась в этом месте. Очевидно, она где-то прочла, будто у русских было обычаем хоронить покойников в самой богатой одежде (перевод был сделан в Чикаго в 1876 году, когда за границей о русском быте имели лишь самое смутное представление); фразу «да коли успеешь, надень на Машу сарафан», она «перевела» следующим образом: 'And if you have time, dress her in her best: let her wear a sarafan, embroidered in gold as is our custom for burial.' В этом переводе совершенно искажён смысл оригинала. Другая переводчица перевела: 'And if you have time, dress Masha in a sarafan.' В этом варианте смысл остался не совсем ясным, нераскрытым. Лучше других перевела третья переводчица: 'dress Masha as a peasant girl.'²

Определяющей для перевода может оказаться не только коннотативная окраска, но и ассоциации со смежным понятием. И здесь прямой перевод не всегда оказывается приемлем, поскольку в культуре, стоящей за языком перевода, эта ассоциация может быть иной или совсем отсутствовать.

² М.М. Морозов, «Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык» — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956 — с. 11.

Легкомысленный герой рассказа Саки (Г. Манро) "Reginald at the Carlton" размышляет:

"Isn't there a bishop or somebody who believes we shall meet all the animals we have known on earth in another world? How frightfully embarrassing to meet a whole shoal of whitebait you have last known at Prince's! I'm sure in my nervousness I should talk of nothing but lemons. Still, I daresay they would be quite as offended if one hadn't eaten them. I know if I were served up at a cannibal feast I should be dreadfully annoyed if one found fault with me for not being tender enough, or having been kept too long."

В прошлом году издательство «Азбука-классика» выпустило сборник рассказов Саки «Омлет по-византийски», куда вошёл и «Реджинальд в "Карлтоне"». Горячо рекомендуя эту книгу всем преподавателям перевода: это редчайшая по своей полноте антология переводческих ошибок, от курьёзнейших искажений смысла до проявлений стилистической глухоты. Юмор Манро в большинстве случаев убит начисто, но, когда сравниваешь перевод с оригиналом, трудно удержаться от смеха. Характерный пример — перевод цитируемого отрывка:

Как вы, должно быть, знаете, какой-то епископ верит в то, будто со всеми известными нам по пребыванию на земле животными мы встретимся впоследствии на том свете. Как же это будет неловко — столкнуться там с косяком снетков, с некоторыми представителями которых в последний раз встречался в ресторане. Мне с моей чувствительностью лучше с лимонами иметь дело. Впрочем, и эти обидятся, если не будешь их есть. Знаю одно — на людоедском пиршестве меня бы страшно раздражало, если бы ко мне стали цепляться за то, что я недостаточно улыбочив или же слишком долго вожусь со своим блюдом.

Смысловые искажения тут очевидны, но я хочу остановиться лишь на одном, вызванном не только слабым знанием языка, но и непониманием ассоциативной связи.

Для сравнения — отрывок из рассказа Г.К. Честертона "The Duel of Dr. Hirsch":

At one of the central tables a very stumpy little priest sat in complete solitude, and applied himself to a pile of whitebait with the gravest sort of enjoyment. His daily living being very plain, he had a peculiar taste for sudden and isolated luxuries; he was an abstemious epicure. He did not lift his eyes from his plate, round which red pepper, lemons, brown bread and butter, etc., were rigidly ranked <...>

Опять "whitebait" (кстати, это далеко не всегда «снетки»), и опять они соседствуют с лимонами. Ничего удивительного: мелкая рыбёшка с лимонным соком — сочетание для англичан вполне привычное. Поэтому-то Реджинальд, представляя свой загробный разговор с рыбами, и посчитал самой безопасной темой их «общих знакомых» — лимоны.

Однако уяснить связь, на которой основана шутка Манро, — лишь полдела. Следует ещё донести эту шутку до читателя перевода, в чьём сознании эти два продукта не так уж крепко связаны.

Самым приемлемым выходом из положения была бы замена функциональным аналогом: можно подобрать другую неразлучную пару (живое существо и гарнир или приправу), у которой связь между напарниками будет понятна читателю перевода. Но, делая выбор, надо опасаться русификации и не забывать, что Реджинальд — завсегдатай «Принца» и «Каритона» и ценитель зелёного шартреза, поэтому «кильки в томате» и «поросёнка с хреном» придётся исключить.

Возможна минимальная замена: скажем, лимонный сок и устрицы. Но если кому-то покажется, что и тут для читателей перевода связь недостаточно очевидна, можно пойти дальше. Предложу ещё одно решение (а можно поправить другие смысловые ошибки азбуковского переводчика в этом отрывке):

Какой-то епископ, что ли, считает, что мире ином мы встретим всех животных, каких знавали в земной жизни. Вот будет конфуз, если доведётся встретиться с омарами, которых тебе представили в «Принце» в виде салата. Я, наверно, так растеряюсь, что смогу завести разговор только о майонезе. А впрочем, если их не есть, они бы тоже обиделись. Подайте меня к столу на пиршестве у каннибалов — и мне будет очень досадно, если кто-то станет ворчать, что я-де жестокат или с душком.

Иначе обстоит дело с "whitebait" в цитируемом рассказе Честертона. Казалось бы, там это кушанье упомянуто не ради каких-то ассоциаций. И всё же не будем спешить с выводами. Ассоциации, как мы видели, приобретают определённую во времени и пространстве («шпинат», «икра», «джинсы»).

Действие рассказа Честертона происходит в Париже во время Первой мировой войны.

Анализ практики

“Very stumpy little priest” — конечно же, отец Браун. И блюдо Честертон ему выбрал неспроста. “Whitebait” считается традиционным английским блюдом, что засвидетельствовано даже в энциклопедии «Британника», в статье “Gastronomy”. Генри Джеймс в романе “The American”, описывая, как американец Ньюмен приобщается к британской культуре, сообщает:

He watched the deer in Windsor Forest and admired the Thames from Richmond Hill; he ate whitebait and brown-bread and butter at Greenwich, and strolled in the grassy shadow of the cathedral of Canterbury. He also visited the Tower of London and Madame Tussaud's exhibition.

“Whitebait”, таким образом, становится в один ряд с такими узнаваемыми символами британской культуры, как Тауэр, Кентерберийский собор, Музей мадам Тюссо.

Можно вспомнить и “Whitebait Dinner” — торжественный ужин по случаю окончания парламентской сессии, который вплоть до 90-х годов XIX века устраивал британский кабинет министров.

Получается, что, приехав во Францию, славящуюся своим кулинарным искусством на весь мир, отец Браун остался верен британским вкусам. А вместе с ними и британским ценностям, и британскому здравомыслию, которое (не только в этом рассказе) Честертон противопоставляет пылкой и сумбурной галльской натуре. Гастрономические предпочтения позволяют отчётливо противопоставить героя (и симпатизирующего ему автора) культурной среде, в которой он оказался.

Неизбежный вопрос: как же отразить это в переводе? К решительным заменам, вроде предложенных выше, прибегнуть тут не удастся: это не воображаемая загробная беседа Реджинальда с рыбёшками, а вполне реалистичная сцена, нарисованная весьма подробно (выше приведена только часть), и замена блюда потребует более основательной перелки авторского описания, чем позволяет норма перевода. Поэтому, переводя рассказ Честертон, я не отважился лишить отца Брауна любимого лакомства, но принял к сведению его предпочтения и едва заметно — где выбором эпитета, где фразеологизмом —

помогал читателю лучше почувствовать ироничное отношение автора к темпераментным до безрассудства французам. Какая никакая, а компенсация. Приведённый же отрывок перевёл самым бесхитростным образом:

За столиком посредине в полном одиночестве сидел толстенький невысокий священник. Перед ним стояла полная тарелка серебристых рыбок, а вокруг неё — блюдца с неизменной снедью: красные перцы, лимоны, чёрный хлеб, масло. Священник ел не спеша, смакуя каждую рыбку. Жизнь его отличалась простотой и умеренностью, и он умел ценить редкие неожиданные удовольствия: он был неприхотливым эпикурейцем.

Перевод сегодня определяется как средство не только межкузыковой, но и межкультурной коммуникации. Из приведённых здесь наблюдений ясно, что такое уточнение более чем обосновано. Можно сказать, что межкультурные различия стали в научных исследованиях даже модной темой. Настолько модной, что впору поменять акценты: перевод — средство не только межкультурной, но и межкузыковой коммуникации. Отмечать различия — занятие увлекательное и эффективное, но забота переводчика — другой эффект: коммуникативный. Ему важнее разобраться, какими языковыми средствами достичь этого эффекта в переводе.

В.К. Ланчиков

Из «Заметок переводчика»

Н.А. Заболоцкий

Если перевод с иностранного языка не читается как хорошее русское произведение — это перевод или посредственный, или неудачный.

Переводческие «сюрпризы» (Непредсказуемое в устном переводе)

М.Я. Цвиллинг

Успехи в различных областях переводоведения, и в первую очередь в так называемой прикладной теории перевода, позволяющей внедрить в переводческую деятельность достижения современной информатики и тем самым повысить производительность труда переводчика и улучшить качество письменного перевода, по-видимому, ещё не скоро отразятся на переводе, осуществляемом в устной форме в режиме реального времени, будь то последовательно или синхронно.

Дело здесь, видимо, не столько в необходимости обеспечения экстремального быстрого действия соответствующих устройств, сколько в специфике коммуникативной ситуации, включённым участником которой является переводчик, и, в частности, в высокой степени непредсказуемости если не содержания, то, во всяком случае, формы предстоящих высказываний.

Возможность квазимгновенного перевода воспринимаемой речи синхронистом, как известно, основан на механизме вероятностного прогнозирования (Г.В. Чернов). Однако следует помнить, что прогнозирование речи носит не детерминативный, а именно вероятностный характер, и в известных случаях способно подвести переводчика, наводя его на ложный след, что весьма существенно сказывается на качестве перевода (его полноте, правильности, темпе и т.д.).

Естественно предположить, что в условиях последовательного перевода роль прогнозирования снижается, поскольку переводчик успевает воспринять целиком отрезок речи на исходном языке (ИЯ) уже на стадии его произнесения, произвести его анализ и «сгенерировать» эквивалентное высказывание на язы-

ке перевода (ПЯ). Нам представляется, что такое предположение справедливо лишь отчасти. Понимание речи (в том числе и беспереводное!) немислимо без наличия у рецептора необходимых пресуппозиций, актуализируемых в ходе восприятия речи. Ставшее уже анекдотичным выражение «кто сказал А, должен сказать и Б» достаточно наглядно отображает эту ситуацию. Иначе говоря, не зная, о чём речь, переводчик переводить не может, поскольку даже известные ему значения не порождают смысла.

Отсюда вытекает естественное требование к переводчику — тщательно готовиться к предстоящей работе, знакомиться со всеми доступными материалами по теме мероприятия, изучая соответствующую терминологию и — last not least — *вникая* в манеру речи участников диалога.

Однако, как показывает практика, даже детальное знакомство с обсуждаемым предметом не предохраняет переводчика от «сюрпризов», поскольку оратор, строго говоря, ничем не ограничен в выборе средств и способов оформления своего высказывания. В стремлении к выразительности речи говорящий, независимо от того, обращается ли он к «собратьям по языку» или через переводчика к иноязычному рецептору (собеседнику, аудитории), использует образные, эмоциональные, богатые ассоциациями слова и словосочетания, порой весьма далёкие по своему основному лексическому значению от обсуждаемой тематики. В данной статье предпринята попытка проиллюстрировать это явление на конкретных примерах, заимствованных из опубликованных в журнале „Der Spiegel“ интервью с немецкими политиками, деятелями

Анализ практики

культуры, крупными предпринимателями. Репрезентативность материала гарантирована престижем журнала, а его аутентичность (соответствие текста реально произнесённой устной речи) обеспечена высокопрофессиональной методикой редактирования, что может быть подтверждено, в частности, личным опытом автора.

Начнём с типичного, не очень-то сложного, примера: „Dann kam die Novellierung des Betriebsverfassungsgesetzes, die überflüssig wie ein Kropf war“ (министр внутренних дел ФРГ Шойбле, 6/02, 91¹). Позволительно спросить, если речь идёт о политике в области занятости, то какова вероятность появления слова *Kropf* – «зоб» (да, к тому же, видимо, не в его исходном значении «расширенная часть пищевода птицы», а во вторичном – «стойкое увеличение щитовидной железы», поскольку здесь это слово символизирует нечто избыточное, ненужное)? Даже не располагая полным частотным словарём немецкого языка, можно быть уверенным, что ранг этого слова в интервью на рассматриваемую тему весьма низок (в отличие от текстов по орнитологии, птицеводству, ветеринарии или эндокринологии). Традиционная методика обучения иностранным языкам, как известно, строит формирование активного (да и пассивного) словаря по признаку частотности – чем чаще встречается слово, тем оно нужнее. И чем большей частотностью обладают элементы словарного запаса, тем легче его владельцу понять текст, поскольку так называемый «коэффициент покрытия текста» тем выше, чем больше частотность слов, вошедших в лексический минимум.

Однако к переводческому пониманию текста, и, тем более, устной речи, это положение едва ли применимо. Ибо, строго говоря, согласно одному из основополагающих законов теории информации ценность знака тем больше, чем ниже его вероятность. Это – как в тотализаторе или рулетке: наибольший выигрыш достаётся тому, кто сумел предугадать наименее вероятный результат, т.е. поставил на скакуна-аутсайдера, или, соответственно, на определённую цифру, а не, скажем, чёт-нечет, красное или чёрное. Так и в речи: самыми

ценными, информативными оказываются наименее ожидаемые, непредсказуемые слова, «выпадающие» из тематического поля дискурса. Неудивительно, что в этой роли выступают слова и выражения, обладающие также и низкой общеязыковой частотностью, т.е. единицы весьма редкие, порой «экзотические», а потому зачастую неизвестные переводчику.

Рассмотрим показательный в этом отношении пример из интервью министра охраны окружающей среды ФРГ Зигмара Габриэля, в котором обсуждаются проблемы атомной энергетики (3/2006, 38). Говоря о трудностях, связанных с отысканием мест для захоронения радиоактивных отходов, он бросает короткую фразу: „Sankt Florian gilt nicht!“. Пожалуй, здесь случай потруднее, чем с пресловутой «лошалью», в которую превратила «троянского коня» одна незадачливая переводчица на Нюрнбергском процессе, о чём пишут почти все мемуаристы. Может ли знать рядовой переводчик (вчерашний выпускник, пусть даже специального факультета), кто такой Святой Флориан, какое отношение он имеет к обсуждаемой проблеме и почему он здесь (если переводить буквально) «не действует»?

Дело вот в чём. Флориан считается защитником от удара молнии и от пожара, покровителем пожарных. Причём широкую известность этому святому принесло изречение-заклинание, которое якобы встречалось на стенах домов баварских крестьян:

„O, du heiliger Florian,
verschon' mein Haus,
zünd' andre an!“

(«Святой Флориан! Мой дом пощади, другой подожги!»).

Теперь смысл высказывания ясен: если мы не хотим хранить отходы на своей территории, то тем более не приходится рассчитывать на возможность «подбросить» их соседям. Вообще говоря, подобные реалии должны (и могут) быть отражены в лингвострановедческих словарях, но, во-первых, на полноту даже хороших справочных пособий этого типа полагаться нельзя (в достаточно полном словаре Д.Г. Мальцевой «Германия. Страна и язык», М., 1998, этот святой не упоминается), а, во-вторых, и это главное,

¹ 6/02, 91 = „Der Spiegel“, №6, 2002 г., стр. 91)

словарь устному переводчику — в отличие от письменного — в непредвиденной (и непредсказуемой) ситуации не помощник.

Разобранный пример иллюстрирует один из типов «переводческих сюрпризов» — обладающее ярко выраженной оценочной коннотацией имя религиозного (исторического, мифического, литературного, фольклорного) персонажа или название события, ассоциируемого с определённым когнитивным комплексом. Другие примеры:

David steigt bei Goliath ein, und nicht umgekehrt (Porsche-Beteiligung an VW) 44/05. 86. Ветхозаветная пара «Давид и Голиаф» символизирует автостроительные компании различных весовых категорий, из которых меньшая становится совладельцем более крупной.

Wir brauchen wieder einen *Apokalyptiker* (Schauspieler U. Mühe — düstere Prognosen (un Not) Sp. 12/06. 177. «Апокалипсис» (точнее, автор, пишущий в апокалиптическом стиле) выступает здесь как образ мрачной, пессимистической пьесы.

... einige selbsternannte *Gratshüter* der Aktienkultur. 44/05. 86. После шумного успеха «Кода Да Винчи» (романа и фильма) представление о священном Граале и его хранителях перестало быть достоянием лишь знатоков средневековой литературы. В данном контексте речь идёт всего лишь о людях, не допускающих мысли о возможном отступлении от устоявшихся принципов коммерческой деятельности акционерных обществ и уменьшении размера дивидендов, выплачиваемых акционерам.

Wie erleben den Abschied vom *Halbgott* in Weiß, eine Art *Säkularisierung* 45/05. 56. В статье обсуждается изменение социального статуса врача, который перестаёт восприниматься простыми смертными как некий «полу бог» и утрачивает окружавший его квазирелигиозный ореол.

К этой группе примыкают и ставшие уже нарицательными имена литературных (фольклорных) героев, как Parsifal — воплощение наивной нравственной чистоты (Tumbheit от средневерхненемецкого tumb > современное dumm с пейоризацией значения) или Rumpelstilzchen — злобный гном, сочетающий в себе коварство, самодовольство и глупость. Чтобы защититься от его козней, достаточно было назвать его по имени, но он выдал себя сам, злорадно распевая на ночной поляне „O, wie schön: dass niemand weiß, dass ich Rumpelstilzchen heiß!“.

Маргарита из «Фауста» увековечена в выражении „Gretchenfrage“, под которым имеется в виду вопрос, заданный ею Фаусту „Wie hast du's mit der Religion? ... Glaubst du an Gott?“ (В переводе Н. Холодковского: «Как обстоит с твоею верой в Бога? ... Ты в Бога веришь ли?»). В современном языке, в частности, в публицистике, под этим понимается вопрос, требующий недвусмысленного раскрытия своей принципиальной позиции.

Наряду с «фиктивными» персонажами достаточно часто в качестве оценочно-идентифицирующих ярлыков выступают и обозначения реальных исторических и квазиисторических лиц (легендарный морской разбойник Klaus Störtebecker, казнённый в 1402 г., der Hauptmann von Köpenick — мелкий мошенник, сумевший в 1906 г. переодевшись офицером арестовать окружного бургомистра и конфисковать казну), а также событий (Völkerschlacht 1813, Dreikaiserjahr — 1888, Dolchstoß in den Rücken — 1918, Mauerbau — 1961), географические названия, метонимически замещающие название событий и их оценку (Canossa, Versailles, Gleiwitz, Dresden), названия кораблей и иных средств передвижения (дирижабль „Hindenburg“, пароход „Wilhelm Gustloff“) и т.д. Встречаются в сходной функции и названия книг, фильмов, телесериалов, как в следующем примере:

... diese Version der Familie — im Unterschied zur „Lindenstraße“-Familie — wird die Debatte der Zukunft bestimmen. 10/06. 88 Популярный сериал «Линденштрассе» представлен как изображение семьи, далёкое от актуальных демографических реалий).

Естественно, что в качестве «сюрпризов» выступают не только имена собственные, но и нарицательные. Нередко это названия обрядов, игр (и игровых ситуаций), бытовых предметов, а также животных и растений. Достаточно вспомнить такие слова, как Richtfest (торжество по случаю завершения строительства дома — до подведения под крышу и без отделки), Skat (национальная карточная игра для трёх партнёров), Schwarzer Peter (детская карточная игра, наподобие нашей «Акулины»), Mühle (древняя немецкая настольная игра, как бы усложнённый вариант «крестиков и ноликов») Unke (лягушка-жерлянка,

Анализ практики

квавание которой по поверью предвещает беду), *Wetterfrosch* (древесная лягушка в банке, «предсказывающая» погоду, также шутовское обозначение метеоролога-синоптика). Некоторые из этих единиц легли в основу фразеологических сочетаний (напр., den Schwarzen Peter zugesteckt bekommen, in eine Zwickmühle geraten).

Фактор непредсказуемости проявляется, однако, не столько в специфике связанных с данной единицей ассоциативных значений, сколько в самом факте появления «инородного» слова в, казалось бы, нетипичном для него контексте (в начале статьи уже приведён пример такого рода со словом „Krogrf“ – зоб).

Распространённым типом подобных «противопехотных» (то бишь, противопереводческих) мин являются неожиданные образные сравнения или метафоры, заимствуемые из самых различных областей жизни:

право: ... manche Journalisten glauben, die Pressefreiheit sei eine Art *Freizeichnungsklausel* ... 41/05, 41 – данный юридический термин означает оговорку, освобождающую участника договора от обязательств (в гражданском кодексе ФРГ она запрещена), высказывание содержит осуждение журналистов, злоупотребляющих свободой печати;

военное дело: Es gibt genügend Gegner, die mit der *Kalashnikov* im Straßengraben liegen – опыт 44/05, 86, – Речь опыты же падёт о конкурентах, но на этот раз их сравнивая с боевиками, поджидаемыми в засаде свою жертву;

автодело: Insofern brauche ich auch keine *Lichttype* im Rückspiegel. Die Aufgabenstellung setzen wir uns ... selbst (DaimlerChrysler) 1/06, 72 – образ светового сигнала, подаваемого дгоняющим (или обгоняющим) автомобилем, в данном контексте означает угрозу кониерпу со стороны «наступающих на пятки» конкурентов;

физика: Eine Große Koalition funktioniert nicht nach dem Prinzip der *kommunizierenden Röhren*. 9/06, 39 – Компромисс в политической коалиции не достигается так же просто, как установление одинаковых уровней жидкости в сообщающихся сосудах;

музыка: ... er sei der letzte *Live-Rock'n'Roller* gewesen, und jetzt komme die *Play-Back-Generation*, (экс-министр Фишер о себе) 40/05, 35 – Экс-министр Фишер сравнивает себя с рок-музыкантом, выступающим вживую, в отличие от современных политиков, образно говоря, способных выступать лишь под фонограмму;

цирк: Das ist kein *Karnickel*, das wir einfach aus dem *Hut gezaubert* haben 36/05, 75 – Коммерческий успех –

не фокус иллюзиониста с кроликом, извлекаемым из цилиндра;

растениеводство: Andere (Fluggesellschaften) sterben ab, aber ein bisschen *Wildwuchs* muss sein 36/05, 78 – Не всё поддаётся регулированию, неизбежно, как естественное разрастание растительного покрова, появление новых авиакомпаний на международном рынке воздушных перевозок;

зоология: Aber *Kraniche* fressen „Heuschrecken“ 36/05, 80 – Противостояние авиакомпании «Люфганза» враждебному поглощению облечено в «зоологические» образы. Журавль – логотип авиакомпании, «саранча» – расхожее обозначение агрессивных инвесторов-поглотителей;

кулинария: Das globale Angebot als *Einheitsbrei* 36/05, 78 – Уравниловка в пснах приравнена к каше-размазне, в которой отдельные крупинки неразличимы;

Sie werden die wahre *Sandwich-Generation* sein; als Eltern, als wenige zuständig für die vielen Alten 10/06, 87 – Демографическая ситуация ставит нынешнее молодое поколение в положение работающей «прослойки» между двумя поколениями, не создающими материальных ценностей – престарелыми родителями-пенснерами и малолетними детьми, что и даёт основание сравнивать его с кружком колбасы, закатанном между двумя ломтиками хлеба;

Klingt nach *Frühstücksdirektor* 53/05, 46 – Вновь назначенный директор телестудии рискует оказаться в роли, говоря по-русски, «свадебного генерала», тапный образ построен на том, что он, по сути, будет появляться лишь во время совместного завтрака с сотрудниками, не участвуя в практической работе.

К сожалению, неожиданностью для переводчика могут оказаться, помимо образов-окказионализмов, и *узусальные фразеологизмы*, которые из-за их относительно невысокой частотности не вошли в его «рабочий фонд»:

Man solle die *Kirche im Dorf lassen* 53/05, 46 – не надо преувеличивать, придавать какому-либо обстоятельству слишком обобщённое значение;

Man kann nicht die *Lippen spitzen* und dann in einer solchen Krise *nicht pfeifen* 36/05, 55 – в данной ситуации за словами должны последовать действия, или: кто сказал «А», должен сказать и «Б»;

Die *Zeche zahlen* Geschäftsreisende 36/05, 75 – Речь шла о том, что потери авиакомпаний от низкобюджетных рейсов должны как-то компенсироваться, и делается это за счёт повышения цен на билеты в срочной продаже, которые обычно приобретают бизнесмены для деловых поездок. Использованное здесь выражение в буквальном смысле означает плату за совместную трапезу в трактире или ресторане, так что не приходится удивляться, что в лексический актив студента-переводчика оно едва ли входит.

Auch Emirates kocht nur mit Wasser 36/05. 80 — У авиакомпании ОАЭ тоже нет каких-то секретных рецептов успеха:

Wenn man auf der grünen Wiese unterwegs wäre, könnte man ... Vieles tun 11/06. 106 — Известный политик объясняет невозможность радикальных мер инерцией сложившейся ситуации. Вот если бы начинать на пустом месте, тогда ... Именно в таком значении здесь функционирует образный фразеологизм: зелёная лужайка = нетронутый, незастроенный участок земли.

Немалый потенциал непредсказуемости кроется в немецком *словосложении*. В частности, обозначения многих *реалий* современной общественной жизни образованы именно таким способом. Дополнительную трудность в понимании и переводе подобных композитов, создаваемых *ad hoc*, представляет нераскрытость логических связей между их компонентами. Приведём несколько широко распространённых неологизмов, относящихся к рынку труда и сфере социальных отношений:

Ich-AG — буквально: Акционерное общество «Я-сам», участник рынка труда, облакающий свою личную трудовую деятельность в форму предпринимательства, нечто подобное «ИТД» или «ИЧП» в постсоветской и современной социально-правовой практике;

Ein-Euro-Job — «одноевровое» рабочее место — низкооплачиваемая малоквалифицированная работа, дающая возможность приработка людям, в течение длительного времени являвшимся безработными;

Minijob — мини-заработок: низкооплачиваемый труд, при котором работник не облагается подоходным налогом, а работодатель освобождается от уплаты социальных взносов;

Kombi-Lohn — комбинированная заработная плата, по существу, имеется в виду одновременная выплата пособия по безработице и отработочного трудового вознаграждения, как один из способов преодоления социальных последствий низкой занятости;

Nullrunde — нулевой раунд: цикл тарифных переговоров, заканчивающийся отказом от повышения заработной платы ради сохранения рабочих мест, также решение об отказе от компенсационного повышения пенсий в условиях экономического спада.

Следующие два термина, образованных на основе достаточно употребительного, но тем не менее трудно переводимого слова «Pauschale» (общая сумма, суммарная плата, и даже «паушальный» платёж), относятся к здравоохранению, как составной части системы социального обеспечения:

Kopfpauschale — индивидуальный взнос в системе медицинского страхования, устанавливаемый в едином размере для всех граждан, независимо от заработка;

Fallpauschale — разовое вознаграждение, выплачиваемое кассой больничного страхования врачу за каждого пациента.

Не менее сложными для понимания и перевода, и ещё более непредсказуемыми являются также нетерминологические новообразования того же типа:

Billig-Carrier oder Boutique-Anbieter — Так охарактеризованы авиакомпании, проводящие противоположную ценовую политику — низкобюджетные и элитарные. В первом слове сюрпризом может оказаться его англоязычный компонент («перевозчик»), во втором же неожиданностью является метафорическое использование компонента «бутик» — сравнение построено на сходстве цен и, соответственно, клиентуры.

Schnäppchen-Tarife — Выгодные, доступные, привлекательные тарифы. *Schnäppchen* — первоначально «лакомый кусочек», затем — выгодная покупка (по случаю).

Quereinsteiger, Seiteneinsteiger — Эти два синонима используются для обозначения человека, пришедшего в какую-либо сферу со стороны, например, студента, перешедшего во время учёбы на другую специальность, политика, лишь в зрелом возрасте сменившего свою прежнюю профессию — науку, бизнес — на политическую деятельность.

Среди новообразований встречаются не лишённые юмористического налёта, прямо-таки анекдотические сочетания-катахрезы типа:

die eierlegende Wollmilchsau — «яйшекладущая шерстистая дойная свиноматка», прощесский образ завышенных ожиданий в отношении социального обеспечения.

Наконец, *last not least*, переводчика могут поставить в тупик социолингвистически или этнолингвистически *инородные* вкрапления, а именно коллоквиализмы/диалектизмы, с одной стороны, и иноязычные единицы, с другой. Рассмотрим эти две группы на конкретных примерах.

Коллоквиализмы, диалектизмы:

Es sind doch nur ein paar *Hanse*, die mich kritisieren. 41/05. 40. Это слово, принадлежащее к слою сниженной, разговорной лексики, образовано от имени собственного с помощью диалектального суффикса и обладает

Анализ практики

презрительно-уничтожительной коннотацией. Министр даёт понять, что своих критиков он считает ничтожествами, выпадам которых не стоит придавать значения. Кстати отметить, что этого слова нет и в авторитетном «Немецко-русском словаре разговорной лексики» В.Д. Девкина.

Wir dürfen uns nicht *anschnusen* bei den Schwarzen. 40/05. 32. Председатель СДПГ говорит о необходимости сохранения собственного достоинства партии ради её вхождения в коалицию с ХДС/ХСС, намеренно используя при этом слово сниженного регистра («подлаживаться», «подлизываться»), эмоционально подчёркивающее недопустимость подобного поведения.

Das ist kein *Karnickel*, das wir einfach aus dem Hut gezaubert haben. 36/05. 75. В этом примере, уже приводившемся выше в другой связи, обращает на себя внимание замена стандартной формы слова *Kaninchen* его менее известным рядовому переводчику разговорным вариантом.

Wer jetzt nur aus *Daffke* Krach anfängt, gefährdet die Koalition. 11/06. 106. Выделенное курсивом выражение, имеющее грубовато-фамиллярную окраску, означает «из упрямства», «назло». Определить его смысл на основании внутренней формы абсолютно невозможно, поскольку оно представляет собой переосмысленное заимствование из языка идиш [*davko*] (в значении «именно так», «ничего другого»), к тому же видоизменённое в соответствии с фонетической системой берлинского диалекта.

Es gibt genug *dröge* Leute, die das Volk langweilen. 11/06. 34. Слово *dröge* этимологически представляет собой нижненемецкий дублет общенемецкого (верхненемецкого) *trocken*. В литературном языке оно употребляется в переносном значении с преимущественно отрицательной коннотацией — «сухой», «скудный», «нудный».

Иноязычные слова или фразы-цитаты:

Английский язык

Was wir dringender brauchen als *Hire and Fire* sind *Steuervereinfachungen*. 40/05. 32. С большой вероятностью можно предположить, что многие из нынешнего поколения немецкоязычных переводчиков в той или иной мере владеют английским языком. Тем не менее, появление в речи собеседника целых фраз на этом языке, несомненно, способно поставить переводчика в тупик. Психологически бывает трудно идентифицировать такую вставку, так как аппарат восприятия английской речи у переводчика в этот момент «не включён». Что же касается данного выражения, то оно имело широкое хождение в англоязычных странах особенно в годы Великой депрессии. В данном контексте смысл его использования сводится к тому, что проблема занятости должна решаться не упрощением процедур найма и увольнения, а в первую очередь модернизацией налоговой системы.

Die Piloten müssen auch der Flugsicherung misstrauen — *Safety first*. 36/05. 80. Эта английская фраза стала поистине крылатой и может употребляться в самых различных контекстах — в экономике, в технике, в быту и даже применительно к безопасному сексу. Переводчик, будь он ленив!

Jetzt gibt es kein Zurück. Also — *don't look back*. 36/05. 54. Дословный перевод фразы трудностей не представляет, но неожиданностью представляется само её появление, являющееся своего рода плеоназмом: Возврата нет — не оглядывайся!

Die Grundsätze guter Unternehmensführung, die *Corporate Governance*. 44/05. 86. Как и в предыдущем примере, стандартное английское терминологическое сочетание («корпоративное управление») фактически лишь повторяет значение предшествующего ему немецкого, но именно это своей кажущейся нелогичностью и может ввести переводчика в заблуждение.

В одном фрагменте речи могут оказаться совмещёнными сразу два фактора непредсказуемости — профессионализм и иноязыч-

ность — как в выше приведённом примере со словами *Live-Rock'n'Roller, Play-Back-Generation*.

Французский язык

В отличие от английского языка французским языком большинство отечественных переводчиков-германистов не владеют. Поэтому галлицизмы в речи собеседника способны причинить немало волнений.

Ist BMW Ihr Vorbild? — ... Ich sage nur: *Chapeau!* 1/06. 72. Шеф концерна Даймлер-Крайслер вынужден признать достижения конкурента, но скрашивает свой ответ тонкой интеллектуальной иронией, облекая его в форму французского возгласа, означающего «Снимаю шляпу!» (фактически же произносится только одно слово «шляпа»).

Welche Frau will heute dekoriertes *Petit Four* sein? 6/06. 152. Подчёркивая тенденцию к простоте в дизайне одежды, кутюрье отталкивается от сравнения с пирожным, образ которого непривлекателен для современной женщины. Этот пример также мог бы быть помещён в рубрику кулинарно-кондитерских профессионализмов, как и нижеприведённый.

Angebot mit differenzierter Struktur *à la carte*. 36/05. 78. Многообразие услуг, предоставляемых на выбор клиентам авиакомпании, приравнено здесь к ресторанному меню.

Латинизмы и грецизмы

Займствования из классических языков, как известно, богато представлены в русском языке и стали широко употребительными в публичной речи. Все же это не означает, что любое слово этого слоя без труда поддаётся опознанию, пониманию и переводу, когда оно встретилось переводчику в речи немецкого партнёра.

Das letzte Kabinett bestand ... vor allem aus *Egos*. 42/05. 42. Латинское местоимение «его» в данном контексте обозначает человека с ярко выраженной индивидуальностью и к тому же завышенной самооценкой. Высказывание, несомненно, содержит критику, однако его необычная формулировка позволяет толковать его и как признание достоинств.

Dann haben die Verleger keine *Kostensynergien*. 39/05. 174. Греческое слово «synergia» вошло и в русский язык, но употребляется преимущественно в узкоспециальных текстах. Широкое значение его примерно может быть описано как «положительный эффект взаимодействия нескольких факторов, совмещения нескольких видов деятельности» и т.п. Здесь конкретно речь идёт о попытке газетных издательств взять на себя некоторые функции почты, объединив разноску газет с доставкой корреспонденции. Но, поскольку совместить во времени эти две операции не удастся, ожидаемое снижение затрат оказывается недостижимым.

В заключение остаётся систематизировать основные типы «носителей непредсказуемости» в устном переводе, рассмотренные выше.

1) Имена собственные

- 1.1. фольклор, религия, мифология, литература
- 1.2. история, СМИ — личности, события, объекты

2) Образные сравнения-метафоры

- 2.1. авторские
- 2.2. узуальные (фразеология)

3) Словосложение

- 3.1. терминология
- 3.2. окказионализмы

4) Инородные элементы

- 4.1. сленг, диалект
- 4.2. иноязычные вкрапления
 - 4.2.1. из современных языков
 - 4.2.2. из классических языков

Представляется, что данная классификация (впрочем, не претендующая на исчерпывающую полноту) с теми или иными уточнениями может быть применена практически к любой паре языков. Это поможет коллегам-преподавателям, готовящим устных переводчиков, упорядочить работу над аналогичным материалом в своей языковой комбинации.

Как готовить будущего переводчика к преодолению этих трудностей? Для этого есть два взаимодополняющих пути; во-первых, максимальное, непрерывное пополнение

Анализ практики

знаний и, во-вторых, выработка находчивости. Находчивость, строго говоря, основывается на двух умениях: на умении угадывать смысл ранее неизвестных элементов высказывания и на умении, в крайнем случае, обходиться без перевода этих элементов с минимальными коммуникативно-прагматическими потерями. Методическая реализация этих задач может оказаться очень разнообразной, но даже самая эффективная методика способна обеспечить успех лишь при наличии необходимых психологических и интеллектуальных предпосылок в самой личности

обучаемого. Главное условие для этого — создание атмосферы интеллектуальной напряжённости и профессиональной состязательности, внедрение в учебный процесс игрового элемента, привитие уважения и стремления к ненаправленному расширению эрудиции как одной из предпосылок возможности преодоления непредвиденных речевых ситуаций в устном переводе.

Юридические термины в кино

Т.П. Некрасова

Где могут использоваться юридические термины? В договоре, в правовом заключении, на конференции, посвящённой юридическим вопросам, на заседании совета директоров компании или на общем собрании акционеров. Где ещё? В беседе юриста с клиентом. Где ещё? В разговоре юристов друг с другом (*Lawyers like to talk shop*). Где ещё? В кино! Оно, на первый взгляд, не имеет к праву никакого отношения, а между тем без юридических терминов не обходится ни детектив, ни криминальный боевик, ни полицейская комедия, ни психологическая драма, ни даже мелодрама (если там женятся, разводятся, делят имущество, пишут завешания и бьются за наследство, прибегая к услугам адвоката), не говоря уже о таких «узкопрофессиональных» фильмах, как «Фирма» (*The Firm*), с Томом Крузом в главной роли, по одноимённому роману Джона Гришэма.

Есть целый ряд юридических терминов и выражений, которым, как мне кажется, в ки-

нопереводе не очень везёт. К их числу относится такое выражение, как *to give sb. the Miranda warning*. Если в полицейском боевике один персонаж спрашивает другого: «How about the Miranda warning?», а в переводе мы слышим про необходимость предупреждения некой Миранды, то звучит это по меньшей мере странно. Кто такая эта Миранда? Откуда она взялась ни с того ни с сего посередине фильма и почему её нужно предупреждать? И о чём? Да ни о чём никого предупреждать не нужно. Точнее нужно, но не Миранду. Тем более что это не имя, а фамилия, и не женщины, а мужчины. Термин *Miranda warning* (или *Miranda Rule*) *Black's Law Dictionary* определяет следующим образом:

Prior to any custodial interrogation (that is, questioning initiated by law enforcement officers after a person is taken into custody or otherwise deprived of his freedom in any significant way) the person must be warned: 1. That he has a right to remain silent; 2. That any statement he does make may be used as evidence against him; 3. That

he has a right to the presence of an attorney; 4. That if he cannot afford an attorney, one will be appointed for him prior to any questioning if he so desires.

Barron's Dictionary of Legal Terms ещё более чётко и компактно раскрывает суть этого правила:

The requirement to inform a person of his or her privilege against self-discrimination (right to remain silent) and his or her right to the presence and advice of a retained or appointed attorney before any custodial interrogation by law enforcement authorities.

И означает всё это «проинформировать задержанного о его правах» (право хранить молчание, право на адвоката и т.д.). А Миранда — фамилия истца (мужского пола) по делу «Миранда против штата Аризона». В решении по данному делу, рассматривавшемуся в США более сорока лет назад, суд признал, что при задержании права подозреваемого были нарушены. В этом же судебном решении была закреплена и необходимость информирования задержанных об их правах¹. В качестве небольшого лингвострановедческого комментария добавим, что лебошир и хулиган Эрнесто Миранда, за которым числилось немало криминальных подвигов, уже после завершения судебного разбирательства и отбытия наказания (а его все-таки осудили в результате пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам) был убит в ходе потасовки в одном из американских баров. По проиции судьбы, другой лебошир и хулиган, подозреваемый в его убийстве, воспользовался своим правом хранить молчание (Miranda Rule в США работает чётко²) и был отпущен на свободу за неимением достаточных доказательств для предъявления обвинения.

Не очень везёт в кинопереводе (да и в переводе вообще) и такому термину, как *success fee*. Переводят его и как «гонорар успеха», и как «гонорар от успеха», и как «плата за успех». Если остановиться на слове «гонорар», то по-русски правильнее было бы всё-таки «гонорар за успех». Этот вариант, как показы-

вает практика, постепенно приживается в языке. По сути же это действительно плата за успех, но не в смысле расплаты (а русское «плата за успех» имеет именно этот подтекст), а в смысле вознаграждения, выплачиваемого клиентом адвокату в случае выигрыша дела. Перевод на русский, раскрывающий значение *success fee*, получается гораздо объёмнее компактного английского термина. При необходимости укоротить его (даже до двух слов, как в английском) можно, воспользовавшись приёмом генерализации, в результате чего получаем *условное вознаграждение*. Условное оно не в смысле *номинальное, формальное или символическое*, а в смысле *обусловленное определёнными обстоятельствами*, т.е. выигрышем дела. Условное вознаграждение имеет и прямой английский аналог — *contingency fee*, который, как правило, выступает синонимом *success fee*. Его нередко переводят, причём ошибочно, как *непредвиденный гонорар*. У существительного *contingency* действительно есть значение *uncertainty, dependence on chance* (Webster's Concise College Dictionary), но в том же словаре в рамках уточнения того же значения *contingency* определяется и как *dependence on the fulfillment of a condition*, что является грамматическим основанием для перевода *contingency fee* именно как *условное вознаграждение*. Для перевода *contingency fee* как *непредвиденный гонорар* нет и смысловых оснований, поскольку на успех всё-таки рассчитывают и сам адвокат, и его клиент. Вероятность успешного исхода дела может оцениваться адвокатом в процентах, и даже если шансы на успех 20% или всего лишь 10%, это всё равно определённый расчёт на успех. Будет ли дело выиграно или нет — это уже другой вопрос. Непредвиденный гонорар у адвоката, конечно, может случиться, если, например, дело будет выиграно столь блестяще, что клиенту захочется дополнительно оценить красноречие адвоката в суде или особую скрупулёзность в подготовке документов. Но это будет, скорее, просто *unexpected* или *unforeseen fee*, и терминологическим словосочетанием это выражение не является.

Success fee может использоваться не только в контексте судебных споров, но и при оплате

¹ См. также статью *Miranda warning* в издании «Мой несистематический словарь» П. Палащенко. — М.: «Р.Валент», 1999.

² Есть даже глагол *to mirandize*, употребляемый обычно в страдательном залоге — *to be mirandized*, что означает быть проинформированным о своих правах.

Анализ практики

услуг, не связанных с судебным представительством. В таких случаях это будет вознаграждение, выплачиваемое в случае успешного завершения какого-либо проекта (скажем, проекта по приобретению права собственности на земельный участок, за правовое сопровождение которого отвечает юрист) или отдельных его стадий в зависимости от договорённости между юристом и клиентом. Свидетельством успеха и, соответственно, основанием для выплаты *success fee* будет являться либо получение документов, закрепляющих за клиентом право собственности на данный земельный участок, если речь идёт обо всём проекте целиком, либо получение определённых разрешений или согласований, если *success fee* выплачивается при успешном завершении каждой отдельной стадии проекта.

И ещё один пример. В полицейских боевиках и детективах встречается такой термин, как *bail bond*, который в переводе превращается то в залоговую облигацию, непонятно что означающую, то в залоговое обязательство, тоже не понятно как вписывающееся в уго-

ловно-процессуальный контекст (у слова *bail* действительно есть значение «залог», а *bond* может означать и «облигация», и «обязательство», но в этих значениях эти лексические единицы друг с другом не стыкуются).

Black's Law Dictionary определяет *bail bond* как *a three-party contract which involves state, accused and surety and under which surety guarantees state that accused will appear at subsequent proceedings*. В переводе, тем более в устном, а в кинопереводе в особенности, это объяснение, конечно, нужно упростить. И это не так уж сложно сделать, потому что из словарного объяснения становится понятно, что по сути *bail bond* представляет собой не что иное, как поручительство за явку обвиняемого в суд.

Это всего лишь несколько примеров, которые далеко не исчерпывают данную тему, но являются, на мой взгляд, весьма показательными в плане иллюстрации точек соприкосновения киноперевода и перевода юридического.

Адаптация: произвол или практическая необходимость

О переводе учебной литературы по письменному переводу

А.Р. Станиславский

От редакции

Одна студентка на занятиях по переводу приговаривала: «Мой любимый переводческий приём – опущение». Любимый – это, пожалуй, чересчур, но что подчас он становится неизбежным, это действительно так. И когда опущения в тексте приобретают такой масштаб, что лучше говорить о сокращении текста, когда они сопровождаются другими – обоснованными – преобразованиями формы оригинала, это уже не просто перевод, а перевод-адаптация.

Степень «самоуправства» переводчика бывает разной. Критерии оценки тут – какие причины побудили его к таким изменениям и как эти изменения соотносятся с главной задачей, которую ставит перед собой переводчик (ведь бывает и так, что у переводчика совсем иная задача, чем у автора оригинала). И если эти преобразования – не следствие неумелости, а осознанная переводческая программа, разбор каждого такого случая помогает лучше осмыслить многогранное понятие «прагматика перевода».

Мы предлагаем читателям статью, уже публиковавшуюся в санкт-петербургском журнале «Мир русского слова» и посвящённую вопросу, который ставится уже в самом заглавии.

А.С. Пушкин однажды назвал переводчиков «почтовыми лошадьми просвещения»¹. Мне кажется, что эти слова нашего великого поэта как нельзя лучше передают суть работы переводчика учебной литературы, и литературы по риторике и письменному изложению в частности. Ведь риторика, устная или письменная, затрагивает самые основы языка и культуры — точнее, двух языков и двух культур, в которых работает переводчик. Тем самым переводное учебное пособие может стать не только мостом между двумя языками и культурами, что делает (или должен делать) любой перевод, но и лабораторией по синтезу новых идей, что представляет как познавательный, так в некоторых случаях и научный интерес.

Чтобы справиться с этой благородной миссией, мало найти иностранный учебный текст, содержащий элементы новизны, или, как любят говорить сегодня, «ноу-хау» — его ещё необходимо сделать приемлемым для русскоязычного читателя, а сделать это оказывается иногда крайне сложно, а иногда, увы, и невозможно. Ибо, повторяюсь, в данном случае переводчик вынужден оперировать на уровне «первозлементов» языка — грамматических, лексических, семантических, синтаксических, культурных. — т.е. там, где «национальная специфика» наиболее устойчива и, как следствие, трудно переводима. Как же быть? Как сделать полезное иностранное риторическое пособие не менее полезным пособием на родном языке, сделать его межкультурным и межкузыковым «мостом», а возможно, и «лабораторией» продуктивно провокационных идей, стимулирующих дальнейшее исследование? Мне кажется, что перспективные решения можно найти в переводческой стратегии, которую иногда называют «адаптацией».

Чтобы продолжить, сначала договоримся о терминах. Согласно Словарию Ожегова (20-е издание), адаптация — это «... Упрощение текста для малоподготовленных читателей»; очень близко к этому определение в специализированном словаре Д.Э. Розенталя и М.А. Тенковой: «... Приспособление

текста для недостаточно подготовленных читателей, (например, «облегчение» текста литературно-художественного произведения для начинающих изучать иностранные языки)»².

В теории перевода, однако, адаптация имеет более высокий статус, хотя мнения о ней в научных кругах неоднозначны. Вот несколько выдержек из трактовки переводческой адаптации, или приспособливания, предложенной Юджином Найдой, которые бы я мог назвать в качестве своих теоретических ориентиров:

Приспособление перевода к языку, на который он делается, к соответствующей культуре является существенным компонентом любого стилистически приемлемого перевода. ...

Такое приспособление перевода к языку и культуре должно привести к тому, что в нём не будет заметно следов иностранного происхождения. ... Приспособление перевода происходит в двух основных областях — в области грамматики и в области лексики. ...

Помимо того, что естественный перевод должен отвечать требованиям языка перевода и соответствующей культуры, он должен соответствовать контексту конкретного сообщения. ...

Третий элемент естественности при переводе... — это степень соответствия сообщения на языке перевода его аудитории³.

Предвижу вопрос: теория — это замечательно, а как обстоит дело с практикой, и в чём специфика перевода учебной литературы по письменному изложению? Что ж, давайте обратимся к практике.

На практике, несколько лет назад, я решил перевести поправившееся мне американское пособие по литературной стилистике⁴. Попытка перевести его «в лоб» — слово за словом — мне не удалась, и я отказался от этой идеи на пару лет. Работу удалось возобновить и

² Розенталь Д.Э., Тенкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2001, с. 15–16.

³ Найда Ю.А. К науке переводить. — Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978, с. 129–130.

⁴ Williams, Joseph M. Style: Ten Lessons in Clarity and Grace. New York, 1999 и Уильямс Дж. М. Стиль: Десять уроков для начинающих авторов. М., 2003. Все примеры далее по тексту взяты из этих изданий.

¹ 1830. Заметки и афоризмы разных годов. — ПСС, т. XII, с. 179. Цит. по Русские писатели о переводе. Л., 1960, с. 157.

Анализ практики

довести до конца только после того, как я выработал для себя состоящую из трёх приёмов стратегию, применив которую, можем получить то, что я предпочитаю называть не «перевод», а «адаптация». Суть этой стратегии проста: (1) адекватно переводить материал, «национальная специфика» которого проявляется незначительно; (2) прибегать к более или менее глубоким трансформациям для передачи значения или смысла фрагментов текста, не поддающихся адекватному переводу; и (3) удалять всё, что не поддаётся приёмам (1) и (2), обеспечивая композиционную целостность фрагмента текста и произведения в целом.

Что же оказалось «в сухом остатке» переведённой таким образом конкретной книги?

Возможно, это покажется преувеличением, но до 80% текста я перевёл, внося изменения, подпадающие под стандартные требования «адекватного перевода».

Чисто «трансформационный» приём пришлось применить, например, для передачи раздела о пассивных и активных конструкциях, поскольку английское пассивное предложение можно передать в русском языке тремя различными предложениями:

The president was rumored to have considered resigning.

О президенте говорили, что он решил уйти в отставку.

О президенте говорилось, что он решил уйти в отставку.

О президенте было сказано, что он решил уйти в отставку.

Естественно, пришлось пойти на «перекройку» целого раздела, в т.ч. на добавление новых примеров и дополнительных объяснений — разумеется, «в духе» автора, так чтобы «стыки» между его и моими словами были как можно менее заметны. Кардинальной переработке подвергся и «Глоссарий», поскольку следовало учесть отечественные лексикографические реалии и традиции.

К сожалению, не обошлось и без потерь. К серьёзным потерям относится урок «Правописание», предлагающий неординарный взгляд на английскую грамматику, который я исключил полностью, кроме одной страницы

текста (не считая эпитафий), переведённой только ради сохранения композиционного единства книги.

Капитулировать меня заставили проблемы переводимости. Каким образом можно адекватно показать читателю, не владеющему английским языком, например, разницу между грамматически правильной фразой *I don't know anything* («Я ничего не знаю») и *I don't know nothing*? Оставлять некоторые места не переведёнными и делать сноски с пояснениями? Изобретать внешне сходные, но грамматически неэквивалентные примеры вроде «Я нечего не знаю» или «Я ничего ни знаю»? А что делать с объяснительным материалом английских грамматических реалий, не имеющих (прямых) соответствий в русском языке, — давать сноски и к объяснениям? Видимо, надо признать, что когда речь идёт о правописании и грамматике, этой «системе первоэлементов» двух языков, перевод с помощью адаптации, как, впрочем, и любой другой вид перевода практически не осуществим. Возможно, это ограничение не столь жёстко для перевода с близкородственных языков, скажем с русского на украинский или наоборот, но это скорее риторический вопрос, чем утверждение.

Между тем, не всё, что кажется непереводаемым, непереводаемо на самом деле. Так, в первом варианте русской версии рассматриваемой книги я отказался переводить приложение о пунктуации. Однако при более внимательном изучении английского текста и более тщательном поиске возможных русских синтаксических эквивалентов этот раздел удалось сохранить с минимальными потерями. Мне, например, сначала казалось невозможным адекватно воспроизвести в переводе раздел, посвящённый тому, что в английском языке называется *loose commentary*, конструкции, которая может передаваться в русском языке, в частности, определительным придаточным. В сложном предложении *loose commentary* от главного предложения отделяется запятой:

We had to reconstruct the larynx, which is the source of voice, with cartilage from the shoulder.

Однако определительные придаточные другого типа (т.н. *restrictive modifiers*) от главного предложения запятой не отделяются:

The tax deduction for child support belongs to the parent with whom the child resides.

В русских «эквивалентах» этих предложений запятые ставятся всегда:

Мы должны восстановить гортань, которая является источником голоса, с помощью плечевого хряща.

Снижение налогов на содержание ребенка касается родителя, с которым живёт ребёнок.

Другими словами, «внешняя» причина, почему эта тема важна в преподавании английского синтаксиса — ставить или не ставить запятую — в преподавании русского языка отсутствует. Очевидно, что при такой формулировке проблемы переводить этот материал незачем. Выясняя же «внутреннюю» причину: «Почему в английском языке в одних случаях запятая ставится, а в других нет?», я сделал два любопытных «открытия». Американский автор говорит, что в английском языке придаточное необходимо для понимания смысла всего предложения в случае с *restrictive modifiers* и не нужно в случае с *loose commentary* (собственно, поэтому оно и является «комментарием» — тем, без чего в принципе можно и обойтись). Наконец, предложение с «комментарием» в виде определительного придаточного можно превратить в предложение с обособленным приложением, а предложение с «ограничивающим» (*restrictive*) определительным придаточным — нельзя.

«Открытие» же заключается в том, что аналогичная синтаксическая реалья, хотя и оформленная иначе графически (с запятыми в обоих случаях), существует и в русском языке! Убедитесь в этом сами на вышеприведенных примерах. И таких больших и маленьких «открытий», работая над переводом пособий по письменному изложению, можно сделать немало. Следовательно, перевод превращается в небольшую «лабораторию» по синтезу новых (или хорошо забытых старых) идей или даже «испытательным полигоном» для обкатки будущих научных концепций, в частности в области сравнительного изучения языков.

В контексте проблемы адаптации, отдельного обсуждения заслуживает выбор терминов

для понятий, отсутствующих в отечественной литературе или слишком «академических» для студентов-нефилологов. Здесь, по моему убеждению, переводчик может позволить себе довольно большую свободу, т.к. он нуждается в термине точном и в то же самое время гибком, поскольку последний должен применяться в различных ситуациях и сочетаниях, а это зачастую невозможно передать прямым эквивалентом, даже если исходный термин не представляет никаких переводческих трудностей.

Другая перспективная тема с точки зрения адаптации — это перевод популярных в последнее время на Западе учебных изданий по письменному изложению универсального типа, объединяющих под одной обложкой пособие по риторике, хрестоматию рекомендуемой литературы и пособие по написанию исследовательских отчетов (рефератов). Здесь можно говорить о «глобальной адаптации» — отборе переводчиком (или редактором перевода) разделов, интересных для русского читателя, при условии сохранения композиционной целостности книги, и о «локальной адаптации», некоторые моменты которой я попробовал наметить в этих коротких заметках.

Отвечая на свой вопрос, вынесенный в заголовок, что такое адаптация — призвод переводчика, «упрощающего», «приспосабливающего» на свой аршин оригинальный текст, или практическая необходимость для успешной коммуникации между автором и читателем, — я полагаю, что ближе к истине второй ответ. Переводчик по роду своей деятельности и, если хотите, по своему призванию — первопроходец, изыскатель, исследователь. Он имеет счастливую возможность делать открытия в недрах чужой культуры. Если он, руководимый жадой знания и желанием поделиться своими находками с соотечественниками, уважая автора избранного им для перевода произведения и, само собой разумеется, уважая своего читателя, ясно видит свою роль в качестве взвешенно и творчески мыслящего участника этого интеллектуального и духовного обмена, надежной порукой ему будут интуиция и здравый смысл — эти две неотъемлемые составляющие ответственной адаптации.

Справочная база технического переводчика

Б. Н. Климоз

Работа современного переводчика-фрилансера, как, впрочем, и штатного переводчика, невозможна без компьютера, Интернета, словарей на различных носителях и справочных материалов — энциклопедий, монографий, стандартов, технических справочников, учебников, пособий. Ещё одним эффективным переводческим инструментом служит создаваемая самим переводчиком электронная справочная база. В предлагаемой заметке я хочу поделиться своим и моих коллег опытом создания собственной справочной базы, простой по составлению и удобной в пользовании.

Каждый профессиональный переводчик обязательно создаёт такую базу в той или иной привычной для него форме. Однако привычная форма далеко не всегда оказывается удобной для пользования. Одни переводчики заводят отдельную папку для каждого заказчика, и порой такая папка за несколько лет разбухает до невероятных размеров. Другие раскладывают свои переводы по папкам, каждая из которых посвящена одной широкой теме (например, «Автомобили», «Промышленная безопасность», «Экология»). Третьи «сливают» в отдельные папки только обнаруженные ими в Интернете справочные материалы в виде файлов разных форматов. А некоторые «компьютерно продвинутые» переводчики предпочитают всю встречаемую терминологию заносить в один огромный электронный словарь (так называемый «user's dictionary») с помощью какой-нибудь

специальной программы (Context, Lingvo, Polyglossum и т.п.).

Несмотря на свою актуальность и уникальность, материал справочной базы переводчика не может стать общим достоянием. Он «не тянет» на публикацию, так как не доведён до необходимой, с издательской точки зрения, кондиции. В условиях дефицита времени переводчик, отвлекаясь от процесса перевода для пополнения своей справочной базы, просто не может себе позволить заниматься ещё и особой её обработкой. Однако хотя справочный материал переводчика носит чисто рабочий характер и не предназначен для опубликования, он нередко доступен не только составителю, но и некоторому кругу его коллег. Здесь мы не будем касаться корпоративных справочных баз, защищённых паролем и доступных только переводчикам конкретной корпорации.

Обычно в группе переводчиков-фрилансеров, сложившейся в процессе работы над общими проектами, существует некоторое разделение по специальностям. Один по своему образованию или опыту работы сильнее в электротехнике, другой — в механике, третий — в гражданском строительстве и т.д. Поэтому каждый член такой группы знает, к кому обратиться за консультацией в случае, когда он встречается с вопросами, выходящими за пределы его компетенции. К сожалению, в такой ситуации нередко бывает, что вопрошаемый коллега затрудняется быстро дать точный и полный ответ, хотя уверен, что

соответствующий материал у него имеется. Начинаются сетования, вроде «Что-то такое у меня было, не помню только, где» или «Мне это точно попадалось — надо будет поискать». Рациональная организация собственной справочной базы освобождает память переводчиков от подобных терзаний.

Кстати, справочная база выполняет ещё одну полезную функцию — обеспечивает переводчику своеобразную разминку, или разогрев. Получив заказ на перевод по тематике, отражённой в его справочной базе, переводчик обращается к соответствующей папке, просматривает кажушиеся ему интересными файлы, восстанавливает в памяти терминологию и приступает к переводу, будучи полностью вооружённым и «погружённым в тему».

Однако простого создания справочной базы в виде папок недостаточно — у переводчика остаётся проблема быстрого и надёжного поиска имеющейся в папках информации, в частности терминов и терминологических выражений, при этом желательно с контекстом. Но прежде чем рассмотреть возможные механизмы поиска, остановимся на особенностях составления удобной, как мне кажется, справочной базы.

Такая справочная база состоит из собственно папок и ведомости папок. Ведомость (отдельный файл) составляется в виде двух столбцов и расширяется по мере появления новых папок. В правом столбце указываются папки, а в левом — основные темы (топики), составляющие содержание папок. Некоторые топики представлены в нескольких папках.

Папка содержит разнообразные по форме и формату файлы. Основным файлом является словарь терминов, составленный переводчиком в WORDe (и иногда многократно пополняемый) в ходе выполнения какого-либо конкретного перевода. Огромное достоинство таких словарей в том, что они содержат тщательно подобранные переводчиком эквиваленты на родном языке, причём в ряде случаев в обоснование выбранного эквивалента переводчик приводит контекст, скопированный из источника на языке оригинала. Как правило, объём словаря составляет 3–4 ком-

пьютерные страницы, но со временем некоторые словари становятся многостраничными. На этапе составления словаря, кстати, помогает переводчику выдерживать постоянство терминологии по всему тексту перевода. Кроме словаря, папка содержит один или несколько переводов и, конечно, соответствующие оригиналы. Помимо указанного, в папку помещаются *reference materials*, присланные заказчиком (хотя такое бывает не всегда); представляющие интерес фирменные словари (к которым, конечно, нужно относиться критически); перечни аббревиатур; при необходимости, краткая инструкция по переводу и оформлению, и т.п. Наконец, в папку копируются найденные в Интернете материалы, относящиеся к основной теме папки и к отдельным, охваченным папкой темам. Эти материалы очень ценны и уникальны, так как ещё не успели найти отражения в опубликованных справочниках и словарях.

Посмотрим теперь на примере, как создаётся справочная база данных. Пусть переводчик работает над документом, называемым «Информация о продукции». Под продукцией имеются в виду изделия некой автомобильной компании. Параллельно с переводом переводчик составляет словарь, в который помещает как чисто автомобильные термины вроде *glass to body relationship* = степень остекления кузова, так и термины общетехнические, не отражённые опубликованными словарями, например, *complete overhaul* = полная модификация. Русские эквиваленты этих терминов переводчик находит, опираясь на Интернет и контекст. На этом этапе, как уже говорилось выше, переводчик работает на словарь, который затем не раз его выручает.

Обращаясь в Интернет в поисках новых терминов, переводчик копирует такие полезные для автомобильной тематики материалы, как Описание типов кузовов легковых автомобилей (кабрио, купе, кроссовер, лимузин, минивэн, пикап, родстер, селан, универсал, фастбэк, хэтчбэк, джип), Таблица цветов кузовов, Описание европейской классификации легковых автомобилей, Типы автомобильных фар (параболические, рефлектор-

Проблемы технического перевода

ные, прожекторные), Описание газоразрядных ламп, и т.д. Все эти копируемые материалы представляют собой отдельные файлы с соответствующими именами (назовём их топиками-файлами).

Закончив перевод, переводчик регистрирует собранную информацию в «Ведомости папок». Для каждого топика-файла полезно указывать характер источника данных — Интернет, ГОСТ, журнальная статья и т.д. При указании топиков, не являющихся файлами, не следует, конечно, увлекаться очень подробной детализацией. Например, топик «Шасси» можно было бы представить в виде целого ряда самостоятельных топиков

(передняя подвеска; задняя подвеска; система активной подвески; рулевое управление; рабочий тормоз; стояночный тормоз; программные модули для амортизаторов; система курсовой устойчивости; функция обеспечения спортивного режима движения; колеса; шины; система мониторинга давления в шине; система, обеспечивающая движение со спущенной шиной). Однако такая детализация, во-первых, отнимает много времени, а, во-вторых, она просто излишняя, так как переводчик, будучи составителем своей справочной базы, отлично понимает, что все перечисленные подробности он найдёт в файлах данной папки.

Вот как, например, выглядит ведомость с двумя папками.

Топики	Папки
Оригинал документа, присланного на перевод, имя файла 6028-PD-Porsche-en	Легковые автомобили
Перевод для (имя компании-заказчика), имя файла 6028-PD-Porsche-ru-BNK	
АР словарь по автомобилям (файл)	
Кузова легковых автомобилей (файл, Интернет)	
Цвета кузовов (файл, Интернет)	
Классы легковых автомобилей (файл, Интернет)	
Фары (файл, Интернет)	
Газоразрядные лампы (файл, Интернет)	
Дизайн салона	
Дизельный двигатель. См. также папку «Трубоукладчики»	
Бортовая система диагностики	
Коробка передач	
Шасси	
Кузов	
Электротехническое оборудование и приборы	
Средства безопасности	Трубоукладчики
Средства охраны	
Аудиосистемы и связь	
Оригинал документа, присланного на перевод, имя файла 3130-572G-pipelayer-en	
Перевод для (имя компании-заказчика), имя файла 3130-572G-pipelayer-ru-BNK	
АР словарь компании Fluor (файл, заказчик)	
АР словарь по трубоукладчикам (файл Dictionaries/Crane-Pipelayer)	
Определения терминов автокрана (файл Dictionaries/CraneDefinitions)	
Краны грузоподъемные (ГОСТ 27555-87)	
Степени вязкости SAE (файл, Интернет)	
Стандарты для общего щелочного числа (TBN) (файл, Интернет)	Имя папки: D:/Pipe layers
Supplement Coolant Additives (SCAs) (файл, Интернет)	

Топики	Папки
Grounding Engaging Tools = G.E.T. (файл, Интернет)	Трубоукладчики
Cutting edge bolts (файл, Интернет)	
Система сжатого воздуха	
Гидравлическая система	
Аккумуляторные батареи	
Дизельный двигатель См. также папку «Легковые автомобили»	
Системы запуска двигателя	
Органы управления машиной	
Органы управления навесным оборудованием	
Парковка машины	
Измерительные приборы	Имя папки: D:/Pipe layers
Средства обеспечения безопасности	
Регулировка машины	
Транспортировка трубоукладчика	
Система охлаждения	
Топливо	
Смазочные масла	

Некоторые составляющие справочную базу папки с течением времени пополняются, если переводчик чувствует в этом необходимость. Очень полезно завести также папки, посвященные отдельным жанрам и документам научно-технической литературы, например: Патент, Технические условия, План инспекций и испытаний, Акт о проведении испытаний, Спецификация материалов, Руководство по монтажу, Сертификат соответствия, Контракт, Стандарт, Соглашение о разделе продукции, Гарантия на изделие, Предложение по финансированию, Предложение по поставке, Банковская гарантия, Доверенность, Резюме и т.д. В каждую из таких папок складываются один или несколько оригиналов с переводами – этими материалами впоследствии удобно пользоваться при переводах как на русский, так и на английский. Иногда по соглашению между заказчиком и подрядчиком документы выполняются двухколонными (в левой колонке английский текст, в правой – русский). Такие документы очень удобны при пользовании, в том числе и в качестве справочных.

Итак, мы познакомились с организацией справочной базы. Можно сказать, что эта задача решается довольно просто. Гораздо сложнее осуществить поиск термина или словосочетания в имеющейся базе. Любой поль-

зователь Windows знает, что на рабочем столе монитора имеется функция «Найти». Последовательно нажимая экранные кнопки Пуск/Найти/Файлы и папки, пользователь открывает рабочее окно «Результаты поиска», в котором может задать поиск интересующего его термина. Однако эта функция работает очень медленно.

В пакет Microsoft Office входит программа Microsoft Access, используемая для создания баз данных. Однако она требует довольно большой подготовительной работы: планирования файлов обязательно в табличной форме, разработки формы записи в таблицах, определения общего поля связанных между собой таблиц с целью последующего управления данными и т.д. Эта программа полезна, в частности, для составителей объемистых отраслевых словарей – переводчик же имеет дело с небольшими личными словарями и главное – в его справочной базе находятся не только словари.

Для переводчика более удобен полуавтоматический поиск, алгоритм которого очевиден. При необходимости найти в своей базе английский или русский термин, переводчик открывает описанную выше ведомость папок, определяет файл, в котором с наибольшей вероятностью находится разыскиваемый термин, открывает этот файл и с помощью

Проблемы технического перевода

команды Правка/Найти быстро находит искомый термин в окружении контекста (контекстов). Недостаток этого способа — относительно большая длительность поиска (несколько минут) и некоторая вероятность открытия не самого удачного файла.

Этого недостатка лишён автоматический поиск, который осуществляется с помощью специальной программы. В настоящее время имеется довольно много таких программ, и переводчик может выбрать любую из них по своему вкусу. Как правило, эти программы для индивидуальных пользователей можно скачать из Интернета бесплатно.

Наиболее удобной мне представляется программа Google Desktop. Её преимущества по сравнению со многими другими программами поиска состоят в следующем:

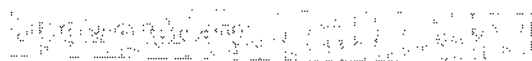
- выполняется поиск как английских, так и русских слов;
- не требуется указание формата файлов, в которых нужно проводить поиск;
- время поиска очень мало, так как программа основана на индексировании слов;
- в результате поиска переводчик получает перечень файлов, в которых содержится искомый термин (словосочетание);
- перечень файлов имеет вид обычной для индексированных поисковых систем страницы, т.е. для каждого файла, помимо его имени, приводится 2–3 строчки контекста с выделенным искомым термином, а внизу указывается путь к папке, в которой находится файл.

Программу Google Desktop можно за несколько секунд скачать из Интернета

(Google/more>>/Google Tools/Desktop/Принять и загрузить).

Сразу после установки Google Desktop на экране в строке состояния появляется значок быстрого включения программы, а программа сама начинает необходимый для её работы процесс индексирования информации, уже хранящейся в компьютере. Этот процесс может занять несколько часов, поэтому его лучше осуществлять в нерабочее время, так как индексирование несовместимо с работой других приложений.

Описанная справочная база может показаться начинающему переводчику сложной и трудоёмкой. На самом деле, сложность исчезает, когда составление справочной базы становится привычкой. Особого труда тоже не требуется, так как составляется база постепенно, а вот окупается затраченный труд многократно.

Из «Заметок переводчика»

Н.А. Заболоцкий

Перевод — экзамен твоей литературной речи. Он показывает, каким количеством слов ты пользуешься и как часто обращаешься к Ушакову или Далю.

О ситуационном переводе, ситуационном произволе и корпоративной этике

В.А. Иовенко

В третьем номере «Мостов» за 2005 год была опубликована статья Я.В. Фоменко «Ситуационный перевод», в которой автор рассматривает весьма важные для переводчиков вопросы, связанные с ситуационной обусловленностью их деятельности. При том что эта публикация представляется своевременной и интересной, она содержит целый ряд положений, с которыми трудно согласиться.

Свой взгляд на некоторые идеи Я.В. Фоменко я изложил в статье, которую подготовил для очередного выпуска «Мостов». Однако в четвёртом номере журнала за 2005 год вышла статья профессора МГЛУ В.И. Ермолович «Ситуационный перевод или ситуационный произвол?», читая которую, я с удовлетворением отмечал совпадение подходов автора с моим пониманием идей, высказанных Я.В. Фоменко. В этой связи мне остаётся лишь обратить внимание на те положения работы Я.В. Фоменко, которые остались за критическим кадром статьи В.И. Ермолович.

Прежде всего, вряд ли уместно говорить о ситуационном переводе как об особой разновидности переводческой деятельности. Ситуативность есть важнейшее условие осуществления любого вида и типа перевода, поскольку всякий акт перевода развёртывается в конкретной ситуации межъязыкового общения. Иными словами, перевод «ситуативен» по умолчанию. Столь же странным видится в статье Я.В. Фоменко противопоставление ситуационного перевода устному переводу.

Известно, что в своей деятельности переводчик выступает как интерпретатор текста

на исходном языке (ИЯ) и как автор (соавтор) нового текста на переводящем языке (ПЯ), чем и объясняется сочетание в переводческой деятельности репродуктивных и творческих моментов. Собственно говоря, во взаимодействии этих начал и заключается искусство перевода, вероятно, одного из самых таинственных и утончённых, поскольку оно требует от переводчика-мастера непрерывного расщепления на несколько субъектов.

Мы полагаем, что переводчик не имеет права не только осуществлять «большие» переводческие трансформации текста на ИЯ, но и уходить от детального перевода (кстати, что означает «детальный перевод?») анекдота или шутки, исходя из своего (sic!) понимания культуры реципиентов.

Как может позволить себе профессиональный переводчик снизить уровень определённости в переводе? Искажения, тем более значительные, в передаче смысла исходного текста (ИТ) не могут быть оправданы ничем, разве что непрофессионализмом самого переводчика. А тот факт, что переводчик сразу же ставит в известность заказчика о значительных искажениях смысла, осуществлённых по каким-то причинам (например, при недостатке времени), свидетельствует о том, что такой переводчик умышленно и преднамеренно пошёл на искажение смысла ИТ. И это вовсе не смелость, «раскрепощённость» и инициатива переводчика, а самый настоящий переводческий произвол.

Я.В. Фоменко говорит о существовании особого «режима ситуационного перевода»,

Заказчик – переводчик

когда, по его словам, имеет место «безжалостное редактирование» переводчиком, и «исходная речь приобретает краткую завершённую форму». Каким образом, однако, исходная речь может приобрести эту самую краткую и завершённую форму в результате каких-то действий переводчика, если с ИТ ничего не может произойти в принципе? По всей видимости, автор статьи имел в виду то, что новый текст, созданный переводчиком и по совместительству безжалостным редактором, будет значительно короче ИТ и по форме, и по содержанию.

Безусловно, переводческой деятельности не может не сопутствовать элемент субъективного уже хотя бы на том основании, что переводчик, реализуя своё соавторское начало, создаёт на основе коммуникативного задания автора ИТ новый текст, то есть ПТ. В то же время аксиомой переводческой деятельности является запрет на модификации в ПТ, мотивированные субъективным выбором переводчика, если нарушается истинность сообщаемой в оригинале информации. Речь идёт о смысловых искажениях, неточностях, произвольной интерпретации коммуникативного задания автора ИТ, введении новой или дополнительной информации, опущении части исходной информации. Переводчику не дано также посягать на эстетическую ценность ИТ и оценочность взглядов его автора.

Впрочем, справедливости ради отметим, что зачастую к «ситуационному» переводу приводит непрофессионализм докладчика, который не в состоянии выстроить такое выступление, при котором он сам не ощущал бы возникающий между ним и аудиторией языковой барьер и не воспринимал бы его как неизбежное зло. Перегруженным в таких случаях оказывается не перевод, а текст, подлежащий переводу. Поэтому в том, что докладчику вместе с аудиторией приходится слушать подробный перевод, когда у него теряется нить выступления и возникает чувство досады, виноват сам докладчик.

То, о чём пишет Я.В. Фоменко, следовало бы назвать неоправданным субъективизмом в переводе. На каком основании переводчик

берёт на себя ответственность перевести не то, что сказал заказчик, а то, что заказчик намеревался сказать? Как можно переводить, заведомо теряя качество при выигрыше темпа в ущерб деталям высказывания (и, кстати, что означают «детали высказывания»)?

Возвращаясь к статье В.И. Ермолович, не могу обойти молчанием следующее. В.И. Ермолович, подводя итог своим справедливым и убедительным замечаниям относительно многих положений статьи Я.В. Фоменко, делает неожиданный и ничем не обоснованный вывод: *«Я.В. Фоменко рассказывает не об устном переводе, а о весьма специфической его разновидности — устном военном (выделено автором) переводе, осуществляемом штатным сотрудником военной организации».*

В этой связи возникает законный вопрос: в чём провинился военный перевод как один из видов устного перевода перед другими его разновидностями, такими как, например, технический, юридический, экономический перевод? Чем заслужили столь неприязненное и даже оскорбительное к себе отношение военные переводчики, в своём подавляющем большинстве выпускники Военного института иностранных языков, среди которых такие выдающиеся теоретики и практики перевода, как В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.Л. Нелюбин, М.Я. Цвиллинг, А.Д. Швейцер, начинавшие как военные переводчики, и которых трудно заподозрить в пристрастии к «ситуационному» переводу? Многие из названных мною учёных, равно как и другие выпускники ВИИЯ, преподававшие затем в этом и во многих других лингвистических вузах нашей страны, в том числе и в МГПИИЯ им. Мориса Тореза, стояли у истоков известной научной и методической школы перевода московского иньяза и впоследствии принесли ему заслуженную славу.

У меня на памяти примеры подобного «ситуационного» перевода некоторых выпускников переводческого факультета иньяза, но ведь это отнюдь не повод для обобщений и утверждений о существовании, якобы, другой весьма специфической разновидности устного перевода — устного *иньязовского* перевода,

осуществляемого штатным сотрудником гражданской организации.

Наконец, оставляю без комментария и на совести В.И.Ермолович два последних высказывания в следующем пассаже её статьи: «Если же речь идёт о ситуациях, дающих переводчику, по его мнению, право на переделку текста в силу неких внешних целей и установок, то

тогда обсуждается не собственно перевод, а иные формы языкового посредничества. Либо то, что в советские времена именовалось **партийным, или идеологическим переводом** (выделено В.И.Ермолович). Возможно, что в практике военных переводчиков традиция такого подхода оказалась более живучей».

Параллельные миры

Н.Г. Шахова

Каждый пишет, что он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела,
Почему, не наше дело,
Для чего, не нам судить.

Б. Окуджава

Разговоры переводчиков о своей работе постоянно заставляют меня вспоминать анекдот про слона, которого описывали слепцы, изучавшие его наощупь с разных сторон. Мир переводов удивительно многообразен, но ещё удивительнее то, что даже профессионалы с многолетним стажем этот факт игнорируют. Каждый думает, что все переводчики делают именно то, что делает он.

Покажите мне письменного переводчика, который не умеет переводить устно!

Этот темпераментный возглас очень развеселил меня на одном из «Часпитий Лингво», которые теперь регулярно проводит компания ABBYY (<http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=28>). Я-то могу показать несколько десятков таких людей, потому что и сама не берусь за устные переводы и начинаю, как правило, с чисто письменными

переводчиками. Но здесь, по крайней мере, человек прямо утверждает, что сталкивается в первую очередь с устниками. А вот Павел Русланович Палажченко любит повторять, что растёт спрос на качественный перевод, в то время как для повседневного общения заказчики всё чаще обходятся своими силами, и даже не упоминают о том, что речь идёт лишь об устном переводе, а письменный вообще игнорируется.

Павел Русланович рассуждает, вероятно, так: современные бизнесмены, в основном, хорошо говорят по-английски, поэтому на бытовом уровне способны общаться с иностранцами самостоятельно. А вот на важные деловые переговоры, когда первостепенное значение приобретают нюансы, приглашают переводчиков. Возможно, что здесь он и прав. Хотя мне кажется, что и это верно лишь для сотрудников крупных московских компаний. Поскольку рядовой производитель самоваров из Тулы вряд ли сам найдёт дорогу в Лондоне, а продавец тайваньских материнских плат не сможет объясниться с посетителями промышленной выставки в Москве, весьма велик спрос на все виды устного перевода (а не только на перевод важных переговоров).

Заказчик — переводчик

Но уж для письменных переводов тезис Павла Руслановича явно несправедлив: ведение бизнеса в чужой стране связано, как правило, с массой письменных переводов, и совсем не все из них требуют высокого качества. Во многих случаях гораздо важнее скорость: пусть перевод звучит коряво, главное — информация поступила вовремя. Тем не менее, даже владеющие иностранным языком бизнесмены не справляются с такими переводами самостоятельно — слишком велик объём. Ведь у них и помимо переводов есть чем заняться. (Может быть, коллег покоробит такое сравнение, но точно так же многие бизнесмены пользуются услугами шоферов, хотя и сами умеют водить — налицо разделение труда.)

Интересно отметить, что те, кто привык к работе в издательстве, когда перевод проходит через руки трёх, а то и четырёх человек, иной раз непригодны для перевода деловой переписки — они не готовы тщательно контролировать результат и брать на себя функции редактора и корректора в условиях быстрого обмена сообщениями.

Так что, если посмотреть на переводческую сферу с высоты птичьего полета, то видно, что растёт потребность во всех видах переводов: устных и письменных, отличных и посредственных.

Каждый пишет, как он дышит

Другое дело, что переводчик не должен ориентироваться на некачественную работу. Каждый переводит в меру своих способностей, а рынок расставляет всех по своим местам. Один переводчик пользуется высоким спросом — заказчики знают, что могут положиться на него в любой, даже самой сложной ситуации. Это позволяет ему установить такую цену на свои услуги, что те, кому нужен перевод «приемлемого» (как некоторые стыдливо формулируют) качества, просто к нему не обратятся. У другого — как бы он ни старался — перевод выходит на троечку; ему будет сложно поднять расценки. Именно такие переводчики часто соглашаются перевести к завтрашнему дню сто страниц за двести долларов. И если заказчик не понимает, что в та-

кие сроки и за такие деньги нельзя получить хорошее качество, значит, качество его не очень волнует. В результате возникает цепная реакция: берясь за неподъемную задачу, посредственный переводчик приучает заказчика к посредственному качеству, которое затем становится для заказчика эталоном. Слышала, как заказчик потребовал от переводчика убрать из перевода на английский все артикли, потому что перед этим получил текст от очень, по его словам, опытного профессионала совершенно без артиклей!

Вестибюль, мой вестибюль

Так что качество каждый понимает по-своему. Для одних заказчиков важнее всего полное соответствие между переводом и оригиналом, желательно пословное. Однажды, переведя трехстраничную инструкцию к шприцу, я получила такую рекламу: почему в оригинале название фирмы-производителя упомянуто 22 раза, а в переводе только 20? (Текст был выдержан в стиле: «Вы купили шприц фирмы Труляля. Прежде чем пользоваться шприцем Труляля, прочтите инструкцию фирмы Труляля по пользованию шприцем Труляля».) Самое странное оружие такого заказчика — обратный перевод, при котором, как известно «ой вы, сени, мои сени» превращаются в «вестибюль, мой вестибюль». Этим оружием охотно пользуются многие западные клиенты. Одному переводчику они заказывают перевод с английского на русский, другому — с русского на английский. И начинают придирчиво сравнивать результат с оригиналом. Почему, возмущаются они, в оригинале было *safe*, а после двойного перевода стало *secure*? Как можно было *obliged* превратить в *liable*?

Основная опасность такого подхода в том, что переводчик непроизвольно начинает хуже переводить. Он, например, боится опускать лишние с точки зрения русского языка слова, потому что предвидит, что их отсутствие в обратном переводе насторожит заказчика (ведь если *take medications orally* перевести как «пить лекарства», то при обратном переводе слово *orally*, скорее всего, ниоткуда не появится).

Бои́тся менять порядок слов, объединять и разъединять предложения. То есть, угроза обратного перевода связывает ему руки.

Стойкий вцепешный солдатик

Иные особый упор делают на истреблении в русских переводах латиницы. Знакомый переводчик объявляет со сдержанным достоинством: «Инструкции ВЦП никто не отменял: все иностранные слова надо либо переводить, либо транслитерировать». Так и вспоминаются японские солдаты, которые через двадцать лет после окончания Второй мировой войны продолжали выполнять приказы давно капитулировавшего командования. А ведь легко представить себе такие ситуации, когда без латиницы не обойтись. Попробуйте, например, послать письмо на Пайн-стрит, и посмотрим, что сделают с ним британские почтальоны. С адресами, положим, всё ясно, но бывают более замысловатые ситуации, когда трудно догадаться, что именно нужно оставить без перевода.

Вам посла́йсите или одним писом?

В заголовок этого раздела вынесена фраза из анекдота про русских в Америке, которые примерно так говорят о нарезке колбасы. Общеизвестно, что у живущих в чужой языковой среде родной язык в той или иной степени мутирует под влиянием окружающего мира. Это очень важно понимать при переводе материалов, рассчитанных на эмигрантов. Разумеется, я не призываю «слайситься», просто важно понимать, что в каждой стране свои реалии и что замена одних реалий другими, которая смотрится вполне уместно в художественном переводе, в техническом — может привести к недоразумениям. Если, например, в романе *two bedroom apartment* можно перевести как «трехкомнатная квартира», то в объявлении для бруклинской газеты лучше писать о двух спальнях. А в инструкции по противопожарной безопасности названия кнопок, на которые надо нажимать, лучше вообще оставить по-английски — иначе бедный русский эмигрант так и задохнется в поисках кнопки «Вызов пожарной команды».

Вселенский английский

Весь предыдущий текст иллюстрирует ещё одно типичное заблуждение: часто подразумевается, что все переводы делаются в паре английский-русский. Если в Рунете появилось объявление «Требуется сотрудник в офис» (без указания города), то почти наверняка этот офис находится в Москве (недавно по радио обсуждали тему передачи столичных функций другим российским городам, и одна из радиослушательниц выразилась так: «Я против переноса Москвы в другой город» — то есть для неё «столица» и «Москва» это синонимы). Точно так же, если объявление гласит «Нужен переводчик», то, скорее всего, нужен переводчик английского языка. А вот по вопросу направления (с английского или на английский) мнения опять-таки делятся в зависимости от личного опыта. Всё на том же, уже упоминавшемся чаепитии, прозвучало: «В Москве 90% переводов выполняются с русского на английский». Хотя легко понять, что это утверждение столь же абсурдно, как и мнение одного руководителя агентства переводов, процитированное в журнале «Деньги»: «В Москве 40% заказов на перевод приходится на синхронный перевод». В обоих случаях речь идет о неоправданном обобщении личного опыта.

Ну и самые бурные страсти кипят между физиками и лириками. Лингвисты полностью игнорируют переводчиков с неязыковым образованием и сосредоточились на внутрицеховых разборках: имеет ли право переводить человек, у которого в дипломе написано не «переводчик», а «преподаватель иностранного языка»? Технари, со своей стороны, брезгливо отодвигаются от «переводов», отказывая им в праве переводить статьи о двигателях внутреннего сгорания и нефтеперегонке.

А ведь, казалось бы, кому как не специалистам по межкультурным коммуникациям пристала терпимость и понимание того, насколько разными бывают люди и их жизнь? Хорошо, что есть «Мосты», объединяющие наши параллельные миры!

О пользе обратной связи с заказчиком перевода

И.Ю. Ионова

При переводе научно-технической литературы иногда возникают трудности, когда в пределах одного документа неоднократно встречается одно и то же слово в разных сочетаниях и приходится прикладывать определённые усилия для того, чтобы правильно определить значения этих разных словосочетаний. Например, переводчику технических условий встретились такие заголовки и подзаголовки разделов, как *Welding Operator Performance Qualifications (WPQ)/Quality Control Personnel Qualifications/Welding Procedure Qualifications/Welding Operator Qualification/Procedure Qualification Record (PQR)/Qualification testing* и *Qualification test coupon (QTC)*. Кроме того, глагол *to qualify* проходил сквозь весь документ.

Если в первых трёх примерах перевод не был сложным, и названия *Аттестация персонала, выполняющего сварочные работы/Аттестация персонала, проводящего контроль качества/Аттестация режима сварки* были вполне приемлемыми, то в случае с *Welding Operator Qualification* возникли некоторые сомнения. Это словосочетание являлось подзаголовком раздела *Welding Operator Performance Qualifications (WPQ)* и заголовком другого документа, поэтому необходимо было предложить такой вариант перевода, который отличался бы от общего заголовка. Пришлось обратиться за консультацией к специалисту, и после редактирования текста заказчиком этот подзаголовок был переведен как *Квалификационный лист сварщика/оператора сварки*. И действительно, оказалось, что при проведении такого вида работ существует документ определённой формы, утверждённый руководством предприятия, и это обстоятельство

переводчик должен иметь в виду. Благодаря такой обратной связи обеспечивается адекватный перевод далеко неочевидного заголовка.

Здесь уместно упомянуть и об отредактированном переводе названия другого документа — *Welding Procedure Specification (WPS)*. Казалось бы, чем не подходит перевод Технические условия на режим сварки? Но на предприятии существует утверждённая форма, привычная для персонала, которая имеет название Технологический формуляр основных параметров сварки. Та же участь постигла и перевод *Procedure Qualification Record (PQR)*, который в отредактированном виде выглядел как *Свидетельство на режим сварки*. Перевод *Qualification testing* можно найти в словаре — это *Квалификационные испытания*, а *Qualification test coupon* — это *Образец для квалификационных испытаний*.

Как видим, одно и то же слово *Qualification* в разных сочетаниях приобретает значения, которые переводчику трудно было выявить, несмотря на то, что перевод самого слова не вызывает никаких трудностей.

Глагол *to qualify* оказался не менее интересным с точки зрения перевода. The American Heritage Dictionary так раскрывает значения этого глагола: 1. *To describe by enumerating the characteristics or qualities of; characterize.* 2. *To make competent or suitable for an office, position, or task.* 3. *To give legal power to; to make legally capable.* 4. *To modify, limit, or restrict, as by giving exceptions.* В отличие от политехнических словарей, Большой англо-русский словарь (БАРС) даёт гораздо более полное представление о значениях этого глагола. Хорошие примеры его употребления

можно найти в двухтомном «Русско-английском словаре общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы» Б.Н. Климзо. А вот примеры из текста уже цитированных технических условий:

1. The results of the additional tests must surpass the minimum requirements if the source of material is to be qualified.

Если необходимо аттестовать поставщика материалов, то полученные при дополнительных испытаниях значения механических свойств материала должны превышать минимальные требуемые значения.

2. The preparation of the weld bevel with respect to removing any detrimental contaminants shall be carried out in accordance with manufacturer's qualified welding procedures and/or specific instructions.

Подготовка разделки в отношении удаления любых загрязняющих веществ осуществляется в соответствии с технологией сварки, аттестованной изготовителем, и/или со специальными инструкциями.

Многозначность глагола *to qualify* можно проиллюстрировать и следующими примерами из уже упоминавшегося словаря Б.Н. Климзо:

1. Получать право на — *To qualify for the firm capacity payments, a producer of electricity must operate with a capacity of at least 80 percent.*

2. Претендовать на (по результатам аттестации) — *With only two hours of thermal storage, the plant could not qualify for firm capacity payments (не смогла бы претендовать на плату за обеспеченную мощность).*

3. Пригоден для использования ...согласно техническим условиям — *This oil is qualified for use in gas turbine engine lubrication systems under MIL-L-23699 specifications.*

Впрочем, и в слове зачётный в предложении: «Для сварки зачётных сварных соединений использовать трубные заготовки размером...» просматривается тот же глагол, поэтому здесь возможен перевод *зачётные* сварные соединения = *qualified weldments*.

Это трудно объяснить, но иногда широко распространённые слова и словосочетания почему-то не находят должного отражения в словарях или словари предлагают неприемлемые для нужного контекста варианты. Конечно, их неприемлемость относительна, т.к. в каких-то контекстах они проходят. Например, для очень распространённого словосочетания *осваивать технологию* в некоторых словарях предлагается глагол *to master*, но во

многих случаях он оказывается неуместным. Одним из вариантов перевода может служить глагол *to assimilate*, который встречается, например, в таком контексте:

The test weldment shall be prepared by the welding of two extruded sections representing production pipe material in order to assimilate a production scenario and provide sufficient volume of material to develop similar thermal gradients developed during production welding and heat treatment of the weldment(s).

Контрольное сварное соединение выполняется из двух секций прессованных труб из материала, который используется в серийном производстве труб для того, чтобы освоить промышленную технологию и обеспечить достаточный объем металла для воспроизведения тех же перепадов температур, которые наблюдаются при сварке и термообработке сварных соединений в серийном производстве.

Этот же глагол используется и для передачи таких часто встречающихся сочетаний, как *освоенные средства/assimilated funds* и *освоенная продукция/assimilated products* (В.Я. Факов, Русско-английский финансовый словарь).

Переводчики иногда оказываются в крайне неблагоприятной ситуации, когда приходится переводить неотредактированные тексты, получаемые, что называется, «с колёс», в которых встречаются примеры профессионального жаргона. И тогда, если у переводчика нет обратной связи с заказчиком, перевод превращается в настоящую проблему. Например, как перевести такую фразу: «При испытаниях использовались образцы Гагарина и лопаточные образцы»? Или ещё более изощрённый вариант жаргона — «гагаринец». Как это понимать? Какого Гагарина? Что значит лопаточный? Как выяснилось позднее, имелась в виду форма сечения образца. В первом случае — образец круглой формы, которую предложил использовать на заводе специалист — однофамилец первого космонавта, а во втором случае — квадратный образец. Поскольку ситуация была исключительно благоприятной для переводчика, и он мог все эти подробности выяснить у заказчика, то и перевод не составил никакого труда. Этот пример лишний раз подтверждает тот факт, что подчас адекватный перевод невозможен без экстралингвистических знаний.

Наш словарь и наши проблемы

Э.М. Пройдаков, Л.А. Теплицкий

Предыстория

Для тех, кто с нами не знаком, позвольте представиться: авторы «Англо-русского словаря по вычислительной технике, Интернету и программированию». Словарь начал создаваться в ноябре 1991 г. для переводчиков сначала газеты ComputerWorld-Москва и журнала «Мир ПК», а затем еженедельника PC Week/RE и журнала PC Magazine/RE. В то время образовался весьма чувствительный вакуум с появлением новых словарей в указанной области. Аркадий Борковский, автор популярнейшего в то время словаря по вычислительной технике, уехал в США и прекратил работу над ним, переводные издания словарей были довольно неудачными, а развитие новых технологий шло очень бурно. Кроме того, у авторов был ещё свежий и богатый личный опыт работы в данной области. Совокупность этих факторов, а может быть, расположение звёзд, и сподвигли нас начать эту работу.

Пока объём был небольшой, мы публиковали словарь в журналах PC Magazine/RE и «Мир ПК», но затем это стало физически невозможно. Первое книжное издание вышло в 1998 г. (6200 терминов), второе — 2000 г. (8400), третье — 2002 г. (9600) и последнее, четвёртое (11200 терминов), — в 2004-м, т. е. обновляем мы его раз в два года. В прошлом году вышло первое украинское издание нашего словаря и сейчас готовится второе. К осени, надеемся, будет готово пятое русское издание объёмом около 14500 терминов.

С какого-то момента словарь вошёл во многие электронные словари (например,

Lingvo) и системы автоматизированного перевода (Prompt), а с начала прошлого года мы обнаружили его пиратское распространение через Интернет, что означало для авторов своего рода признание.

От издания к изданию словарь набирает от тысячи до трёх тысяч новых терминов. И процесс этот представляется нескончаемым, тем не менее, авторам видны его ограничения.

Границы полного счастья

Как водится, есть семь причин, по которым крайне трудно сделать совершенный словарь по информационным технологиям (ИТ). Хотя некоторые причины, возможно, специфичны для ИТ, но нам представляется, что сказанное верно и для других быстро развивающихся предметных областей.

1. *Расширение предметной области.* Если в 1960–1970-х годах можно было, прочитав полсотни книг, быть в курсе практически всего, что происходило в вычислительной технике, то сейчас никаких ресурсов человеческих на это не хватит, т. е. время энциклопедистов в этой области ушло. Сейчас в ней ситуация, как в медицине или в химии, — есть люди, имеющие неплохое общее представление об ИТ и глубоко знающие свою достаточно узкую нишу. С толковыми словарями это связано непосредственно — по нашим представлениям, в будущем должно возрасти количество авторов, которые либо создают множество словарей по терминологии в той нише, в которой они работают, либо образуют коллектив, создающий отраслевой словарь. Возможны оба сценария,

хотя во второй из них верится с трудом — уж очень трудно согласовать работу людей с разными взглядами, уровнем профессиональной подготовки и т. п.

2. *Необходимость системы мониторинга актуальности терминов.* Раньше центров, в которых рождалась терминология по ИТ, было сравнительно немного — новую терминологию можно было отслеживать по десятку профильных журналов и книгам. Сейчас количество таких центров и фирм возросло в тысячи раз. Соответственно нелинейно увеличился и объём публикаций, поскольку появление Интернета облегчило опубликование результатов работ, кроме того, сами статьи почти перестали рецензироваться, так как издатель сейчас получает практически мгновенную рецензию на выставленный в Сети материал и может либо снять его, либо оперативно учесть замечания. С английским языком всё усложняется ещё и тем, что на нём идут публикации международных конференций. Отсюда и возникает необходимость мониторинга терминов, чем собственно уже отчасти и занимаются составители словарей общей лексики.

Понятно, что данная задача может быть решена в рамках достаточно мощной поисковой машины с функциями экспертной системы и может выполняться при индексировании веб-страниц. Такая система позволила бы:

- выявлять новые термины;
- составлять частотные словари использования терминов;
- составлять таблицы альтернативных написаний и типичных опечаток при вводе термина. Примеры альтернативных написаний: online и on-line; online community и virtual community; pathname и path name и т. д.
- определять авторство термина (например, термин корпорации IBM, термин Microsoft, термин Васи Пупкина);
- выявлять синонимы (хотя бы частично). Проблема в том, что многие термины в ИТ имеют множество синонимов и, делая, например, перевод по технологиям той же Microsoft, переводчику не следует использовать терминологию IBM или HP;

- определять степень жаргонности термина, например по тому, в каких источниках он встречается;
- выявлять степень актуальности термина (например, путём ввода метрики, учитывающей число различных документов, в которых встретился термин; интервал времени, на котором термин наиболее активно использовался; число сайтов и др.);
- имея такую статистику, можно построить паттерны (поведенческие шаблоны), позволяющие судить о степени интереса к термину (например, что он вышел из употребления, вошёл в терминологическое ядро данной предметной области и т. п.);

Список решаемых системой сбора и мониторинга терминов задач можно продолжать бесконечно. Вообще говоря, по набранной статистике можно решать не только лингвистические задачи, но и судить, например, о степени развития той или иной технологии. Этот вопрос, разумеется, требует дополнительного изучения, так как открытые интернет-ресурсы составляют очень небольшую часть всей Сети.

Создание указанной системы в зависимости от функциональности потребует от 25 до 100 тыс. долл. в год.

3. *Быстрая смена технологий.* Это явление вызывает умирание целого пласта терминов, связанных с уходящей технологией. Затем наиболее интересные из них растаскиваются и приобретают другие значения. Типичный пример — мониторы на электронно-лучевых трубках (ЭЛТ), которые сейчас лавинообразно заменяются на ЖК-мониторы. Через пару лет ЭЛТ-мониторы будут казаться музейной древностью, но при этом исчезнут и 300-400 связанных с ними терминов. В словарях образуется кладбище терминов, то через 10—15 лет половина терминов в словаре будет совершенно неактуальна. Пример — упоминавшийся словарь по вычислительной технике А. Борковского. Правда, далеко не всегда, как в случае с ЭЛТ, авторам словаря понятно, умерла (умирает) какая-то технология или нет.

4. *Ограничения «движков»* (управляющих программ для) электронных словарей. Электронные словари начинались с совсем простых двухстрочных форматов (термин – перевод) и поэтому проблема самого движка не сильно волновала разработчиков – у них было больше лингвистических трудностей (гонка за объёмом). Для толковых словарей необходимо, чтобы движок мог показывать не только громадное количество перекрёстных ссылок (их в словаре больше чем терминов), но и таблицы, и изображения (схемы, диаграммы, фотографии) и даже небольшую анимацию.

Нынешние словарные движки поддерживают всего один уровень гипертекста – гиперссылки. Технику хождения по ним все освоили – видишь слова голубого цвета, значит за ним что-то есть. На самом деле таких уровней может быть сколько угодно и текст может быть таким же многослойным, как печатная плата. Чтобы различать слои, ссылки каждого слоя размечают своим цветом. Нечто подобное по нашей просьбе было сделано в системе «Кодекс».

Представляется, что развитость Интернета уже вызывает потребность обеспечения автоматического обновления словарей, и подписка на обновления словарным компаниям будет выгодна, поскольку повысит удовлетворённость и следовательно лояльность пользователей. Мы, например, каждый день добавляем в словарь до десятка новых терминов, поэтому, конечно же, многим пользователям электронных словарей было бы интересно получать обновления незамедлительно. Пока таких движков ни в одном из словарей не встретилось. Альтернатива – оперативное обновление словаря на сайте, но в России мы пока не видим, кто бы мог финансировать даже подобный весьма недорогой (около 10–12 тыс. долл. в год) проект.

5. *Ограничение объёма бумажного издания.* Собственно, по мере роста объёма нашего словаря цена его бумажного издания, к сожалению, неуклонно росла и это начинает внушать опасения – далеко не каждый может позволить себе купить книгу за 350 рублей. Мы уже в четвёртом издании приблизились к объёму в

тысячу страниц, а что дальше? Делать двухтомник? Цена и объём всё больше и больше сужают круг пользователей словаря.

6. *Ограничения пропускной способности.* Даже если у вас есть система мониторинга новых терминов и все условия для работы, есть пределы возможностей автора при обработке накопленных терминов. Процесс этот творческий и весьма эмоциональный – бывают и творческие подлёды от удачно найденных слов, случается и обратное.

7. *Биологические ограничения.* Эпоха каждого автора словаря относительно коротка. Ранно или поздно наступает момент, когда нужно сказать себе – пора дать попахать это поле другим. Хорошо, если виден преемник, но даже если он и не виден, то обстоятельства подобные описанным в начале статьи, подвигнут кого-то на эту стезю.

Вместо заключения

Чего же ещё хочется авторам? Автоматизированной системы разработки словаря, которая бы вела базу терминов (словник), хранила историю изменений, обеспечивала совместную работу нескольких авторов над термином, поддерживала разработку многоязычных словарей, помогала сразу формировать обратный индекс, выполняла бы правильную лексикографическую сортировку терминов, отслеживала несуществующие ссылки как внутри словаря, так и в Сети, вела статистику. Работа над словарём – такой же проект, как разработка компьютерной системы. Поэтому, по существу то, что перечислено, это специализированная система управления проектом. Конечно, такую систему может предоставить только компания, занимающаяся разработкой электронных словарей, поскольку у составителей словарей времени на инструментарий просто нет.

Да, много о чём можно помечтать под нежным тёплым солнышком.

В эпизодах...

П.Р. Палажченко

Я никогда по-настоящему не писал стихов. Так, разве что какие-нибудь зарисовки, рифмованные впечатления, не претендующие на место в поэзии. Оказавшись в первый раз в Женеве, я через пару дней набросал такую картинку — что-то вроде эскиза для полотна, которому, конечно, не суждено появиться на свет:

Спокойна в озере вода
И вечером зеленовата.
На набережной, как всегда,
Туристы, шалохи, дипломаты.

И как в картине «Амаркорда»
Или ещё не помню где,
Скользит неслышно пароход
По отражениям в воде.

Но поэзия всегда так много значила в моей жизни, что время от времени я писал подражания или «продолжения» запомнившихся мне стихов (в юности некоторые стихи я запоминал с первого прочтения). Лучше всего поддаются такого рода экзерсисам стихи поэтов небольших, но настоящих — скажем, Вертинского, Высоцкого, Симонова. Кстати, стихи именно таких поэтов, а не истинно великих, лучше всего ложатся на музыку. Не случайно песни на слова Исаковского стали народными. Я до сих пор убеждён, что «Летят перелётные птицы» — упущенная президентом Путиным возможность предложить России гимн, который каждый пел бы с непритворной гордостью. И одновременно песня воспитывала бы поющих:

Летят перелётные птицы
В осенней дали голубой.
Летят они в дальние страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою
Навеки родная страна.
Не нужно мне солнце чужое.
Чужая земля не нужна.

И правда, не «берег турецкий» нам нужен (и не аблазский), не поиски врагов, а нормальная жизнь в собственном доме.

К теням великих, конечно, прикасаешься по-другому, с трепетом, но всё-таки иногда я проводил подражательные эксперименты в стилистике действительно больших поэтов. Публиковать получившиеся я, конечно, никогда не стану, а единственное исключение сделаю сейчас только потому, что два моих четверостишия уж очень подходящее вступление к запискам, которые последуют.

Темой для вариации являются стихи Бориса Пастернака из его последнего сборника. Многим, наверное, известно гениальное стихотворение «Божий мир», а те, кто его не знают, могут купить стихи Пастернака в любом книжном магазине (слава богу, ни самиздат, ни тамиздат теперь не нужен). Вот начало этого стихотворения:

Тени вечера волоса тоньше
За деревьями тянутся вдоль.
На дороге лесной почтальонша
Мне протягивает бандероль.

[...]

Горы, страны, границы, озера,
Перешейки и материки,
Обсужденья, отчеты, обзоры,
Дети, юноши и старики.

А какой финал:

Ну, а вы, собиратели марок!
За один мимолётный приём,
О, какой бы достался подарок
Вам на бедственном месте моём!

О многом говорит эта строфа, датированная 1959 годом.

Ну, а теперь моё «подражание» (не судите строго, а лучше вообще не судите):

Президенты, министры, премьеры,
Ассамблеи и встречи в верхах,
Всё, чем жизнь одарила сверх меры,
Что потом обращается в прах

Наравне с эпизодами, бытом,
С происшествием мелким в метро,
Неизвестно зачем не забытым
И заполнившим несколько строк...

О том, что мне довелось увидеть и пережить в годы, связанные для меня с «большой политикой» (деятельно большой), я рассказал в книге *My Years with Gorbachev and Shevardnadze*, опубликованной в 1997 году в США, и в статье «Что за словом» (в сборнике «Прорыв к свободе», 2005 г.) А ниже следующее – несколько эпизодов, которые наверняка кому-то покажутся слишком незначительными. Мне же кажется, что без таких эпизодов большой сюжет беден.

Первое задание

В 1970 году студентов-старшекурсников иньяза в массовом порядке мобилизовали для работы в Египте. Сделано это было без призыва на военную службу, но десятки, если не сотни недоучившихся молодых переводчиков из различных вузов СССР, оказавшихся тогда на арабском Востоке, работали там «по линии» министерства обороны. Одним из главных просектов «военно-технического сотрудничества» было строительство комплексов ПВО в зоне Суэцкого канала. Были и другие проекты, в одном из которых я участвовал.

Особого выбора у меня не было. Ехать не очень хотелось, но для того чтобы отказать, надо было иметь связи и возможности, которые у меня начисто отсутствовали. В выездной комиссии министерства сидели генералы, один из которых задал моему однокурснику Саше М. странный вопрос:

– Ехать хотите?

Ответ был, как говорят в шахматных комментариях, единственно возможный:

– Надо.

14 мая я вышел из самолета в каирском аэропорту и очутился, как мне показалось, в пароварке. Сочетание жары и совершенно неожиданной для меня влажности было просто убийственное, но молодой организм адаптируется быстро. И не только к погоде. Настроение, несмотря на разговоры о ежедневных израильских бомбёжках и артобстрелах зоны канала (между двумя странами не было мира, и шла так называемая война на истощение), было довольно беззаботное.

Часам к восьми я при помощи встретившего меня переводчика Олега П. добрался в Наср-сити – довольно приличный комплекс многоэтажных зданий, которые тогда не использовались в основном советским военным контингентом. На город уже спустилась непроглядная лужная тьма, которую нарушал свет всего нескольких окон дома, куда мы вошли с моим провожатым. Большинство квартир было не занято, лифт не работал, и мы пешком взобрались на шестой этаж полупустого дома. Олег толкнул ногой дверь, но она не поддавалась.

– Ключ! – громко сказал Олег, дохнув на меня перегаром, в оттенках которого я разобрался позже.

Из его объяснений я понял, что квартира, в которую меня определили, должна была стоять открытой, но прежний жилец, видимо, сдал ключ дежурному.

– Саид! – почти истошно крикнул Олег в лестничный пролёт, но ответа не было. Тогда он с неожиданной стремительностью сбежал вниз, и когда я догнал его, он уже разговаривал в комнатке привратника на первом этаже с полусонным арабом.

— Лязим ифтах! Шуф! Ключ! Хамса и эт-нини! — повторял Олег несколько арабских и русских слов, и в конце концов Саид выдал ключ.

— Пить будешь? — спросил Олег, когда мы снова поднимались на шестой этаж. Я отказался (и правильно сделал: без практики, необходимой для освоения медицинского спирта, называвшегося в советской колонии «хамасташка», я бы после выпивки скорее всего заболел). Через двадцать минут я уже спал.

Наутро я отправился в «офис» — штаб аппарата советников и специалистов при египетской армии. Начальник всех переводчиков полковник К. первым делом указал мне:

— Вы небриты.

И был абсолютно прав. Я считал тогда, что моя щетина не требует ежедневного выбывания. Этот и некоторые другие уроки впоследствии внедрились в моё сознание: железный принцип: переводчик должен быть выбрит, прилично одет и пунктуален — в этом процентов шестьдесят успеха.

Полковник К. задал мне несколько вопросов, после чего сказал, что группа специалистов, с которой я должен работать, приезжает через пару дней, а пока возможные задания я буду получать у Олега.

После обеда Олег подошёл ко мне и, озираясь по сторонам, сказал:

— Ты это, давай, это самое, тут надо с доктором съездить.

Доктору было лет сорок, у него были крупные черты лица и редкие выцветшие волосы. За двадцать минут нашей поездки он не сказал ни слова. Машина въехала во двор большого обшарпанного здания больницы и остановилась у флигелька, в котором даже мой неопытный взгляд узнал море:

— Пойдём, — сказал доктор.

К нам вышли два человека — врач и прозектор. Мёртвое тело уже лежало на металлическом столе. Обменявшись несколькими фразами, которые я с грехом пополам перевёл, медики приступили к делу.

Прозектор сделал большой надрез и начал ловко вынимать из брюшной полости внутренности погибшего, которые, по-види-

мому, не имели отношения к причине смерти. Наш врач сказал, что его интересует область лёгких. После этого все замолчали. Тем временем воздух наполнился таким запахом, что я не выдержал. К горлу подступал съеденный час назад обед. Я, даже не извинившись, буквально вылетел на улицу.

За несколько минут, что я провёл в расклевённом больничном дворе, мне удалось взять себя в руки, но когда я, торопливо извиняясь, вернулся, всё уже шло к концу. Доктора обменивались латинскими словами, из которых я расслышал только *vena cava*. Может быть, из сочувствия ко мне египтянин, прощаясь с нашим доктором, что-то сказал по-английски, и я, ещё не вполне крепким голосом, перевёл его слова и ответ, прекрасно понимая, что мой первый блин вышел действительно комом.

— Да вы не расстраивайтесь, — сказал мне на обратном пути доктор. — Это у вас нормальная реакция. А майор, понимаете, попал под артобстрел на канале, его довели в располосенные части, в сознании, и вроде бы казалось, что лёгкое ранение. Позволили лангитам, но пока за ним приехали, он умер. Осколок шёл через лёгкое и порезал нижнюю полую вену. Мгновенная смерть.

Олег, вынырнув как из-под земли, как только мы приехали в офис, сказал шофёру:

— Это, ты это, отвези меня, надо купить жене, мохер там, пшюр, золото.

Я не сразу понял, о чём речь. Только вечером, когда Олег затащил меня к себе «посидеть», до меня дошло, что он покупал всё это на выделенные командованием деньги для жены погибшего майора.

— Как-то это... не знаю. — сказал я. — У неё муж погиб, а тут гинюр...

Олег был уже в таком состоянии, что не стал комментировать мои слова. Зато энергично закусывавший привезёнными мною из Москвы консервами Володя В. отреагировал сразу:

— Э, нет, дорогой. Баба молодая — поплачет, конечно, а потом дальше жить надо. Всё очень даже пригодится.

Шпиономания

В 1970-е годы я работал в секретариате ООН в Нью-Йорке. Я многим обязан этому времени, хотя как профессионал по-настоящему сформировался уже в последующие годы. Для меня, двадцатипятилетнего человека — по воспитанию, мировосприятию и психологии одновременно и советского, и не очень — самым интересным в эти годы было погружение в жизнь тогдашнего Нью-Йорка. Переводчики, особенно синхронисты, тогда чувствовали себя относительно свободно, хотя мы были накрепко привязаны к советской колонии. И всё же, когда ходишь каждый день на службу не в советское учреждение, а в ООН с её интернациональным коллективом и американскими традициями, что-то в человеке меняется. И начальство нашего представительства — миссии, как под влиянием английского его называли почти все — вполне отдавало себе в этом отчёт. Мы знали и видели, что за нами присматривают.

Я тогда не планировал никакой карьеры, вообще плохо представлял себе, что буду делать по окончании своей нью-йоркской пятилетки, и может быть поэтому всё себя в основном как считал нужным — нормально общался с коллегами по другим кабинетам, с соседями и другими американцами, хотя формально считалось, что это должно делаться только «с разрешения руководства». Общенье это было очень приятным и ничем не осложнялось, за исключением одного случая, о котором позже. Но сначала о самом большом скандале, который пришёлся на те годы.

Я узнал о нём от жены. Она работала на полставки телефонисткой в советском представительстве, а другую половину ставки занимала жена моего ооновского начальника Ирина Львовна Ч. Как рассказала ей Ирина Львовна, утром в закуток телефонистки ворвалась её знакомая.

— Держись крепче за стул, — предупредила она. — Я тебе сейчас что-то скажу. Шевченко ушёл.

В русском языке нет точного соответствия американскому глаголу to defect, поэтому мысль, что дипломат перешёл на сторону

американцев, выражалась «приблизительно» — говорили то «сбежал», то «ушёл», то «остался». Неудовлетворительность соответствия не мешала понимать, о чём речь. А Аркадий Шевченко был не просто дипломат. Занимая пост заместителя генерального секретаря ООН по вопросам Совета Безопасности, он был самым высокопоставленным советским сотрудником секретариата ООН. Птица высокого полета. К тому же говорили и считали само собой разумеющимся, что он близок к семье министра иностранных дел Громыко — просто так, без «поддержки» (мировское словечко) на таком месте оказаться было невозможно.

— Ну, сейчас начнётся, — сказала Ирина Львовна моей жене, когда та пришла принимать после обеда смену. — Пойдут звонки, надо отвечать We have nothing to say about it.

Эту формулировку было велено повторять без изменений. Почему-то руководство решило, что между ней и We have no comment — огромная разница.

Но шпютину прорвало только на другой день. Информация об «уходе» Шевченко вылезла на первые полосы газет. Радио и телевидение тоже постоянно повторяли это сообщение, хотя я не помню, чтобы его очень активно комментировали. Да в этом и не было необходимости — факт говорил сам за себя, это было для нас жуткое поражение в пронацистской войне.

Я видел Шевченко всего пару раз. Однажды он выступал на заседании первого комитета ООН, и я наблюдал его из кабины синхронного перевода. Хорошо сшитый костюм не мог скрыть его, как мне показалось, болезненную сутулость, создававшую в верхней части спины нечто похожее на горб. Говорил он почему-то по-русски (как сотрудник секретариата должен был бы — по-английски) и довольно примитивно. Никакого интереса к его фигуре я среди ооовцев не замечал.

Ну, а в советской колонии началась свистопляска на предмет бдительности. Стали придумывать всякие «меры» по её повышению. Мудрая Ирина Львовна, которая была с мужем уже во второй длительной командировке в Нью-Йорке и немало повидала, заметила:

— Опять зажмут переводчиков и журналистов.

В общем, так и оказалось — эти две когорты, чувствовавшие себя относительно самостоятельно, всегда были объектом преувеличенного внимания и воспитания со стороны парткома и кадровиков. Помню какие-то «мероприятия» и беседы, на которые нас обязывали ходить. К счастью, на этот раз никаких особенно идиотских мер придумано не было. Видимо, есть предел фантазии начальства, да и не хотелось ему напоминаний о гигантском проколе.

К тому же не так легко уже в это время было зажимать людей, даже когда есть чем пригрозить. Однажды, когда представительский кадровик Евгений Иванович Б., распекая за что-то моего коллегу Лешу Ч. (ныне покойного), заявил, что может прервать его командировку и отправить в Москву, тот ответил:

— А вы меня родиной не пугайте.

Вся эта история уже поросла быльём — сначала как-то забылась, потом, во время перестройки и после смерти Шевченко (жизнь его в Америке сложилась неудачно, изобилуя жалкими и пошлыми поворотами), был некоторый всплеск интереса, и сын Шевченко даже издал книгу. Мне же эта история запомнилась прежде всего ощущением тишины шпионских страстей. Конечно, любой дипломат знает какие-то тайны и секреты, и, казалось бы, разведкам есть за что бороться. Но тогда я чувствовал, а потом узнал, что всё это по большей части полная чепуха. Колоссальные усилия сотен людей тратятся впустую. Лихорадочно вербуя на протяжении десятилетий советников, секретарей и полковников разведки, спецслужбы упустили экстремистов, террористов и прочую действительно опасную братию.

Даже к моей персоне проявляли интерес. Году, кажется, в 1976-м один случайный американский знакомый предложил свести меня с «очень интересным человеком», сделав прозрачный намёк. Я промолчал. Согласно инструкции для советских граждан за рубежом я должен был бы бежать в представительство, чтобы доложить о «попытке подхода». Кон-

чилось бы это отправкой домой, и вся моя жизнь изменилась бы в одночасье. Будучи человеком законопослушным и даже в некоторой степени идейным, дураком я всё-таки не был и никуда не пошёл. А когда знакомый через пару недель повторил своё предложение, я сказал ему:

— Передайте этому интересному человеку, что я принесу больше пользы и своей стране и вашей, если буду честно делать свою работу.

Так оно в конце концов и получилось.

Паспорт

Мои планы на послевоенный период были туманны, но в общем я был бы доволен вернуться в Ингяз, где в течение года преподавал до отъезда в Нью-Йорк. Но как раз незадолго до окончания моей нью-йоркской командировки в МИДе создали несколько странную структуру под названием «резерв переводчиков и машинисток международных организаций». Замысел состоял в том, чтобы закрыть как можно больше временных контрактов в международных организациях нашими людьми, а для этого их надо иметь в постоянной готовности — с паспортами, визами и т.д. В промежутках между командировками люди в основном бездельничали.

Меня взяли на службу в этот самый резерв сразу по возвращении в Москву и довольно быстро перевели в собственно отдел переводов на Смоленской площади, который на протяжении многих лет был укомплектован примерно одной и той же небольшой группой людей, а теперь начал расширяться.

Отношения с ветеранами отдела не всегда складывались легко, но я всем им благодарен. Смотрели они на меня по-разному, но подножек, насколько я это мог видеть, не ставили. Я многому тогда научился.

Главным в моей тогдашней работе было «боевое крещение», которое я получил как дипломатический переводчик на важных, хотя и бесплодных межгосударственных переговорах — о сокращении вооружений в Европе, ракетах средней дальности, мерах доверия и безопасности. Интересующихся могу отослать к упомянутой выше статье. Здесь скажу

лишь, что одновременно с профессиональным ростом я потихоньку обрастал мхом интеллектуальной лени и цинизма, потому что заниматься в общем-то тупиковым делом на протяжении нескольких лет с одинаковым энтузиазмом невозможно.

В конце 1983 года переговоры о ракетах средней дальности лопнули после размещения американских ракет в Европе. Настроение у меня и у многих в МИДе было скверное. Всё же у большинства хватило ума понять, что мы доигрались с гонкой вооружений до аховой ситуации. Никакая внешнеполитическая пропаганда не могла ни скрыть, ни тем более изменить этого очевидного факта.

Заведующий нашим отделом Александр Александрович Р. высказывался на этот счёт в узком кругу весьма определённо. И одновременно — заботился о том, чтобы подчинённые ему переводчики не простанывали. Однажды в начале 1984 года он вызвал меня в свой кабинет и сообщил, что «есть возможность очень неплохо съездить».

Действительно, командировка в штабквартиру Экономической комиссии ООН по Азии и Тихоокеанскому региону в Бангкоке, а оттуда — сразу в Токио на сессию этой комиссии была чрезвычайно соблазнительной, и я с благодарностью ухватился за этот «утешительный приз». Ни в Таиланде, ни в Японии я до этого не был.

Никаких забот о визах и авиабилетах у нашей небольшой группы не было — всем этим занимались мидовские кадровики. Через пару недель мы были в Бангкоке, остановившись на две недели в не самой заштатной гостинице «Таи».

Город, с его каналами, храмами и симпатичными улыбающимися людьми, тайская кухня, неумолимая работа, беззаботное общение с коллегами — всё это создавало какое-то лёгкое, временами просто праздничное настроение. А ещё и ожидание поездки в полумифический город Токио с его неомом и электроникой!

Правда, хорошо помню, как за несколько дней до отъезда, гуляя в сгущающихся сумерках по улицам Бангкока, я внезапно почувст-

вовал смутную тревогу. Потом стало совсем темно, в магазинах, торговавших цветами и похоронными венками (недалеко был храм, как обычно в этой стране, с крематорием), зажёгся свет, и мне стало совсем не по себе. Я вернулся в гостиницу и, сидя в кондиционированном до холода баре, забыл об этом мимолетном настроении.

Было ли это предчувствием грядущей большой неприятности? Не знаю, я человек, гордящийся своей рациональностью и совершенно не склонный к какой-либо эзотерике. Но на следующее утро меня ждал шок: пропал бумажник с паспортом и деньгами. Я хорошо помнил, что положил его, как всегда, в ящик комода с майками и рубашками. Дверь была закрыта, в том числе на цепочку. Но специалистам, видимо, не составило труда преодолеть это нехитрое препятствие. В какой-то момент мне стало казаться, что ночью я ощутил чужое присутствие в номере, но принял это за сон. Впрочем, это была скорее всего иллюзия встревоженного сознания.

Так или иначе, бумажник был потерян. Грабителей интересовали, конечно, только деньги, но мне от этого было не легче. В Таиланде, видимо, не принято подбрасывать ограбленным путешественникам их документы, тем более что для граждан большинства стран потеря или похищение паспорта не является даже административным нарушением, и им по первому требованию выдают дубликат.

Но у нас! Но дипломат! Я понимал, что ситуация для меня близкая к «полной гибели всерьёз». В таких случаях, так же, как узнав о тяжёлой болезни, человек проходит несколько стадий в своей реакции — от отторжения (denial) до примирения с неизбежным. Утром я с тяжёлым сердцем отправился в консульский отдел советского посольства в Бангкоке.

Посольство было расположено в старом здании, в помещениях которого пахло плесенью, несмотря на непрекращающуюся борьбу с бангкокской влажностью. Ко мне вышел консул Юрий Александрович Д. — высокий мужчина неопределённого возраста с залысинами на неожиданно бледном лбу. Я рассказал ему, в чём дело.

Выражение лица консула на протяжении моего рассказа не изменилось. Симпатии в нем я не заметил, но не было и осуждения или враждебности.

— Пишите объяснение, — сказал он. — Отъезд в Токио у вас когда?

— Через два дня, — ответил я, внутренне смирившись с тем, что никакого Токио, видимо, не будет.

Д. на мои слова никак не реагировал, и через несколько минут, забрав моё объяснение, сказал как-то довольно неофициально:

— Ну ладно, завтра приходите, там видно будет.

Мой старший товарищ по работе Владимир Ф., узнав о случившемся, уверенно заявил, что мне придётся отправиться домой со «справкой о возвращении в СССР» (так, кажется, назывался документ, выдававшийся в подобных случаях) и дома будут неприятности, но «в конце концов обойдётся».

На другой день я шёл в консульство, вполне готовый к этому и, как ни странно, настроение было не самое плохое. Может быть, опять предчувствие, на этот раз хорошего?

Юрий Александрович Д. долго меня не мучил:

— Написал я в Москву, что ваше объяснение сомнений не вызывает и в связи с необходимостью продолжения командировки считал бы возможным выдать вам на месте паспорт. Они не ответили пока, чешутся. В общем, завтра получите паспорт, а в Москве будете с ними объясняться.

Не могу сказать, что сердце моё прыгнуло от счастья. По молодости лет (впрочем, какая молодость — мне было уже 35 лет!) я даже не осознал, как мне повезло.

В Москве кто-то из знакомых кадровиков сказал мне, что через несколько дней Д. получил из Москвы «отлуп» — спохватившись, решили, что он чуть ли не превысил свои полномочия.

— Ерунда, конечно, — добавил мой знакомый, — он имеет право сам решать, но вполне мог отправить тебя домой, а по горячим следам и тебе бы здесь не выговор вкатили, а могли из МИДа выгнать.

Никогда потом я не видел Юрия Александровича Д. Видимо, он представлял не МИД, а другое ведомство. Где, в каких закоулках гигантского мегаполиса госбезопасности протекала потом его карьера, мне неизвестно, но хотелось бы, чтобы он знал, что я буду всегда благодарен ему.

Конечно, конец мидовской карьеры — это не конец света. Мы не знали ещё, что наступают новые времена, когда человек моей профессии сможет нормально жить и зарабатывать вне официальных структур. Но это была бы для меня другая жизнь, а я благодарен за ту, которую довелось прожить.

А.Н.Островский — А.Ф.Дамичу, 28 июля 1885 г.

Милостивый государь
Алексей Фердинандович,

«Антония и Клеопатру» я прошу оставить за мной. О цене большого разговора быть не может, я возьму с Вас лишних только 100 р., т.е. за весь перевод 700 р. Почему я беру лишние 100 р., я Вам объясню. Я английский язык знаю порядочно и перевести всякую пьесу могу легко, но с Шекспиром очень осторожен: для каждой английской фразы можно найти десяток русских фраз, но я стараюсь выбрать из этого десятка самую подходящую. Для этого у меня есть англичанин, отлично знающий Шекспира, он мне объясняет малейшие оттенки смысла слов и целых выражений, ему-то за его труд и пойдут лишние 100 р. Хотя Вы, таким образом, и заплатите за перевод подороже, но уж он будет безукоризненным.

Искренно уважающий Вас и преданный
А. Островский.

Кинофестиваль

М.А. Загом

Дискуссий по поводу перевода кино или сериалов для телевидения сейчас ведётся много. Много написано и про разнообразные переводческие ошибки, про невежество переводчиков, а заодно и редакторов, которые призваны полученный текст как-то доводить до кондиции. Недавно и в журнале «Мосты» прошёл круглый стол, где обсуждались всевозможные тонкости при переводе киноматериала. Хочу заметить, что все эти дискуссии фактически посвящены анализу письменного перевода художественного текста. И правда, чем перевод, скажем, рассказа или повести так уж отличается от перевода монтажного листа кинофильма? Пожалуй, только одним: в этом самом монтажном листе нет описаний, размышлений, авторских отступлений, а есть только один голый диалог. Разговор двух или нескольких персонажей. Этот диалог насыщен, в зависимости от времени и места действия, историзмами, диалектизмами, сленгом и так далее. Переводчик включает компьютер и честно (или не очень), по мере своих способностей, делает письменный перевод текста. Увы, сегодня кино доверяют переводить любому, кто худо-бедно выучил иностранный язык. Потом этот плохо выполненный перевод берут актёры и без подготовки озвучивают. О результатах этой деятельности, повторяю, написано немало.

Между тем, в недалёком прошлом под переводом кино, а потом и видео, подразумевалось нечто иное. Для тех, кто по возрасту не может помнить кинофестивали 70-х, 80-х го-

дов прошлого века (в фестивалях 60-х я по этой же причине не участвовал), могу рассказать: фестивали эти проходили в Москве раз в два года и были важнейшим событием в культурной жизни страны. Ведь на них реально можно было познакомиться с лучшими достижениями мирового кинематографа, узнать что-то новое о жизни других стран, посмотреть что-то такое, чего в советском прокате не показывали. Ведь тогда не было видео, не было Интернета, не было — невозможно себе представить — даже компьютеров! И кинофестивали тех времён — это был поток свежего воздуха и возможность в щёлочку заглянуть за железный занавес. Достать билеты было очень трудно, заранее продавались абонементы, скажем, на первую или вторую неделю кинофестиваля, а потом люди обменивались ими у ступеней нынешнего кинотеатра «Пушкинский», который тогда назывался «Россия». Многие специально брали отпуска и приезжали в Москву, чтобы две недели ходить в кино. Практиковался и развоз фестивальных фильмов по разным городам после окончания действия в Москве. Очень хорошо помню, как по окончании кинофестиваля году, кажется, в 1983, мне пришлось поехать в Екатеринбург и там в течение 4 дней без усталости переводить одну и ту же пару фильмов: английский «39 steps» и американский «Take this job and shove it». Но это я немного забегаю вперёд.

И вот над всем этим пиришеством духа возвышалась фигура переводчика кинофильмов: человека, без которого наслаждаться

кинозрелищем было невозможно. Пожалуй, именно на кинофестивалях переводчик ощущал собственную значимость: даже оставаясь анонимной фигурой, он всё равно чувствовал почтение окружающих и понимал, что своим трудом доставляет удовольствие многим людям. Помню, я в те времена не раз ловил на себе взгляды публики и слышал за спиной уважительное: «Вон, переводчик пошёл». Не могу не назвать имена коллег, блиставших в те времена на кинофестивалях, по-настоящему талантливых и одарённых людей: Алексей Михалёв, Василий Горчаков, Андрей Гаврилов, Леонид Володарский, Леонид Кантор, Григорий Либергал, Олег Левин. За исключением рано ушедшего Алексея Михалёва, все, слава Богу, живы и здоровы. На самом деле, уважать хороших киносинхронистов было за что. Только представьте себе: переводчик приходил в кинотеатр к началу сеанса, надевал наушники — и вперёд! Не видя фильма заранее, без монтажного листа, он начинал смотреть фильм вместе со зрителями — и переводить. Да так бойко, что зрителю и в голову не приходило, что переводчик порой импровизирует и просто сочиняет.

Здесь, в поряке лирического отступления, уместно рассказать об одной кинопереводческой легенде. Дело, якобы, было на Ташкентском кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки, мероприятии весьма помпезном и популярном где-то до середины 80-х годов прошлого века. Английский переводчик пришёл переводить арабский фильм, который, как ему сказали, оснащён английскими титрами. Когда фильм начался, он понял, что титров нет, и фильм просто идёт на неизвестном ему арабском языке. Он принял решение не срывать сеанс, потому что в зале было много народу, и начал импровизировать, сочиняя собственный сценарий, исходя из того, что происходило на экране. Ему удалось выйти сухим из воды — зрители ничего не заподозрили. На следующий день этот же фильм показывали где-то на закрытом просмотре, но переводить пригласили уже арабского переводчика. И после сеанса кто-то из зрителей заявил: этот пере-

водчик никуда не годится, он переводит не так и не про то, я этот фильм смотрел вчера, вот там работал мастер своего дела. Так вот, хочу сказать, что это всё-таки легенда, хотя сложных ситуаций при работе на кинофестивалях было пруд пруди.

Итак, фильмы для работы на кинофестивале делились на три категории: с монтажным листом на русском языке, то есть, уже переведённым, с оригинальным монтажным листом (в эту же категорию можно занести и фильмы с английскими титрами) и фильмы как таковые — не оснащённые ничем. Понятно, что работу с фильмами первой группы можно было доверить и начинающим — просто читай русский текст и понадай в картинку. Собственно, именно этим занимаются сегодня актёры, которые озвучивают фильмы и телесериалы. Для перевода фильмов второй группы уже требовался переводческий опыт, и вообще надо было знать язык, чтобы не запутаться в сленге и прочих лингвистических топкостях, и — самое главное — надо было переводить. Фильмы же, которые приходили сами по себе, были, обычно, и самыми трудными, и наиболее интересными для зрителей — на эти фильмы ставили самых сильных, по мнению «Совинтерфеста» (эта структура ведала организацией кинофестивалей и поныне), переводчиков, которые, даже если что-то и не успевали, как-нибудь выкрутятся и сеанс не провалят.

Некоторые точки кинопоказов считались наиболее престижными: Дом кино, Дом литераторов, «Ударник» — там обычно шли спецпрограммы, то есть самое лучшее из попавшего на фестиваль, какие-то фильмы привозили буквально на день или два, соответственно, переводить их приходилось сходу. И переводили — конечно, это требовало колоссального напряжения сил, и после таких подвигов не всегда хорошо спалось. Но не надо забывать, что и самим переводчикам это было безумно интересно: ведь ты смотрел — и переводил — самое свежее мировое кино, постигал, можно сказать, культуру страны изучаемого языка. Был и ещё один существенный фактор, эдакое побочное явление: во время кинофестивалей резко возрастал статус

кинопереводчиков среди друзей и близких. Представь себе, что киносинхронист имел фактически официальное право привести с собой на сеанс двух человек. Бесплатно! И небрежно сказать, проходя мимо охраны: «Я переводчик, и вот два человека со мной». Получалось, что в те сложные и достаточно скудные на зрелища годы кинопереводчик был обладателем того самого не раз при социализме воспетого дефицита. К тому же хороших киносинхронистов, как я уже говорил, уважали и — мне кажется, вполне справедливо — считали виртуозами и элитой профессии.

Разумеется, переводить фильм сходу приходилось только один раз — второй раз он тебе уже был так или иначе известен. Даже если не было монтажного листа, и ты что-то с первого раза не понял или не услышал, ты, по крайней мере, представлял, о чём речь, и на второй раз чувствовал себя увереннее. А в третий, а в четвёртый раз ты уже шёл по накатанной дорожке и позволял себе расслабиться. По ходу фестиваля тебе, хоть и не часто, но приходилось возвращаться к одному и тому же фильму. Вот уж когда можно было блеснуть! Зритель ведь не знал, что ты этот фильм уже переводил и готов ко всем подводным камням. И после перевода такого фильма ты выходил из будки с гордо поднятой головой и выслушивал похвалы твоих личных гостей.

В те времена фильмы на кинофестивале были разбиты на пары: один послабее, скажем, венгерский, а второй — американский. Для перевода венгерского фильма тебе давался монтажный лист на английском языке — языке международного общения. Переводи! Разумеется, переводить фильм в таких условиях — задача не простая, она требует определённого навыка. Надо внимательно следить за происходящим на экране, при этом переводить именно лежащий перед тобой текст. Приходилось переводить в таком режиме фильмы и с китайского, и с хинди, и с других экзотических языков, когда уху буквально не за что зацепиться, но, ничего — переводили. Упрощённый для переводчика вариант — фильм на неизвестном тебе языке с английскими титрами. Тут ты, по крайней мере,

постоянно смотришь на экран, и раздваиваешься в меньшей степени.

И вот тебе достаётся такая пара фильмов на целый день. Это значит, что ты сидишь в будке кинотеатра «Художественный» и переводишь три сеанса по два фильма в каждом — скажем, в 10 утра, в 14-30 и в 19, да ещё бывало, что более интересный фильм из пары показывали рано утром, часов в 8. Семь подходов за один день! Перевод одного фильма, кстати, стоил 7 рублей 50 копеек, и за один такой рабочий день набегало 52 рубля 50 копеек — это при зарплате 120–150 рублей в месяц! Кроме всего прочего, игра стоила свеч! Впрочем, на следующий день после такого марафона, тебе, как правило, давали передохнуть — предлагали перевести два или три фильма, иначе ведь можно и загнаться. Хотя об этом никто из переводчиков не думал. Хорошо помню, как после этих марафонов у меня к концу фестиваля, то ли в 1985, то ли в 1987 году, сел голос — переутомились связки. Я уже решил, что последние два дня работать не буду, как вдруг звонят из «Совинтерфеста» и предлагают в последний день фестиваля переводить «Кабаре» — твоя программа с Лайзой Минелли и Майклом Йорком! Причём, переводить целый день, да ещё в паре с английским фильмом «Воспитание Риты» — вольной версией «Пигмалиона». Как я мог отказаться? Пришлось интенсивно лечиться, дышать картофельным паром и пользоваться другими народными средствами. Через день я был в рабочей кондиции и честно отпереводил великий фильм (плюс не великий) на трёх сеансах в кинотеатре «Баку», не забыв осыпавшись шестерых своих знакомых.

Когда один и тот же фильм приходилось переводить несколько раз, понятное дело, что качество перевода раз от раза улучшалось, перевод твой становился все красочнее и сочнее, тебе уже не надо было внимательно вслушиваться в текст, звучащий с экрана, и ты мог сосредоточиться на самом переводе. Приходили раскованность и кураж, и бывало, что зал аплодировал удачной находке переводчика. А бывало... Как-то в разгар фестивальных будней мне утром позвонили из «Совинтер-

феста» и попросили вместо запланированного «Ударника» ехать к 14 часам во Дворец спорта в Лужники и там переводить польский фильм «Удар на удар». С польским языком, как со вторым, я в те времена работал, выучил в годы службы в армии во Львове, а кинематограф Польшы в СССР показывали немало. Между тем я знал, что во Дворце спорта в тот день должна работать моя коллега, назовём её Татьяна, опытная, образованная и интеллигентная переводчица, у которой польский язык был основной. Спрашиваю у организаторов: а в чём дело? Мне отвечают: на утреннем сеансе она не справилась с переводом, и администрация Дворца спорта просит прислать другого переводчика для работы на дневном и вечернем сеансах. Я удивился: раз не справилась она, едва ли я переведу лучше, ведь она всё-таки полонистка? Но оказалось, что в «Совинтерфесте» есть монтажный лист этого фильма на английском языке, стало быть, проблемы с пониманием у меня не будет. В принципе, работать с листом или с титрами я любил — успевал при переводе схватить главное. Хотя тоже не всегда, но об этом — ниже.

В общем, я закончил за листом в «Совинтерфесте», приезжаю во Дворец спорта, где меня ждёт Татьяна. Спрашиваю: что произошло? Оказалось, что польского листа на этот фильм не было, переводить она села сходу, даже не представляя, о чём будет идти речь, решила, что «Удар на удар» — это какая-нибудь история про бокс либо про бандитов, и так или иначе она справится. Но точное название фильма было «Клинок на клинок», и это оказалась костюмная драма про шляхтичей и какие-то дворцовые интриги в Польше XVIII века. То есть надо было разбираться в сюжете, но при этом переводить на зал, где собралось тысяч шесть человек. Судя по всему, переводчица что-то не так сказала, допустила какой-то ляп — с кем не бывает, всё-таки экстремальные условия. Но в зале кто-то свистнул и захопал в ладоши, а за ним кто-то ещё и ещё. После этого зал стал развлекаться и всякий раз, когда в переводе возникали шероховатости, разражался аплодисментами.

И такое продолжалось до конца сеанса! Представляете себе состояние переводчицы? Я до сих пор поражаюсь, как у неё хватило присутствия духа довести фильм до конца и не вылететь пулей из будки. Вполне возможно, что это был массовый психоз, либо просто развлекалась группа подвыпивших хулиганов, потому что переводчица, повторяю, была опытная и сильная. Эта история говорит о том, что никто из нас от чего-то подобного не застрахован, и надо уметь держать себя в руках. Кстати, добрые люди из администрации Дворца спорта на счёт, который обычно сдавался переводчиком в «Совинтерфест» для оплаты, написали: «Перевод вызвал негодование шести тысяч зрителей Дворца спорта». Татьяна, показав мне этот уникальный документ, сказала: развлекать «Совинтерфест» этим текстом за 7 рублей 50 копеек я не буду, лучше вставлю его в рамочку и повешу у себя на стене в назидание потомкам. Что, видимо, и было сделано. Собственно, никаких последствий для неё эта история не имела, в «Совинтерфесте» знали, кто из переводчиков чего стоит: переводить этот же фильм Татьяну поставили на следующий день в другом кинотеатре. И она дождалась меня во Дворце спорта, чтобы посмотреть фильм ещё раз, а задано: послушать мой перевод. Не могу сказать, что я как-то блеснул, но затруднений у меня перевод не вызвал — я спокойно переводил с английского монтажного листа, параллельно слушая в наушниках оригинал на знакомом мне польском языке. Да и публика был друтая, и переводить никто не мешал. Мне было жаль коллегу, но я отлично понимал: как говорится, на её месте вполне мог оказаться я.

Надо сказать честно, что проколы случались и у меня. Ну, до свиста дело не доходило, но бывали случаи, когда я был собой недоволен. Я уже говорил, что любил работать с монтажным листом, считал и считаю, что когда он есть, переводчику легче — всё-таки перед тобой написанный текст, не надо вслушиваться в фонограмму фильма, просто сиди и переводи. Правда, тут есть один нюанс: когда переводишь по монтажному листу, фильма практически не видишь. Ты успеваешь в

лучшем случае иногда поднимать голову и поглядывать на экран, не более того. А если смотреть на экран долго, потеряешь нужное место в тексте — и тогда начинается нервотрёпка. Потому что переводить со слуха и с написанного текста — разные вещи. Мозг настроен на что-то одно, и любые сбивки тут же сказываются на качестве перевода. Некоторые переводчики утверждали, что монтажный лист им просто мешает, он им не нужен, потому что когда берёшь текст со слуха, мозг сам выбирает, что переводить, а что отбрасывать, где делать компрессию — а когда перед тобой весь текст, ты хочешь перевести его целиком, а времени не хватает.

Со мной злую шутку сыграл монтажный лист американского фильма «Бешеный бык», с Де Ниро и Пеши в главных ролях. Желавших посмотреть этот новый шедевр Мартина Скорсезе было более чем достаточно. Я пришёл переводить этот фильм в Дом литераторов без особого беспокойства: да, фильм я не видел, но уж с листом как-нибудь справлюсь. Когда я вошёл в переводческую кабину, этот лист, как и полагалось, лежал на столе. В нём было страниц 800! Для сравнения: монтажный лист обычного фильма — это 30-50 страниц. По нормальной схеме монтажный лист состоит просто из текста, который звучит с экрана — ничего лишнего. Но есть и другой тип листа, с пояснениями: кто куда вошёл, как выглядит место действия. Есть в таком листе и объяснения трудных для понимания мест — смысл какого-нибудь сленгового выражения или фразеологизма толкуется нормальным английским языком. Это очень хорошо для письменного перевода, а для синхронного...

Фильм «Бешеный бык» оказался, что называется, не подарок. Он стилизован под 50-е годы, чёрно-белый, намеренно затёрта звуковая дорожка, много сленга. Фильм о судьбе боксёра из Бруклина, и с первых же кадров бой на ринге идёт под скороговорку радиокомментатора. Понять это на слух практически невозможно, а прочесть текст, как сейчас принято говорить, нереально — пулсмётные очереди комментатора растягивались на пять,

семь, а то и десять страниц. Их же надо ещё перелистать! Постоянные перепалки между героями, которые пользуются не самой литературной лексикой — а в тексте у тебя по полстраницы объяснений на кажлос звучащее предложение, — и на долю переводчика выпадает тяжелейшее испытание. Я делал всё, что мог, но этого было явно мало — в сюжете возникали дыры, понять происходящее я не успевал, потому что смотреть на экран не было времени вообще... После сеанса, спустившись вниз, я встретил знакомого, не переводчика. Вот, сказал он мне, выбрался посмотреть кино, ты тоже? Нет, отвечаю, я фильм переводил. Он окинул меня недоумённым взглядом, помедлил и спросил: «Так это был ты?» И по его интонации я понял, что от моей работы он не в восторге. Что тут поделаешь? К счастью, таких случаев в моей кинематографической карьере, да и вообще в переводческой — единицы. Тем важнее о них рассказать.

В идеале к переводу фильма надо готовиться. Иначе есть шанс вляпаться или подпортить себе репутацию. Иначе в этой работе возникает элемент шарлатанства, непрофессионализма. Понятно, что лучше всего прочесть текст фильма, а потом его посмотреть. Но этого текста порой нет, тогда уж, как минимум, надо посмотреть фильм заранее — даже если что-то не поймёшь, тебе будет известно основное, а с остальным как-то разберёшься. В «Совинтерфесте» это, конечно, понимали и старались, по мере возможностей, показывать переводчикам фильмы до начала кинофестиваля. Это по разным причинам удавалось не всегда, часто фильмы приходили уже во время фестиваля, и смотреть их было некогда. На некоторые фильмы успевали делать монтажные листы на русском языке — как правило, процент таких фильмов был невелик, да и качество перевода оставляло желать лучшего: где-то были несовпадения по тексту, в каких-то случаях переводчик переводил лист, не видя фильма, и в тексте появлялись нелености, часто переводить лист давали не лучшим переводчикам, а просто чьим-то знакомым, вроде бы знавшим язык —

а переводчик на сеансе должен был всё это расхлёбывать, как-то этот текст по ходу фильма редактировать, в том числе и письменно. Текст в листе часто не совпадал с тем, что звучало с экрана, иногда была изменена последовательность сцен, и переводчику приходилось демонстрировать чудеса находчивости и расторопности.

Свежо в памяти довольно сильное впечатление от работы Григория Либергала. На фестивале 1985 года главной конфеткой был фильм «Тутси» с Дастином Хоффманом и Джессикой Лэнг, думаю, он известен и нынешнему поколению зрителей. Фильм остроумный, задорный, полный шуток и всевозможных словесных шарад. И вот этот фильм показали переводчикам, как угощение перед началом кинофестиваля, когда всех их собрали на последнее напутственное собрание: как переводить, как не переводить, не допускать при переводе бранной лексики, за сколько времени до начала сеанса быть в кинотеатре и так далее. И вот, после этого напутствия — фильм «Тутси». Переводить его садится Гриша Либергал. Можете себе представить, какова в такой ситуации ответственность переводчика — меньше всего хочется ударить лицом в грязь перед коллегами. Сказать, что перевод был качественный — этого мало. Он был искромётный, полный каких-то находок, переводчик тактично подыгрывал персонажам, слегка (именно слегка) меняя интонацию, и зал, полный переводчиков, смотрел и слушал фильм, затаив дыхание. При этом лампочка за столом переводчика — а он сидел здесь же, в углу — не горела, то есть, он ничего не читал, а переводил со слуха. После фильма коллеги ему долго и искренне аплодировали. Уже потом я узнал, что фильм был Гришей подготовлен — именно он делал перевод монтажного листа «Тутси» на русский. Но, всё равно, эффект был потрясающий.

Конечно, работа на кинофестивалях — это была для переводчиков-синхронистов настоящая школа и праздник одновременно, они проходили закалку в экстремальных условиях, вырабатывалось умение не растеряться в сложной ситуации, при этом тебя не покидало

чувство приобщённости к чему-то необыкновенно интересному, ты — извините за пафос — понимал, что нужен людям. И, конечно же, перевод фильмов в синхронном режиме — это постоянный адреналин, радость от того, что ты справляешься со сложнейшей профессиональной задачей. И нет ничего удивительного, что с появлением видео лучшие кинопереводчики с головой ушли в эту новую сферу переводческой деятельности. Но это, как говорится, сюжет для другой статьи.

ИЗ ЗАМЕТОК ПЕРЕВОДЧИКА
НА А. ЗАБОЛОЦКИЙ

Из «Заметок переводчика»

Н.А. Заболоцкий

Перед переводчиком две чаши весов: первая принадлежит автору оригинала, вторая — читателю перевода. Перевод будет хорош в том случае, если чаши весов не выйдут из равновесия.

Русский дзен

А.И. Никольская

В советские времена гостеприимный Интурист встречал приехавших полюбоваться красотами России иностранцев лозунгом "If it's your first time in the USSR, you are welcome to it!" Казалось бы, наша жизнь с тех пор во многом изменилась. Однако традиция радовать глаз интуриста русской лингвистической самобытностью в прошлом не ушла. Струдом можно представить, как строит картину мира не владеющий русским языком иностранец, появившийся в России. Причём тому много. — тут и мы сами постарались, и из-за рубежа помогли.

Недавно в метро мне встретилась молодая англичанка, тихо пытаясь выяснить у прохожих, как ей попасть из Сокольников на Третьяковскую. «Это несложно», уверенно сказала я. «Сначала по красной ветке саете до Чистых прудов, а потом пересеидете на жёлтую ветку». Девушка с ужасом посмотрела на меня, потом на схему метро, что держала в руках, и в полном смятении протянула мне план метрополитена. Взглянув на купленную в Лондоне карту московского метро, я поняла, что явно погорячилась, сказав, что доехать будет просто. До боли знакомые каждому москвичу цвета линий были перепутаны все до одного! Красная стала серой, жёлтая — бирюзовой, понять что-то в этой радуге было просто невозможно. Что это? Злой заговор, чтобы шпион не пробрался к Кремлю? Не увидел, гад, Третьяковскую галерею? Диверсионная работа на благо родины или просто чьи-то цветовые пристрастия разошлись с принятыми обозначениями?

Ладно, столица ещё куда ни шло. Редко что за душу возьмёт, в смысле озарений на ниве чуждой нам словесности. Хотя и здесь есть свои тихие радости. Моя любимая надпись в Москве находится в переходе к ЦДХ под Крымским мостом. Там иностранцу чётко указывается: "Push off." Удивительно, по инструкции «от себя» и «к себе», несмотря на свою кажущуюся простоту, почему-то вызывают самое большое смятение у тех, кто заказывает таблички для дверей. Мне встречалось и "Off itself", и "From itself."

Чудесен и выставленный перед входом в ресторан на Арбате выт. обещающий море удовольствия следующим образом: "The conditioners are working inside." Сразу представляются здоровенные буган, простые ребята с квадратными лицами, которые решительно доводят до нужной кондиции посетителей, особенно если тем что-то не понравилось.

Но по-настоящему почувствовать всю глубину русского духа удаётся, только выехав из Москвы. Представим, как приезжает наш иностранец в город N-ск. Встречают его, допустим, не абы как, а всдут через VIP-зал. Может, конечно, он и не очень важная персона, а так, лектор приезжий или менеджер, но всё равно — в грязь лицом ведь никто не хочет ударить, поэтому заказывают VIP. Гость с дороги устал, ему надо на минутку отлучиться. Ищет удобства — возвращается с большими глазами, в себе не уверен. Спросить неудобно, но по всему видно: что-то не так. Что-то мучает гостя. Идём тем же маршрутом и выясняем, что на двери в это самое заведение

написано чётким английским языком: "Only for the Personality." Вопрос, достойный Достоевского. Тварь я дрожащая или право имею? Немудрено задуматься.

Далее российская глубинка предлагает решить ещё более сложные интеллектуальные задачки. О том, что всё не так очевидно, как кажется, гостя, впрочем, предупреждают в гостинице сразу: "Dear guests, be careful, pay attention to anything unusual", — гласит одно из правил распорядка отеля, — этот документ гостю предлагают подписать при поселении. В конце значится: "I am aware with the rule of living in sanatorium Sosnovka." Что это? — спрашивают озадаченные иностранцы. Как это понимать, "rule of living"?

Кстати, о правилах: ничто так не скрасит досуг одинокого путника, как чтение правил проживания, старательно переведённых на английский язык. Да и по-русски они тоже хороши, особенно когда по телевизору кроме рекламы ничего не показывают. Впрочем, чего можно ожидать от телевидения, про которое ясно сказано: "TV in the room shows two local, so Russian and 17 international channels." Не совсем понятно, что случилось с каналами. Они "so Russian", что смотреть их невозможно или как. Иностранцами каналами, в нашем случае, видимо, стались изобретённые каналки и грузинские.

Хорошо, если гость не обделён здравым смыслом и сам сообразит, что делать в чрезвычайной ситуации. В любом случае, ему предлагается масса полезных советов, таких, как "Don't touch the thing or replace it!" Можно позвонить в "Quick help" по телефону 03 или вызвать "fire brigade". Главное — ни в коем случае не паниковать — "Save tranquility in case of fire!" Итак, спокойно дышим и следуем дальнейшим указаниям: "If the conductors are in fire, press the lame, or cover it with thick cloth". Если вам удалось сообразить, что такое в данном контексте conductors, где искать хромого в случае пожара, да еще придавить белологу и накрыть его сверху тряпкой, а задом понять, какой сложный ритуальный славянский смысл заложен в этом действе, — я сплываю перед вами шляпу. Мне пришлось заглянуть в русский текст, который был до

разочарования бабален: «При воспламенении проводов сбить или накрыть пламя плотной тканью».

В оставшееся от борьбы со стихией время можно развлечься посещением странного места под названием Beauty Pavior. Правда, смысл такого визита очевиден далеко не сразу. "To enter professional masters, call..." Кто эти люди, мастера своего дела? К вашим услугам и конференц-зал. Не беда, что вы не всех успели пригласить на своё мероприятие — отель уже позаботился о слушателях, ибо зал сдаётся вместе с ними, как явствует из сообщения: "To use conference hall, that contain 100 people, and works from 9 to 5, call..." А с оплатой можно повременить — "you pay when you sing out." А петь если не собираетесь, то и не платите.

РЕМОНТ ЧАСОВ

Недавно в Барнауде я увидела экзистенциальную надпись: "Repair of Hours" — привет Терри Претчетту, в его книгах фантазия есть похожие сюжеты. Впрочем, Барнаул вообще интересный город — у них на заборах вместо привычных и понятных каждому русскому человеку выражений, написано следующее: «Это не я». В каких обстоятельствах вам бы пришлось в голову писать такое на заборе? Проснувшись утром и не узнав себя в зеркале, причём до такой степени, что захотелось кричать об этом? Или как в старом анекдоте: — «Мама! Открой! Мама, это я!». «Нет, сынок, мама — это я!»

Так что, как ни крути, а умом-то Россию точно не понять. Ум здесь просто начинает тормозить и сдаваться, особенно если это ум иностранный. Тут-то и наступает состояние дзен, ради которого, наверное, и стоит ехать в эту страну.

Б.Н. Климзо

Б.Н. Климзо «Ремесло
технического
переводчика».
М., «Р.Валент», 2006.
508 стр., тираж 2500

Борис КЛИМЗО

Ремесло технического переводчика

Об английском языке,
перевод и переводчиков
научно-технической литературы

Издательство «Р.Валент»

В издательстве «Р.Валент» только что вышло в свет второе переработанное и дополненное издание книги Б.Н. Климзо «Ремесло технического переводчика», в которой автор обобщил полувековой опыт перевода, редактирования и исследования научно-технической литературы на английском языке. Эта книга не имеет аналогов, она представляет собой синтез инженерного подхода к переводу, прикладного лингвистического анализа и практических рекомендаций.

Значительная часть книги посвящена самому языку, на котором пишут англоязычные инженеры и учёные. И это неудивительно, так как английский язык, по выражению одного из его носителей, «обладает дьявольской способностью говорить не то, что собирался сказать автор», а если ещё учесть, что учёные и инженеры излагают свои мысли во многом не так, как это делают гуманитарии, то станет ясно, почему перевод научно-технической литературы на английском языке — очень непростая задача. Именно поэтому в книге подробно рассмотрены особенности «технического» английского языка, относящиеся к

синтаксису, стилю, идиоматике и лексике, в том числе такие не описанные слова-ловушки, слова-подножки, индикаторные слова, термины, неологизмы и т.д. Английский язык рассматривается в сравнении с русским языком, и там, где это кажется автору необходимым, указываются их сходство и различие. В книге приводится множество примеров, взятых из оригинальных документов на английском языке, но она при этом не напоминает многочисленные «пособия» со множеством «заданий» и «упражнений». Примеры предназначены только для иллюстрации различных языковых тонкостей, трудностей, а также способов их преодоления. Практически все примеры снабжены переводами и комментариями автора. Кроме того, в книге уделено внимание логике технического языка и логическим способам решения языковых загадок, некоторые из них собраны в отдельную главу.

Ещё большая часть отведена в книге собственно переводу и таким его основным жанрам и документам, как статья, патент, технико-экономическое обоснование, специфика-

кация материалов, технические условия, инструкции по монтажу, эксплуатации и ремонту, стандарт, чертёж, гарантии, сертификаты, акты и т.д. Помимо чисто технических документов, рассматривается ряд юридических (им посвящена целая глава) и экономических документов. Приводится обильный справочный материал, представляющий общий интерес для переводчиков, и в частности таблицы сокращений на чертежах и в спецификациях, резьб. размерностей, условий поставки, взрывоопасных зон, юридических штампов.

Техническая литература несёт в себе не только языковую, но и техническую информацию, которая тоже нуждается в некоторой трансляции. Поэтому в книге рассматриваются приёмы перевода чисто инженерного характера, которые доступны и переводчикам с языковым образованием. Кроме того, в отдельной главе рассматриваются английские отрицательные конструкции, перевод которых нередко вызывает затруднения. Другая отдельная глава посвящена переводу на английский язык. В конце книги говорится о требованиях, предъявляемых к профессиональному переводу, и сравниваются профессиональный и непрофессиональный переводы одного и того же текста.

Письменному техническому переводчику хорошего знания языка и предмета недостаточно — он должен быть и хорошо вооружён. Поэтому в книге, помимо ссылок на традиционные инструменты переводчика (словари и различные справочники), рассматриваются современные средства — Интернет и некоторые компьютерные программы.

Наконец, в книге немало мест, относящихся к самим переводчикам. Здесь и роль переводчиков в обеспечении технического прогресса, и их самые разные (иногда курьёзные) представления о переводческих проблемах, и испытываемые ими трудности языкового, логического и психологического характера, а также некоторые используемые ими приёмы и уловки. Имеется даже отдельная глава, посвящённая правде и мифам о переводчиках.

Обилие таблиц и ссылок придаёт книге справочный характер. Помимо множества

удобных для пользования таблиц, в ней дано развёрнутое содержание в начале, а в конце — подробные указатель английских слов и словосочетаний и русский тематический указатель, которые помогут пользователю быстро находить интересующую его информацию. Книга очень информативна, и каждый читатель, будь то делающий первые шаги на стезе перевода любитель или умудрённый опытом профессионал, найдёт в ней много любопытного и неожиданного. Она написана в стиле, близком к разговорному, и её интересно будет прочесть даже тем, кто не собирается посвящать себя переводу.

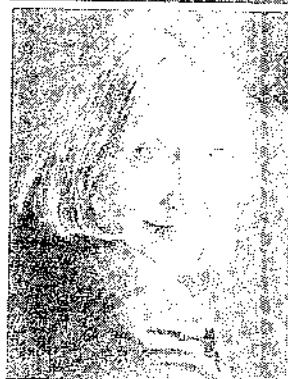
Материалы книги можно использовать в качестве основы курса технического перевода, читаемого преподавателями кафедр иностранных языков в технических вузах. Методические рекомендации даны в виде отдельного приложения.

Из «Заметок переводчика»

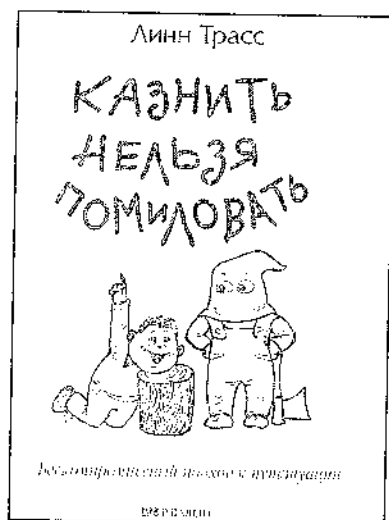
Н.А.Заболоцкий

Успех перевода зависит от того, насколько удачно переводчик сочетал меру точности с мерой естественности. Удачно сочетать эти условия может только тот, кто правильно отличает большое от малого и сознательно жертвует малым для достижения большого.

Линн Трасс

Л. Трасс. Казнить нельзя
помиловать. – М.:
«Р.Валент», 2006. – 192 с.
Тир. 3000 экз.

Казнить ли панду?

Книга Лини Трасс «Ест, стреляет и уходит» (Eats, Shoots & Leaves) вышла сначала в Англии, где была объявлена «Книгой 2004 года». Потом была переиздана в США, где десять месяцев подряд входила в список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». Её перевели на китайский, японский, корейский, немецкий, шведский, итальянский и нидерландский; в мире продано более трёх миллионов экземпляров.

В основе названия лежит такой анекдот: в кафе заходит панда, съедает бутерброд и, пальнув в потолок, направляется к выходу. «В чём дело?» – возмущается официант. Панда швыряет через плечо энциклопедию и уходит со словами: «Так всё написано». Из-за ошибочно вставленной запятой статья в энциклопедии гласит: «Панда – крупное чёрно-белое млекопитающее, похожее на медведя; распространено в Китае. Ест, стреляет и уходит». (На самом деле составители энциклопедии хотели сообщить, что панда питается побегом и листьями – eats shoots & leaves.)

Теперь издательство «Р.Валент» выпустило русскую версию в переводе Натальи Шаховой под названием «Казнить нельзя помиловать», судьба которой тоже складывается удачно: книга объявлена финалистом премии «Единорог и Лев», учреждённой Британским Советом, журналом «Иностранная литература», газетой «Книжное обозрение», союзом «Мастера литературного перевода» и Посольством Ирландии.

Директору издательства В.Р. Колесниченко вручают Диплом финалиста премии «Единорог и Лев» (2006 г.) за активную и успешную деятельность по переводу и изданию литературы Великобритании и Ирландии.

Переводчик книги Линн Трасс «Казнить нельзя помиловать» Наталья Шахова с Дипломом финалиста премии «Единорог и Лев» (2006 г.) за лучший перевод на русский язык литературы Великобритании и Ирландии.

Предлагаем вашему вниманию введение из этой книги.

Седьмое чувство

Интересно, мы с вами родственные души? На автозаправочной станции неподалёку от моего дома висит объявление: *Come inside for CD's, DVD's, VIDEO's and BOOK's*¹. Что вы на это скажете?

Если эта дьявольская россыпь ненужных апострофов не исторгла из вашей груди стога и не вызвала ускоренного сердцебиения, лучше сразу закройте книгу. Вас можно поздравить — вы не педант и тем более не фанатик; вы способны счастливо жить в мире, где стандарты пунктуации стремительно рушатся. Так что читать эту книгу вам незачем. Истинный фанатик пунктуации воспримет попытку образовать множественное число с помощью апострофа (*Book's*) как настоящую трагедию. Вихрем пронесутся в его душе чувства, которые переживаются в момент тяжёлой утраты. Потрясение — «не верю, не может быть!» — пронзительная боль — гнев — наконец (тут аналогия заканчивается), праведный порыв совершить акт преступного вандализма посредством маркера.

В наше время фанатику пунктуации приходится несладко. Иной раз просто боинься утром встать с постели. Конечно, бывают и приятные моменты. вроде чудесного анекдота про панду, которая *eats, shoots and leaves*², однако большую часть времени тонкая натура фанатика подвергается издевательствам, погружающим его в пучину ужаса и одиночества. На двери оздоровительного центра висит объявление: *It's party time, on Saturday 24th May we are having a disco/party night for free, it will be a ticket only evening*³. Реклама предлагает услуги декораторов для *wall's — ceiling's — door's etc*⁴.

¹ Искаж. от *Come inside for CDs, DVDs, VIDEOS and BOOKS* — Заходите купить CD, DVD, видеокассеты и книги. (Здесь и далее прим. переводчика.)

² ест, стреляет и уходит

³ Искаж. от *It's party time. On Saturday, May 24th, we are having a disco/party night for free. It will be a ticket-only evening.* — Пора повеселиться. В субботу 24 мая состоится бесплатный танцевальный вечер; вход только по билетам.

⁴ Искаж. от *walls, ceilings, doors, etc.* — стены, потолки, двери и т. п.

Газета предлагает «Валент»

Газета оповещает о *FAN'S FURY AT STADIUM INQUIRY*⁵ — звучит весьма загадочно, пока не прочтёшь заметку и не узнаешь, что речь идёт о целой толпе болельщиков, а вовсе не об одном разбушевавшемся безумце, как можно было бы подумать, поверив заголовку.

Куда ни глянь, всюду следы невежества и равнодушия. Взять хотя бы фильм *Two Weeks Notice*⁶. Выписанное аршинными буквами — без всяких признаков апострофа, — это название красовалось на автобусах, словно прямой вызов фанатикам пунктуации. Помнится, весной 2003-го, в самом начале рекламной кампании фильма, я беспечно (чуть ли не на свистывая) вышла из здания автовокзала «Виктория» — и замерла как вкопанная, зажав рукой рот. Где же апостроф? На этом автобусе непременно должен быть апостроф! Ведь в *one month's notice*⁷ апостроф необходим (объясняла я самой себе), и в *one week's notice*⁸ он тоже был бы тут как тут; значит, и в *two weeks' notice* без него не обойтись! Нужные мне автобусы (73-й и два 38-х) благополучно укатили по Букингем-Палас-роуд, пока я горестно вела эти дискуссии со своим внутренним «я», утратив способность двигаться и всякое чувство реальности.

Хуже всего то, что миру нет никакого дела до маленьких трагедий фанатиков пунктуации. Пока мы с ужасом перечитываем безграмотное объявление, мир живёт своей жизнью, равнодушный к нашим бедам. Мы — как тот мальчик из фильма «Шестое чувство», только он видел умерших людей, а мы видим мёртвые знаки препинания. Шепчем по-детски беспомощно: «Мёртвые знаки препинания невидимы для других, а мы видим их на каждом шагу». Никто не понимает нас — людей, наделённых седьмым чувством. Нас считают чокнутыми. Когда мы указываем на ошибки, нам то и дело предлагают «заткнуться».

⁵ Искаж. от *FAN'S FURY AT STADIUM INQUIRY* — «Расследование буйства фанатов на стадионе».

⁶ Искаж. от *Two Weeks' Notice* — «Уведомление за две недели». В российском прокате фильм шёл под названием «Любовь с уведомлением».

⁷ уведомление за месяц

⁸ уведомление за неделю

ся» — причём, что любопытно, предлагающие явно не готовы следовать собственному совету. Понятно, что в такой враждебной обстановке не всегда рискнёшь поделиться своими открытиями — охота на ведьм по-прежнему популярна. В окне благотворительной организации вывесили плакат: *Can you spare any old records*⁹ — без вопросительного знака. Каждый день, проходя мимо, я в нерешительности застываю перед этим окном: сказать или нет? Отсутствие вопросительного знака в конце вопросительного предложения — это совсем не ерунда. Это вопиющее невежество. Но вдруг пожилая дама-благотворительница, недоверчиво посмотрев на меня, посоветует заткнуться, валить подалее и не лезть не в своё дело?

С другой стороны, я прекрасно понимаю, что призывать к состраданию фанатикам — дело неблагодарное. Нашим проблемам трудно сочувствовать. Мы отказываемся ходить в магазины, где есть кассы для тех, кто купил *eight items or less*¹⁰ (потому что должно быть *fewer*): после событий 11 сентября мы взвинчены до предела не столько из-за Осамы бен Ладена, сколько из-за того, что по радио твердят *enormity* вместо *magnitude*¹¹, чем совершенно выводят нас из себя. Слыша констатацию *Mr Blair was stood*¹² (вместо *standing*), мы в бешенстве стискиваем зубы: а когда со словами типа *phenomena*, *media* или *cherubim* обращаются как с существительными в единственном числе (*The media says it was quite a phenomena looking at those cherubims*¹³), у нас вырывается самый настоящий вопль. Читая книгу, фанатик неизменно сжимает в руке карандаш, чтобы исправлять опечатки. Короче, мы неприятные, занудные, не знающие меры умники, и нас с трудом переносят даже близкие.

⁹ Искаж. от *Can you spare any old records?* — Вы не поделитесь старыми пластинками?

¹⁰ не более 8 предметов (искаж.)

¹¹ В контексте масштабов катастрофы *enormity* звучит неуместно, вызывая — в отличие от *magnitude* — положительные ассоциации (грандиозная катастрофа), в то время как подразумевается чудовищная катастрофа.

¹² господил Блэр стоя (искаж.)

¹³ По мнению прессы, вид этих ангелов совершенно уникален (искаж.).

Я хорошо помню день, когда во мне проснулся этот чёртов фанатик. Осенью 2002-го я делала для Би-би-си-4 серию передач о пунктуации под названием «Знаки отличия», и продюсер пригласил в программу Джона Ричардса из Общества защиты апострофа. В то время я была очень увлечена идеями этой организации, на сайте которой красовались фотографии неграмотных объявлений наподобие *The judges decision is final*¹⁴ и *No dog's*¹⁵. Мы сводили господина Ричардса на рынок на Берик-стрит, чтобы посмотреть, как онотреагирует на пунктуацию некоторых торговцев (*Potatoes*¹⁶ и т. п.), а потом завели разговор о том, как именно следует бороться за жизнь этого знака препинания, безвинно поглощённого лучиной безграмотности.

Члены Общества защиты апострофа, поведал Ричардс, рассылают учтивые разъяснения. В своих письмах они излагают правила употребления апострофа и выражают смиренную надежду, что если возмутительное объявление *BOB'S PETS*¹⁷ (с запятой) когда-нибудь будет исправлено, то не последнюю роль в этом сыграет и данное послание, написанное с исключительно добрыми намерениями. Именно в этот момент я почувствовала невольный и непреодолимый порыв. Во мне проснулся фанатик. «Но этого же мало!» — воскликнула я. Меня переполняли идеи. А что, если расклеивать надписи «Апостроф здесь не нужен»? Или бросить ключ — и выходить глухой ночью в рейды со стремянкой, трафаретом апострофа и банкой краски? Почему у Общества защиты апострофа нет боевого отряда? Может, мне его организовать? Где тут выдают шлемы?

Пунктуацию определяют по-разному. Одни уподобляют её шитью: стежки пунктуации не дают расплзтись ткани языка. Другие считают, что знаки препинания сродни дорож-

¹⁴ Искаж. от *The judge's decision is final* — Решение судьи окончательно.

¹⁵ Искаж. от *No dogs* — Вход с собаками запрещён.

¹⁶ Искаж. от *Potatoes* — Картофель.

¹⁷ Искаж. от *BOB'S PETS* — Питомцы Боба.

ным: они указывают, когда нужно снизить скорость, обратить на что-то внимание, направиться в объезд или остановиться. Я даже видела такое фантастическое сравнение: точка и запятая — это «невидимые феи — но не те, что вызывают ураганы или любовные бури, а, скорее, из тех, кто подаст стакан воды и принесёт подушку». Больше всего мне нравится простое определение, которое я вычитала в стилистическом справочнике одной газеты: правильная пунктуация — это «любезность, помогающая прочесть текст без запинки».

Правда, превосходная аналогия? Ведь настоящая воспитанность незаметна: она облегчает жизнь окружающим, не привлекая к себе внимания. Не случайно слово *punctilious* (тщательно следующий формальностям или правилам этикета) имеет тот же корень, что и *punctuation*. Как мы увидим дальше, «разметку» письменного текста всегда делали во имя читателя, стремясь уточнить смысл высказывания и не допустить неверной интерпретации. В 1644 году Ричард Ходжес, учитель из Саутуорка, писал в книге «Английская примула», что «особое внимание при письме следует уделять правильной расстановке знаков препинания, ибо пренебрежение оными искажает смысл». В качестве примера он приводит следующую фразу: *My Son, if sinners intise [entice] thee consent thou, not refraining thy foot from their way*¹⁸. Представьте себе, как изменится смысл, указывает он, если занятую поставить после слова *not*: *My Son, if sinners intise thee consent thou not, refraining thy foot from their way*¹⁹. Этот дошедший до нас из XVII века пример напоминает эпизод телесериала «В тюрьме», когда Ронни Баркер читает вслух последние строки письма, пришедшего из дома его товарищу по заключению: *Now I must go and get on my lover*²⁰, а потом притворяется, что заметил запятую, и быстро исправляется: *Now I must go and get on, my lover*²¹.

¹⁸ Сыне мой, держись пути грешников, избегая стези праведной.

¹⁹ Сыне мой, держись, пути грешников избегая, стези праведной.

²⁰ Теперь мне пора взбираться на любовника.

²¹ Теперь мне пора идти, любимый.

Даже те, кто путает апостроф с апостолом, зачастую с интересом следят, как знаки препинания волшебным образом меняют смысл цепочки слов. Этот эффект лежит в основе многочисленных шуток из серии «прошу прощения, я оговорился». Например, в пьесе Марло «Эдуард II» персонаж может вместо *What would you with the king?*²² сказать: *What? Would you? With the king?*²³ Игра со знаками препинания издавна увлекала как великие умы, так и простых смертных. В век электронной почты, когда стало модно пересылать друг другу забавные тексты, популярен такой пример:

*A woman, without her man, is nothing*²⁴.
*A woman: without her, man is nothing*²⁵.

Поневоле призадумался, какое из двух утверждений выбрать. А вот другой известный пример — письмо *Dear Jack*, построенное по тому же довольно примитивному принципу:

Dear Jack,

I want a man who knows what love is all about. You are generous, kind, thoughtful. People who are not like you admit to being useless and inferior. You have ruined me for other men. I yearn for you. I have no feelings whatsoever when we're apart. I can be forever happy — will you let me be yours?

Jill²⁶

Dear Jack,

I want a man who knows what love is. All about you are generous, kind, thoughtful people, who are not like you. Admit to being useless and inferior. You have ruined me. For

²² Зачем король вам? (Пер. А. Радловой.)

²³ Что? Неужели? Вы? С королем?

²⁴ Женщина без своего мужчины — ничто.

²⁵ Женщина: без нее мужчина — ничто.

²⁶ Дорогой Джек!

Мне нужен человек, который понимает, что такое любовь. Ты великодушен, добр, заботлив. Люди, непохожие на тебя, признают свою бесполезность и ничтожество. Ты закрыл моё сердце для других. Я жажду тебя. Когда мы в разлуке, душа моя мертва. Я могу быть счастлива всю жизнь — ты позволишь мне стать твоей?

Джил

other men I yearn! For you I have no feelings whatsoever. When we're apart I can be forever happy. Will you let me be?

*Yours,
Jill²⁷*

Во всём этом нет ничего особенно оригинального: ещё за пятьсот лет до всякой электронной почты по рукам ходила аналогичная дурацкая головоломка:

*Every Lady in this Land
Hath 20 Nails on each Hand;
Five & twenty on Hands and Feet;
And this is true, without deceit²⁸.*

(Every lady in this land has twenty nails. On each hand, five; and twenty on hands and feet²⁹.)

Всё это забавно; однако почему-то никто не рассылает по электронной почте гораздо более интересный текст без знаков препинания: роковую телеграмму, ускорившую в 1896 году поход Джеймсона на Трансвааль. Думаю, это говорит о качестве современного образования. Вы когда-нибудь слышали о том, как Джеймсон потерпел фиаско? Замечательная история о пунктуации. Салитесь поудобнее и слушайте. В то время Трансвааль был буревой республикой, поэтому ожидалось, что британцы и другие не имеющие гражданских прав поселенцы из окрестностей Йоханнесбурга восстанут, если Джеймсон вторгнется в пределы страны. Однако, к несчастью, в телеграфном приглашении Джеймсону, направленном поселенцами, содержалась трагическая двусмысленность:

It is under these circumstances that we feel constrained to call upon you to come to our aid

²⁷ Дорогой Джек!

Мне нужен человек, который понимает, что такое любовь. Тебя окружают великодушные добрые заботливые люди, все они непохожи на тебя. Признай свою бесполезность и ничтожество. Ты погубил меня. Я жажду иного человека. К тебе у меня не осталось никаких чувств. Без тебя я могу быть счастлива всю жизнь. Позвольшь ли ты?

Твоя Джил

²⁸ У каждой леди в этой стране двадцать ногтей на каждой руке, пять и двадцать на руках и ногах; и это истинная правда без всякого обмана.

²⁹ У каждой леди в этой стране двадцать ногтей. На каждой руке — пять; и двадцать — на руках и ногах.

should a disturbance arise here the circumstances are so extreme that we cannot but believe that you and the men under you will not fail to come to the rescue of people who are so situated³⁰.

Как отметил Эрик Партридж в своей книге «Верно или неверно?», если в этом тексте поставить точку после слова *aid*, то сообщение недвусмысленно призывает: «Скорее на помощь!» Однако если поставить точку после слова *here*, то смысл получается скорей такой: «Возможно, попозже ты нам и понадобишься, смотря как пойдут дела, но пока что, дружище Джеймсон, не суетись, мы сами тебя позовём, ежели что». Разумеется, послание было опубликовано в «Таймс» с точкой после слова *aid* (поставленной неизвестно кем), и бедняга Джеймсон стрелой помчался на подмогу, хотя никто его не звал и не ждал.

Всё это подкрепляет собственную метафору Партриджа в отношении пунктуации: «линия, вдоль которой должен двигаться поезд (композиция, стиль, изложение), чтобы не скрываться из виду вместе с машинистом». Иными словами, пунктуация не даёт смыслу сбиться с пути. Количество знаков препинания вечно вызывает недовольство: тексты обвиняют то в их недостатке, то в переизбытке. В «Дневниках» Питера Холла встречается забавный эпизод: режиссируя роль Альберта Финнея в «Гамлете», он удалил из текста «практически все знаки препинания, кроме несущих смысловую нагрузку», и столкнулся с удручающими последствиями. 21 августа 1975 года он записывает: «Шекспировский текст перенасыщен знаками препинания до полного абсурда: многие поколения исследователей пытались добиться от Шекспира идеальной ясности». Всё это кажется довольно убедительным, пока в записи, сделанной 22 сентября после первой репетиции, мы не прочтём, что репетиция прошла хорошо, хотя «чтение было приблизительным и рваным, актёры запинались и неверно расставляли акценты».

³⁰ В связи с этими обстоятельствами мы будем вынуждены обратиться к вам за помощью в случае возникновения здесь беспорядков: обстановка настолько критическая, что нам остаётся только надеяться, что вы с вашими людьми не колеблясь придёте спасти тех, кто находится в таком положении.

Что же случилось с правилами пунктуации? Почему ими пренебрегают, хотя они способны предотвратить чудовищную путаницу? Заголовок в сегодняшней газете гласит: *DEAD SONS PHOTOS MAY BE RELEASED*³¹ — речь идёт не об одном, а о нескольких погибших, но догадаться об этом невозможно. Очевидно, во всём виновата педагогическая практика последнего времени. До 1960 года пунктуация входила в программу британских школ. В 1937 году на экзамене в обычной школе ребёнку предлагалось расставить знаки препинания в следующей головоломке: *Charles the First walked and talked half an hour after his head was cut off (omnein: Charles the First walked and talked. Half an hour after, his head was cut off*³²). Сегодня, слава богу, общенациональная образовательная программа снова предусматривает обучение восьмилетних детей расстановке запятых, несмотря на то что в столь юном возрасте они имеют довольно смутное представление о грамматике. Работая над передачей «Знаки отличия», мы посетили школу в Чeshire, где детей учат ставить запятые в следующих ситуациях:

- 1) при перечислении;
- 2) перед прямой речью;
- 3) для выделения дополнительной информации.

Это производит сильное впечатление. В восемь лет уметь определить, какая информация дополнительная, а какая нет. — большое достижение. Сама я точно не была на таком способна.

Перемены в общенациональной программе вселяют некоторый оптимизм; однако ужас в том, что более четверти века пунктуация и вообще грамматика английского языка в большинстве школ попросту не преподавались. И хотя на выпускных экзаменах ежегодно отмечали плачевный уровень письменного английского, ничего не менялось.

³¹ Искаж. от *DEAD SONS' PHOTOS MAY BE RELEASED* — «Фотографии погибших сыновей могут быть опубликованы».

³² Карл I пребывал в добром здравии. Спустя полчаса ему отрубили голову.

Выпускники не умели даже правильно написать слова «грамматика» и «предложение», не говоря уж об их более или менее осмысленном употреблении.

Сама я училась в средней школе с 1966-го по 1973-й — и тоже не помню, чтобы мне преподавали пунктуацию. В пятом классе был смешной случай: учитель английского спросил: «Но вас же учили грамматике?» — и все мы виновато потупились. Латинской, французской и немецкой грамматике нас учили, а вот английскую мы должны были, видимо, усвоить в ходе чтения — почему у меня и возникли проблемы с *its* и *it's*. Как многие самоучки, я вообразила, что если бывает *its* с апострофом перед *s*, то должно быть и *its* с апострофом после *s*. Прискорбно, что никто не развеял моего заблуждения. Помню, был период, когда, не сомневаясь, что хоть где-нибудь апостроф непременно должен стоять, я хитроумно размещала крошечную закорючку прямо над буквой *s*, чтобы подстраховаться на все случаи жизни. Представьте себе возмущение бедного подростка, когда этот плавающий апостроф раз за разом вычёркивался. «Почему?» — силлась понять я, но ответа не находила. Разве я не поставила его точно посередине? Почему учитель решил, что он стоит не там, где нужно?

К счастью, я была помещена на английский язык и в конце концов сумела в этом разобраться. Пока другие девочки обнимались с мальчиками, я проводила воскресные вечера в обнимку с радиоприёмником, слушающая передачу Иана Месситера под названием «Сколько ошибок!», где обаятельные эрудиты выискивали в предлагаемых отрывках грамматические ошибки. Это была потрясающая передача. Я часто мечтаю, чтобы её вернули в эфир. Участники — Изобель Барнетт, Дэвид Никсон — обрывали Роя Пломтея, нажимая на кнопку — дзынь! — и заявляя: «Тавтология!» Пока мои ровесницы балдели на рок-фестивале на острове Уайт и делали аборт, я купила книгу Эрика Парtridge «Верно или неверно?» и обернула в твёрдую обложку, чтобы сохранить на всю жизнь (так и вышло). Забавно, что тогда я не видела в своём поведении ничего особенного, хотя у меня на лбу было большими буквами написано «фанатус обыкновенус». Теперь-то я понимаю, что моё

превращение в профессионального охотника за опечатками было далеко не случайным.

Возвращаясь к тёмным векам британской образовательной системы, когда учителя полагали, что грамматика и орфография мешают самовыражению, нужно признать: время для грамматической апатии было выбрано хуже некуда. В 1970-е ни один деятель образования и вообразить не мог, к какому взрыву письменного общения приведут персональный компьютер, Интернет и мобильный телефон. Ведь теперь все стали писателями! Каждый может поместить на сайте книжного магазина «Амазон» такую, например, рецензию:

I watched this film [About a Boy] a few days ago expecting the usual Hugh Grant bumbling ... character I've come to loathe/expect over the years. I was thoroughly surprised. This film was great, one of the best films I have seen in a long time. The film focuses around one man who starts going to a single parents meeting, to meet women, one problem He doesn't have a child³³.

Ну не печально ли? Люди, которых никогда не учили правилам родного языка, проводят свой досуг — вот стюриризм для педагогов! — пытаюсь состыковать свой текст с написанием другим. А редакторов-то в Интернете нет! Незнание грамматики и пунктуации не мешает людям общаться посредством «эсэм-эсок» типа *C U later*³⁴. Но при попытке написать что-то более пространное неизменно получается текст в духе мальчика Пила из «Больших надежд»³⁵:

*MI DEERJO I OPE U R KRWITE WELL
I OPE I SHAL SON B HABELL 4 2 TEEDGE
U JO AN THEN WE SHORL B SO GLODD
AN WEN I M PRENGTD 2 U JO WOT LARX
AN BLEVE ME INF XN PIP³⁶.*

³³ Посмотрел пару дней назад это кино [«Мой мальчик»] думал хью Грант будет как всегда тупить... я таких уже просто ненавижу. Но я поразился. Фильм классный, давно таких не видел. Там про одного парня он начинает ходить на встречи одиноких родителей, чтоб знакомиться с жёнами только у него то нет ребёнка.

³⁴ See you later — Увидимся!

³⁵ Роман Чарльза Диккенса.

³⁶ «Расшифровка» текста приведена в конце раздела.

Многие утверждают, что ставят в SMS-сообщениях все необходимые знаки препинания. Работая над «Знаками отличия», мы спрашивали прохожих (возле театра «Палладиум», часов в пять вечера), пользуются ли они знаками препинания при составлении «эсэмэсок». Девять из десяти опрошенных ответили «да», и это вызывает изумление, чтобы не сказать — скептицизм. Некоторые утверждали, что используют все, что положено, вплоть до точки с запятой и скобков. «Я помещаю на грамматике», — объясняла молодая новозеландка. «Я стремлюсь приучить сына-подростка правильно ставить знаки препинания», — сказал приятный мужчина интеллигентного вида. Я пыталась подкачать респондентам выход из положения: «Эти менно — такая морочка, правда? Никого не удивит, если вам неохота с ними связываться». Но ничего не помогало — нас явно занесло в царство грамотеев. «Ну конечно, я ставлю знаки препинания в своих сообщениях. Я сдавал в школе экзамен повышенной сложности по английскому», — высокомерно заявил один молодой человек. Похоже, эта повышенная сложность заставляет людей чувствовать себя Хранителями в духе «Властелина Колец»: их так и тянет вооружиться луком из эльфийского золота и встать на защиту английского языка.

Честно сказать, я им не верю. Они либо необъективны к себе, либо попросту врут в микрофон. Скажите продавцу газет, что в заголовке *DEAD SONS PHOTOS MAY BE RELEASED* есть ошибка, — и он тут же смеётся тему и заговорит о ценах на молоко. Станьте возле кинотеатра на Лестер-сквер с апострофом на шесте, указывая, как следует исправить название *Two Weeks Notice* (я так делала), — и вас не поддержит ни одна живая душа; больше того, люди просто не поймут, в чём проблема. И это прискорбно. Вернёмся к нашим аналогиям: чем грозит отказ от знаков препинания? Если они — стежки, то текст развалится, а пуговицы отстанут. Если рассматривать их как знаки дорожного движения, то слова врежутся друг в друга и всё полетит под откос. Если вы способны хотя бы на миг вообразить, что знаки препинания — это невидимые фси, то наш бедный заброшенный язык

уляжется спать без воды и подушек. Если же вспомнить аналогию с вежливостью, то фраза больше не будет придерживать для вас дверь, а захлопнет её прямо перед вашим носом.

Пунктуацию нужно защищать вовсе не потому, что горстка эстетов впадает в депрессию, когда видит отход от правил. Просто без неё нет надежного способа передать смысл. Пунктуация объединяет одни группы слов и разделяет другие. Знаки препинания управляют чтением, как ноты — игрой музыкантов. Как мы увидим в главе, посвящённой запятой, первыми её применили греческие драматурги две тысячи лет назад, стремясь помочь актёрам вовремя делать вдох. Отсюда — современное объяснение разницы между кошкой и запятой:

*A cat has claws at the ends of its paws.
A comma's a pause at the end of a clause³⁷.*

Цепочки слов без знаков препинания напоминают загадочные картинки, которые когда-то рисовал Рольф Харрис и над которыми можно было подолгу ломать голову. А потом Рольф окунал кисточку в белую краску и дразнил до самого последнего момента: «Ну, теперь догадались?» — добавлял где штрих, где точку, где завиток — и всё вдруг становилось ясно. Внезапно из разноцветной мешанины возникал кенгуру в футбольных ботинках с бутербродом в лапах! Точно так же и здесь: возьмём неразмеченный текст, расставим в нужных местах точки и прочие завитушки — и что мы увидим?

My dear Joe,

I hope you are quite well. I hope I shall soon be able to teach you, Joe — and then we shall be so glad. And when I am apprenticed to you, Joe: what larks! Believe me, in affection,
Pip³⁸

³⁷ Кошачьи лапы заканчиваются коготками. Запятая означает паузу в конце фразы.

³⁸ Милый Джо! Желаю тебе здоровья, Джо! Я скоро буду тебя учить, и мы будем так рады, Джо. А когда я буду у тебя подмастерьем, то-то будет расчудесно! Остаюсь с любовью Пип. (По переводу М. Лорие.)

Совет о переводе

С.Ф. Гончаренко

Перевести пичугу на стихи...
Перевести стихотворенье в чувство...
Да, перевод — высокое искусство,
где вздох — и тот — подкова для блохи.

Не только с языков на языки!
Чтоб мысль не стала родственницей дыма,
её *перевести* необходимо
на внятный диалект литой строки.

Не точен ощущения *подстрочник*:
он искажает собственный источник.
О *непереводимости* скорбя,

хотим себе перевести себя,
хотим себя перевести для *прочих*...
Но кто тогда из нас не переводчик?

14.11.1971

Об авторах

Загот Михаил Александрович – профессиональный переводчик, доцент МГЛУ, член Союза писателей России, Союза переводчиков России. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М.Тореза.

Зубанова Ирина Владимировна – устный переводчик (синхронный и последовательный) и преподаватель устного перевода. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза (сегодня МГЛУ) и с тех пор в нём преподаёт, в последнее время на Факультете переводческого мастерства. Соавтор словаря «Американа».

Иовенко Валерий Алексеевич – устный и письменный переводчик. Доктор филологических наук. Профессор кафедры испанского языка МГЛУ. Окончил ВИИЯ. Автор учебников, монографий, научных статей по теории и практике перевода и испанистике.

Ионова Ирина Юрьевна – переводчик научно-технической литературы. Окончила отделение математической и прикладной лингвистики переводческого факультета МГПИИЯ им. М. Тореза

Климзо Борис Николаевич – инженер-энергетик и лингвист, многие годы посвятил изучению английского языка научно-технической литературы. Автор многих статей, а также автор-составитель большого фразеологического словаря («Русско-английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы», тома 1 и 2).

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, преподаватель перевода. Кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М.Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Некрасова Тамара Петровна – начальник отдела переводов российской юридической компании "Пепеляев, Гольцблат и партнеры". Окончила МГПИИЯ им. М.Тореза.

Никольская Анна Игоревна – синхронный переводчик. Окончила Московскую международную школу переводчиков. Долгое время преподавала в Карлтон-колледже (США). Преподаватель синхронного перевода в МИПШ.

Палажченко Павел Русланович – синхронный и письменный переводчик, дипломат, журналист. Многолетний сотрудник ООН. Переводчик М. Горбачёва и Э. Шеварднадзе. Окончил МГПИИЯ им. М.Тореза. Автор ряда книг и словарей.

Пройдаков Эдуард Михайлович – редакционный директор ИТ-группы изданий СК ПРЕСС. Окончил геодезический факультет МИИЗ. Изучал прикладную математику в МИЭМ, системное программирование – в ИПК Минприбора. Занимался системным программированием и разработкой архитектур микропроцессорных систем, заведовал различными компьютерными лабораториями в ведущих институтах СССР, преподавал вычислительную технику и программирование в МИРЭА, МВТУ им. Н.Э. Баумана, ЦОЛИУВ. Работал переводчиком в английской редакции Всесоюзного центра научно-технической литературы. Участвует в работе экспертных советов СЭВ, Госдумы РФ и других организаций. Был главным редактором журнала "Мир ПК", затем – еженедельника PCWeek/RE. Соавтор "Англо-русского толкового словаря по ВТ, Интернету и программированию". Основатель и директор Российского виртуального компьютерного музея.

Станиславский Андрей Радиевич – переводчик, координатор проектов Харьковская правозащитная группа (ХПГ). Инициатор издания в России авторитетных американских учебных пособий по различным аспектам письменного изложения и смежным дисциплинам, составивших «Серию для начинающих авторов» издательства «Флинта» (Москва).

Теллицкий Леонид Абрамович – переводчик научно-технической литературы. Окончил МВТУ им. Н.Э.Баумана. Работал внештатным переводчиком в издательстве "Мир", переводил статьи для журнала "Электроника", книги по компьютерной тематике. Собирает новую терминологию для первого словаря по вычислительной технике под редакцией В.К. Зайденберга. Занимается составлением толковых словарей для переводчиков и специалистов.

Цвиллинг Михаил Яковлевич – кандидат филологических наук, профессор МГЛУ. Один из ведущих теоретиков устного перевода. Составитель ряда немецко-русских и русско-немецких словарей. Окончил ВИИЯ.

Bridging the Communication Gap

2(10)/2006

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

V. Sukhodrev: *The Man in the Middle*

M. Zwilling

Dolmetscher-Überraschungen
(Unvorhersehbares beim Dolmetschen)

P. Palazchenko

Cameos

B. Klimzo

Reference Base for Technical Translator

N. Shahova

Parallel Worlds

as well as
theory, practice and useful information for translators,
teachers and students from top professionals

ISBN 5-93439-197-6

9 785934 391974

